

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25
ЧАСТЬ V
2020

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (315) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Зинаида Сергеевна Донец* (1928–2015), доктор биологических наук, профессор кафедры экологии и зоологии факультета биологии и экологии Ярославского государственного университета.

Зинаида Сергеевна окончила Киевский государственный университет. Тема ее дипломной работы — «Слизистые споровики (Mucosporidia) рыб реки Днепр»; тема кандидатской диссертации — «Слизистые споровики (Mucosporidia) пресноводных рыб УССР», а тема диссертации доктора биологических наук — «Микоспоридии бассейнов южных рек СССР: фауна, экология, эволюция и зоогеография». Она была сотрудником факультета биологии и экологии Ярославского государственного университета и вела работу по изучению фауны и экологии паразитов (преимущественно одноклеточных) рыб бассейна Волги. Зинаида Сергеевна — автор более 100 научных публикаций.

Сферой ее научно-исследовательских интересов всегда была паразитология, объектом интересов — микоспоридии (очень мелкие одноклеточные паразиты рыб). Без учета статей она является соавтором двух определителей, ставших классическими. Это «Определитель паразитов рыб Черного и Азовского морей» и «Определитель паразитов пресноводных рыб фауны СССР». Кроме того, она — один из авторов первой в истории мировой сводки о микоспоридиях. Все книги были выпущены издательством «Наука».

В роли преподавателя «Зинаида Сергеевна была из тех немногих, кто умеет, что называется, выучивать. Ее лекционные объяснения были исчерпывающими. Ее вопросы на семинарах держали в напряжении, поскольку заставляли не пересказывать, а анализировать. Она великолепно «ставила руку» в практической работе — вскрытиях, изготовлении препаратов, микроскопировании, рисовании, описаниях. Уже в возрасте хорошо за шестьдесят она выезжала на европейский Север со своими студентами, чтобы обучить их не только полевой работе, но и организации экспедиционного быта. Учебно-полевая практика по зоологии беспозвоночных на биостанции ЯрГУ до сих пор проходит в установленном ею режиме», — вспоминает Михаил Ястребов, доктор биологических наук.

Еще он писал о ней: «А человеком она была чудесным. Внешне резковатая в манерах, Зинаида Сергеевна была добра к людям и не терпела лишь прохиндеев. Она умела войти в сложное положение студента или сотрудника и помочь, не ранжируя людей по степеням и званиям. Она была невероятно хлебосольной хозяйкой. За ее столом нередко собирались пестрые компании, где рядом оказывались знаменитый питерский или московский профессор и ярославский студент-троечник. И каждый уходил из ее дома не просто сытым и пьяным, но и с теплом в душе, которого она ни для кого не жалела».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Прокина Я. С. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования	289
Радченко Н. А. Соотношение владельческой (посессорной) защиты и виндикации	290
Рахматулина С. Р. Понятие, задачи и виды толкования права.....	292
Росляков В. Д. Пособник и посредник преступления: перспектива изменения законодательной регламентации понятий	295
Самохвалова П. В. Зарубежный опыт повышения эффективности деятельности органов управления образованием как одно из направлений совершенствования их взаимодействия	297
Смолькин М. А. Современное состояние ипотечного рынка	298
Строганова О. В., Цеунов К. С. Структурные особенности следственных органов РФ.....	300
Строганова О. В., Цеунов К. С. Особенности развития следственных органов Российской Федерации	302
Сусленков Д. А. Перспективы использования современных технологий в сфере международного нотариата	305
Филонова И. Р. Запрещение дискриминации в сфере труда	307
Филонова И. Р. Правовое регулирование лоббизма в Российской Федерации	309
Фролова В. М. Особенности полномочий органов местного самоуправления в области земельных отношений	311

Черноколпакова И. Д. Отсутствие юридической ответственности за нарушение супругами установленного ими режима имущества супругов в Российской Федерации	313
Шелегова Д. А. Проблемы реализации права на охрану здоровья в РФ	315
Шеховцова Н. С. Раскрытие доказательств в международном коммерческом арбитраже	317
Шипилова А. В. Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина несостоятельным (банкротом)	321
Шлыков Д. С. Особенности расследования серийных убийств	322
Шлыков Д. С. К вопросу о расследовании бытовых убийств	324
Ярлычева Ю. Е. Проблема правового регулирования электронных платежных систем	326

ИСТОРИЯ

Быстраков Д. А. Внутренняя и внешняя ассимиляция как демографический показатель развития народов Сибири в XVII–XIX вв.	329
Муртазаев Д. Б., Утамурадов У. М. Феномен джадидизма в духовной и культурной жизни Туркестана в период царизма.....	332

ПОЛИТОЛОГИЯ

Суздальцев Н. В. Крымский вопрос в контексте российско-немецких отношений на основе анализа немецких изданий (Die Zeit, Der Spiegel, Tageszeitung, Bild)	334
--	-----

Ювачёв М. Ю.

«Мягкая сила» международных террористических организаций как источник угрозы для национальной безопасности Российской Федерации 337

СОЦИОЛОГИЯ**Лебедев В. С.**

Культура насилия в контексте движения футбольных фанатов (на примере фанатов футбольного клуба «Зенит») 341

Самойленко Д. С.

Выявление проблем в эстетическом воспитании молодежи 346

Сидельников Ю. А.

Сложности процесса формирования карьерных траекторий выпускников вузов 348

ПСИХОЛОГИЯ**Бикбов М. М., Зайнуллин Р. М.,
Зайнуллина А. М., Митина Г. В.**

Уровень тревожности у пожилых слабовидящих пациентов 350

Билинская К. Н.

К проблеме агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста 352

Перевойкина Д. С.

Гендерные особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте 355

Петухова Ю. Н.

Снижение проявления одиночества у людей в процессе психологического консультирования 357

Суздальцев Н. В., Пантелеев А. Ф.

Историческая память как регулятор социального поведения 358

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования

Прокина Яна Сергеевна, студент магистратуры
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

Статья посвящена проблематике судебной практики как правового явления. В современном мире все больше растет роль и значимость средств правового регулирования. Автор полагает, что судебная практика имеет регулятивные свойства, поскольку она, благодаря сформулированным в судебных актах правовоположениям, влияет на содержание гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: судебная практика, правовое регулирование, решения Конституционного суда, гражданское право.

В современном гражданском обществе необходимо глубоко осмыслить различные стороны гражданско-правового регулирования, обозначить задачи повышения роли гражданского законодательства, а также возможность спрогнозировать развитие законодательства. Поскольку решающее значение судебной практики состоит в том, что она вносит определенность в гражданско-правовые отношения и в их содержание. Применяя нормы гражданского права к конкретному гражданину либо юридическому лицу, судебные акты станут конкретизировать общие требования закона. Ведь судебные акты, которые вынесены на основе изучения фактических обстоятельств, помогут определить наиболее целесообразный путь развития правового регулирования.

Особое место в российской правовой системе отводится судебной практике, но на сегодняшний день в юридической литературе не сложилось единого понятия о судебной практике. По мнению Коркунова Н. М., судебная практика имеет множество сходств с обычаем. Юридические нормы в судебной практике выражаются не в общей форме, а применительно к отдельным случаям [1, с. 328].

Иную точку зрения высказал Ф. В. Тарановский, акцентировавший внимание на том, что судебная практика должна признаваться самостоятельным источником права [2, с. 560].

Интересна также и точка зрения С. К. Загайновой, которая считает, что существующие позиции делятся на две группы. К первой относятся те, кто считает понятие «судебной практики» это все судебные решения всех судебных инстанций, в том числе постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Вторая включает в себя приверженцев иного определения судебной практики как судебных решений и разъяснений высших судебных инстанций, которые формулируют правовоположения [3].

По мнению председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева, судебная практика — это совокупность деятельности судов по применению законодательства при рассмотрении

гражданских, уголовных и других судебных дел. Иначе говоря, это опыт индивидуально-правовой деятельности судов, в том числе обобщений и анализа этой деятельности, а также решений разных судебных инстанций, включая постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел [4, с. 42]. Проанализировав вышесказанные мнения юристов и ученых, мне наиболее близка точка зрения последнего. Ведь работа судебной системы и заключается в накоплении и обобщении своих судебных решений, которые впоследствии станут «опорой» для любой из сфер общества, в том числе и гражданского права.

Современная судебная практика формируется из правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые формулируются в постановлениях при разрешении дел определенной категории. В дальнейшем они приобретают статус «судебно-нормативной материи», обязательной для нижестоящих судов и иных судебных инстанций. Приведем пример из судебной практики Конституционного суда Российской Федерации. Согласно Постановлению КС РФ от 25.06.2019 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э. М. Ворона», конституционно-правовой смысл п. 3 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике [5].

Согласно этому Постановлению, обжалуемые статьи Гражданского кодекса Российской Федерации признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что наличие судебного решения о взыскании в пользу несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет (малолетнего), признанного инвалидом и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном постороннем уходе, бессрочно расходов на по-

стоянный посторонний уход не исключает возможности в порядке возмещения причиненного ему вреда взыскать в последующем необходимые расходы, в том числе на услуги сиделки, или увеличить размер взыскания таких расходов, если судом установлено изменение обстоятельств, влияющих на определение размера возмещения, и гражданин не имеет права на получение соответствующей помощи и ухода бесплатно или за частичную плату либо при наличии такого права он был фактически лишен возможности получить такую помощь качественно и своевременно.

Анализируя значение решений Конституционного суда не нужно забывать, что данный орган является органом конституционного нормоконтроля, который осуществляет проверку нормативно-правовых актов. Получается, что в современном гражданско-правовом регулировании существенное значение имеют эти решения, подтверждающие конституционность нормативного акта. Они являются окончательными, обязуют пра-

воприменителей соблюдать и исполнять соответствующую и аналогичные нормы.

Решающее значение судебной практики как элемента механизма гражданско-правового регулирования выражается в том, что она вносит определенность в общественные отношения.

Вышеуказанное свидетельствует, что для судебной практики характерны регулятивные свойства, поскольку она имеет влияние на само содержание правовых отношений, способствует уточнению прав и обязанностей участников, что и составляет единый регулятор гражданско-правовых отношений. Судебная практика имеет большое значение: является базой для совершенствования гражданского законодательства, а также выявляет пробелы и способствует их устранению. Судебные органы изучают и обобщают судебную практику, анализируют статистику, дают судам разъяснения, что и способствует выработке единого понимания и применения гражданского законодательства.

Литература:

1. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 328.
2. Притченко Р. С. Вопросы понимания судебной практики. Одесса, 2008. С. 3.
3. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002.
4. Лебедев В. М. Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке: По материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 42.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 N25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э. М. Ворона» // СЗ РФ, 2019, № 26, ст. 3518.

Соотношение владельческой (посессорной) защиты и виндикации

Радченко Наталья Анатольевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В действующем законодательстве Российской Федерации не предусмотрены положения о владельческой защите. Разработчики Концепции развития гражданского законодательства придерживаются мнения [2, с. 1], что отсутствие правовой регламентации этого института является серьезным недостатком Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее — ГК РФ). Несмотря на это в ГК РФ существует ряд способов защиты владения, которые так или иначе напоминают механизм защиты *possessio*.

На первый взгляд, виндикационную конструкцию можно назвать проявлением посессорной защиты. Так, лицо, владеющее вещью, а впоследствии его (владение) утратившее, правомочно обратиться в судебные органы за защитой к ответчику, который в настоящее время владеет вещью. Однако это утверждение ошибочно.

Более детальный анализ виндикации позволяет выявить черты, кардинально отличающиеся от «посессорности», присутствующей в защите владения.

Первое, на что следует обратить внимание, является субъектный состав виндикационного иска. В соответствии с нормой

статьи 301 ГК РФ заявителем может являться только то лицо, которое обладает правом собственности на выбывшую из владения вещь. Примечательно, что в таком судебном процессе истцу необходимо доказать своё право собственности на спорную вещь, в противном случае суд будет вынужден отказать истцу в удовлетворении исковых требований. Данный вывод следует из буквального толкования указанной выше нормы.

Такой же вывод содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

В свою очередь владельческий процесс не предполагает наличия доказывания правового титула. Наоборот, во время рассмотрения владельческого иска умышленно исключается из доказательственного процесса ссылка сторон на своё право в отношении спорной вещи. Другими словами, в классическом

понимании посессорного процесса стороны могут основывать свои требования только лишь на фактических обстоятельствах. Возражения, основывающиеся на наличии субъективного права, являются недопустимыми, приводящими к тому, что судебный процесс переходит в плоскость петиторной защиты.

Отличия существуют и в самой сути этих двух способов защиты. Необходимо обратить внимание на то, что право России не выделяет и не отграничивает владение в качестве самостоятельного нормативного института. Владение, по мнению законодателя, в первую очередь является составной частью права собственности (входит в состав триады правомочий собственника: владение, пользование, распоряжение), в связи с чем виндикация рассматривается как способ защиты права собственности.

Объясняется это следующим. Из-за утраты владения лицо претерпевает негативные последствия в виде ограничения права собственности. При потере владения помимо воли лица последнее не может пользоваться вещью, то есть извлекать из неё полезные свойства, это же касается и распоряжения ею, фактически у лица ограничивается право собственности, лицо не может в полной мере реализовывать своё право. Есть субъективное право, но нет возможности проявить его вовне. В связи с этим у лица наличествует интерес в возврате владения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следовательно, виндикация направлена на защиту владения, но с привязкой к праву собственности, то есть утрата владения требует восстановления во владении не для чего иного, как для восстановления в полном объеме права собственности для дальнейшей его реализации.

Но нередко правоприменитель имеет на этот счёт иное мнение. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа пришел к выводу о разграничении права собственности и владения в качестве самостоятельных категорий, что приводит к выводу о том, что посредством виндикации защищается непосредственно владение, а не право собственности [3, с. 4]. Согласно материалам дела истец обратился к ответчику с требованием виндцировать спорное имущество. Суды признали доказанным тот факт, что имущество находится в собственности у истца, но помимо этого судебные инстанции указали на наличие владения у ответчика, которое с их стороны расценивалось как фактическое и непрерывное. Именно на этом основании истцу было отказано в удовлетворении его исковых требований в полном объеме с указанием на невозможность виндцировать имущество у ответчика, так как истец, приобретая имущество по сделке, не вступил во владение, следовательно, у него отсутствует право на предъявление такого иска. Данный вывод суда позволяет рассматривать владение не в качестве составного элемента субъективного права — права собственности, а в качестве самостоятельной правовой категории.

В связи с этим было бы неверным утверждать, что виндикационный иск путем восстановления лица во владении защищает право собственности как таковое. Напротив, приоритетным яв-

ляется восстановление владения с помощью виндцирования имущества.

Поэтому нельзя согласиться позицией, что сущностное различие посессорной защиты с виндикацией заключается в том, что первая существует и применяется именно для защиты фактического владения, а последняя направлена на защиту права собственности. В таком случае виндикационный иск не следует рассматривать как способ защиты исключительно права собственности.

В подкрепление позиции о тождественности виндикационного и посессорного исков приводят норму статьи 305 ГК РФ, которая предоставляет защиту владения не только собственнику, но и иному владеющему лицу, в частности и против собственника.

Так, пунктом 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» закреплена правовая возможность лица, владеющего имуществом по давности, защищать своё владение посредством предъявления иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Законодатель, установив открытый перечень субъектов, правомочных на подачу иска о виндцировании имущества, позволил использовать такое средство защиты и несобственнику вещи. Лицо, владеющее имуществом на законных основаниях, имеет возможность применять средства виндикационной защиты, в частности и против собственника, но так как в таком процессе исследуется вопрос о праве (истец должен доказать, что владел вещью на основании права, например, на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, которое предусмотрено законом или договором), его нельзя назвать посессорным.

В связи с этим следует согласиться со словами А. Н. Латыева о том, что: «Нередкое в современной литературе указание на статью 305 Гражданского кодекса Российской Федерации как на владельческую защиту есть не что иное, как следствие утраты современной юриспруденцией самой концепции посессорной защиты» [11, с. 189].

Несмотря на то, что виндцировать вещь может и несобственник, такое средство защиты нельзя признать посессорной, так как необходимо сослаться на законный титул, а это означает наличие петиторного характера такой защиты.

Именно на этом отличии базируется вывод о нетождественности виндикации и посессорной защиты. Тот факт, что истребование имущества из чужого незаконного владения выступает способом защиты права собственности нельзя принять во внимание в связи с тем, что по этому поводу у законодателя и правоприменителя имеются расхождения во мнениях.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 28 апреля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11.
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.02.2017 по делу № А74-301/2016 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bca563ab-cb77-45bb-94a8-24ffe2a7af2a/eca57fc2-fa92-4f2c-8d92-ec1a6bf191bc/A74-301-2016_20170209_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 13.06.2020)
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 // Российская газета. — 2010. — № 109.
5. Бадаева Н. В. Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве: Монография / Н. В. Бадаева. — Москва: Юриспруденция, 2012. — 240 с.
6. Бутина В. В. К вопросу о существовании института владельческой (посессорной) защиты в рамках современного гражданского права России / В. В. Бутина // молодёжь Сибири — науке России международная научно-практическая конференция. Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. — 2017. — С. 41–43.
7. Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. II / А. В. Венедиктов. — М.: Статут, 2004. — 557 с.
8. Карнушин, В. Е. Беститульное владение и его защита / В. Е. Карнушин // Монография. — М.: Статут, 2015. — 176 с.
9. Климанова Д. Д. Защита владения в гражданском праве / Д. Д. Климанова // Монография. — М: Проспект, 2017. — 197 с.
10. Мальбин Д. А. Соотношение норм о владельческой защите и виндикации / Д. А. Мальбин // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2013. — № 1 (51). — С. 347–349.
11. Латыев А. Н. Посессорный процесс и другие способы упрощенной защиты вещных прав / А. Н. Латыев // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 апреля 2003 г.). — 2004. — ч. 2. — 496 с.

Понятие, задачи и виды толкования права

Рахматулина Светлана Рашитовна, аспирант
Московский гуманитарный университет

В статье анализируется понятие толкования права, показано историческое развитие процесса толкования как вида судебной профессиональной деятельности, рассматриваются его некоторые виды (способы) и делается попытка выяснить задачи толкования.

Ключевые слова: толкование права, суд и толкование норм права, доктринальное толкование, грамматическое толкование, историческое толкование.

The article analyzes the concept of interpretation of law, shows the historical development of the process of interpretation as a type of judicial professional activity, considers some of its types (methods) and attempts to clarify the tasks of interpretation.

Key words: interpretation of law, court and interpretation of law, doctrinal interpretation, grammatical interpretation, historical interpretation.

Термин толкование происходит от латинского термина «interpretari», что означает объяснять, понимать или переводить.

Дореволюционные юристы Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич писали, что «толковать закон — значит раскрывать истинный смысл его, изъяснять волю законодателя, облеченную в форму слова», и что «толкование... имеет своей целью раскрыть истинную волю законодателя» [4, с. 83].

Современные юристы довольно критично оценивают вышеприведенное понимание толкования, считая его упрощенным: «Выведение норм права из правовых текстов или, точнее, реконструкция норм на основании текстов (поскольку с точки зрения деонтической логики нормы не выводимы напрямую из текстов) не является автоматическим, механическим процессом и допускает известную свободу усмотрения для юриста. Одна из

стадий этого процесса — толкование (интерпретация) — заключается в установлении (выявлении) смысла правового текста (высказывания) и конструировании нормы права (элементов ее логической структуры) на основании выявленного смысла. Решающим моментом здесь остается усмотрение субъекта, толкующего право, поскольку «воля законодателя», которую некоторые юристы продолжают некритично использовать в своих интерпретативных конструкциях, в юриспруденции является лишь идеальной категорией, не отражающей какое-либо реальное содержание (волю неких лиц)» [1, с. 78].

Приведем еще одну современную точку зрения на понятие толкования права: «Анализ специальных исследований дает представление о толковании как сложном, неоднозначном явлении. Толкование, или интерпретация — это интеллектуаль-

но-волевая деятельность, направленная на установление точного смысла правовой нормы, раскрытие выраженной в ней воли законодателя. В процессе толкования устанавливается смысл нормы права, ее основная цель и социальная направленность, возможные последствия действия толкуемого акта, выясняется общественно-историческая обстановка его принятия, условия, в которых происходит толкование, познаются глубинные свойства права» [2, с. 39–40].

Чтобы лучше понять природу толкования права, можно сделать экскурс в историю и увидеть, что отечественное государство неодобрительно относилось и даже прямо запрещало толкование судами или иными избранными лицами законов, видя в нем средство обхода законов и нарушение воли князя или царя.

В те времена, когда на Руси князь лично отправлял правосудие, о толковании закона не было и речи. Со временем, не имея возможности рассматривать дела самостоятельно, были учреждены «бояре введенные», которые имели право «судить суд великого князя». «Но трудно думать, говорит профессор В. И. Сергеевич, что боярам была предоставлена компетенция, выходящая за пределы прямого применения царских указов» [10, с. 396].

Право на восполнение пробелов законодательства принадлежало всецело и исключительно царю. При царствовании Михаила Федоровича возникает новый порядок. Михаил Федорович приказывает «вершить дело» боярам, хотя это происходит исключительно по «особому государственному указу». Прощение подается государю, а государь приказывает «указ учинить». Данный указ и является основанием для решения по делу челобитчика.

Период, продолжавшийся вплоть до вступления на престол Петра Великого, характеризуется неимением какой бы то ни было самостоятельности судной боярской коллегии для решения спорных дел, а потому, о каком бы то ни было юридическом толковании их судом не могло быть речи.

Петр Великий, следуя доктрине, принятой в то время в Западной Европе, предоставил суду широкую власть в деле толкования законов, особенно в части применения наказания. Суд трактовал закон и применял его по обстоятельству дела, по состоянию дела или по усмотрению суда. Однако указом от 17 апреля 1722 г., Петр I высказывает совершенно противоположный взгляд на этот вопрос: по этому указу низшие суды были обязаны о всех встречаемых ими затруднениях при решениях дел доносить Сенату, а последний предоставлять такие дела на усмотрение Императора.

Со времени царствования Петра влияние западноевропейской науки и практики начинает сказываться все сильнее и сильнее в России. В особенности это делается заметно при Екатерине II. Этот период совпадает по времени с господством в Западной Европе теорий Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа, и их влияние в значительной степени объясняет толковательную деятельность судов, которая является характерным признаком этого периода.

Суды при решении дел обязаны были держаться точного и буквального смысла законов, при малейших сомнениях они обращались за разъяснениями в Сенат, который в таких случаях обыкновенно представлял дело на усмотрение Государ-

ственного Совета. До издания Судебных уставов императора Александра II господствовало исключительно словесное толкование законов. И только после принятия Судебных Уставов императора Александра II в 1864 г. суды получили право толковать законы по их логическому смыслу и постановлять решения, не стесняясь неполнотой, неясностью или противоречием отдельных законов [9].

Какова же основная задача толкования?

По мнению одних ученых, под задачей понимается вычленение воли и нахождении предшествующей мысли законодателя в тексте закона. Нахождении того замысла, того определяющего события, которое вынудило законодателя обратиться в текст. Иные полагают, что важно понять смысл закона, не опираясь при этом на надобность понимать внутренний порыв и волю законодателя.

Возникает вопрос, при всей сложности законодательной процедуры, когда в разработке закона принимает участие не один человек, разве можно установить их общую волю? Законодатель должен воплотить свою мысль зачастую в очень кратком объеме. Ведь того, чего нет на бумаге, независимо от мыслей законодателя, юридически не существует. Главная задача законодателя, думается, подобрать максимально точное, полное и емкое выражение для регулирования общественных отношений. И. В. Михайловский считал, что «толкование юридической нормы заключается в раскрытии смысла нормы, насколько он выразился в тексте» [11, с. 705].

Прежде всего, необходимо уразуметь словесный смысл закона, т.н. грамматическое, словесное толкование. «Толкователь должен установить смысл каждого слова нормы в отдельности, выяснить синтаксическое строение нормы и логическую связь между ее частями, принять в расчет стиль автора и затем, основываясь на полученных результатах, определить смысл того сочетания всех разобранных элементов, какое дано в толкуемой норме» [3, с. 41]. Вторая стадия — разъяснение смысла нормы для дальнейшего применения, которое является итогом уяснения и выражается субъектами толкования в соответствующих формах.

Какими же приемами осуществляется толкование норм? В зависимости от того, кто толкует закон, различают толкование аутентичное, судебное, доктринальное.

Под аутентичным толкованием имеют в виду толкование закона, даваемое в форме закона, издаваемого именно с целью истолкования какого-либо другого закона. Предполагается, что самой законодательной власти, издавшей данный закон, известнее, чем кому-либо, его истинный смысл, и в случае сомнения, естественнее всего обратиться к той же самой власти для выяснения что же собственно она хотела постановить. Новых актов при аутентичном толковании не создается.

За судом закреплена функция по судебному толкованию. При рассмотрении дела суд самостоятельно применяет норму права, следовательно, в своем решении суд толкует закон. Таким образом, суд должен ясно и точно понимать закон, чтобы иметь возможность применить общий закон к частному случаю. Однако, как отмечал А. Д. Градовский, «применение закона к индивидуальному случаю не может быть деятельностью пассивной» [6, с. 36]. Каждое дело имеет уникальные черты, от-

личающие его от иных дел, даже сходных по признакам, следовательно судья должен быть прекрасно образован, иметь достаточный практический опыт для того, чтобы быть способным определить, какой закон относится к данному делу.

Важную роль в развитии правовой науки и юридической практики играет доктринальное толкование. Этим видом толкования занимаются научные работники, специалисты в области законодательства, толкование имеет теоретический, академический характер. Результат данного вида толкования находит в докладах и лекциях, книгах и научных статьях. Естественно, что это толкование носит разъяснительный характер. Вопрос принятия такой трактовки зависит от авторитета субъекта разъясняющего норму права.

Под приемами толкования понимаются способы, способствующие выяснению внутреннего смысла нормы. В зависимости от приемов толкования различают определенные виды толкования.

Рассмотрим более подробно грамматическое и историческое толкование.

Наиболее употребительным способом является грамматическое толкование. Слова, используемые в законе, должны быть даны или интерпретированы в их естественном или обычном значении. Главными в понимании нормы права становятся грамматика, лексика, синтаксис. Основная предпосылка использования данного приема заключается в том, что независимо от намерения законодательного органа, издавшего закон, норма выражается словами и, следовательно, необходимо толковать в соответствии с правилами грамматики. Это самое безопасное правило толкования законов, потому что намерение законодательного органа выводится из используемых слов и языка. При использовании данного способа толкования необходимо владеть культурой речи и специальной юридической терминологией, которую надо постоянно изучать и отслежи-

вать изменения интерпретаций. Отметим, что «ученые ставят термины в определенную научную парадигму. Значение остается одним (презумпция невиновности по-прежнему будет определяться положением в праве, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке), но меняется значимость трактуемого понятия, появляется его оценка. Плюрализм и вариативность толкования терминов неизбежны. Поэтому доктринальное толкование причислено к неофициальному» [5, с. 155].

Историческое толкование — это метод интерпретации законодательства, который учитывает обстоятельства, предшествующие принятию соответствующего законодательства. Так, например, в качестве «одной из важных причин принятия Конституции 1936 года были недостатки законодательного процесса по Конституции 1924 года, которые выявились еще в период нэпа в 1920-е годы: например, чрезмерная перегруженность законодательной функцией Совнаркома Союза ССР, из-за чего Советское правительство не имело достаточно времени заниматься вопросами управления» [7, с. 51].

Приведем еще один пример исторического толкования. В 1918 году был принят первый в истории отечественного права брачно-семейный кодекс — Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, главной идеей которого была «эмансипация женщин, освобождение ее от власти мужа, как в личном, так и в имущественном отношении» [8, с. 674].

Таким образом, главная функция толкования — раскрыть содержание нормы права и смысл акта в целом. При этом перед толкователем всегда стоит задача: каким бы способом ни истолковывался правовой акт, он всегда должен быть толкуем согласно принципам справедливости, признанным в данном обществе.

Литература:

1. Антонов М. В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права. 2016. № 4. С. 74–86.
2. Беляева О. М. Толкование норм права. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 39–47.
3. Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. 128 с.
4. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — М., 2002. 507 с.
5. Городишенина Е. В. Научная юридическая терминология в официальном и неофициальном толкованиях права // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–4 (61). С. 153–157.
6. Корнев В. Н. Правотворчество, правоприменение и содержание права. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. Т. 4, № 8. С. 35–42.
7. Максимова О. Д. Разработка и всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 года // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 46–51.
8. Максимова О. Д. Становление советского брачного права // Право и политика. 2013. № 5. С. 673–678.
9. Мингазов Р. Ш. О праве судебного толкования: исторический аспект. // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2011. № 4 (4). С. 43–46.
10. Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. М.: Зерцало-М, 2006. 510 с.
11. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1998. 944 с.

Пособник и посредник преступления: перспектива изменения законодательной регламентации понятий

Росляков Владислав Дмитриевич, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Вопросы совершенствования института соучастия в преступлении, безусловно, являются актуальными в настоящее время. Развитие отношений между соучастниками обуславливает возникновение и новых ролей. Однако не каждая новая роль требует законодательного закрепления. Безосновательная реакция законодателя может привести к усложнению и загромождению уголовного законодательства. Соответственно, новые явления требуют детального изучения.

В науке уголовного права существуют точка зрения о необходимости закрепления в ст. 33 УК РФ в качестве нового вида соучастника — посредника преступления. Согласно лексическому толкованию данного слова, посредник — это лицо, при участии которого ведутся переговоры между сторонами. [9] Соответственно, представляется некоторое сходство между пособником и посредником преступления, так как обобщённая функция пособника — это оказание помощи исполнителю в совершении преступления. Для решения вопроса соотношения данных понятий следует рассмотреть их подробнее.

Фигура пособника преступления, в отличие от посредника, получила закрепление в российском уголовном законодательстве. Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ: «Пособником признаётся лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы». [10]

Рассматриваемый вид соучастника характеризуется рядом определенных признаков. Во-первых, неучастие в выполнении объективной стороны состава преступления, совершаемого в соучастии, что является отрицательным признаком пособничества. Во-вторых, положительный признак пособничества — интеллектуальная или физическая помощь другим соучастникам в совершении преступления. Наконец, формальный признак пособничества — перечень действий, образующих пособничество, согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, исчерпывающий. [1, с. 57–60] Так, последний признак представляется наиболее интересным в плане, имеющих на данный счет позиций Верховного Суда РФ. Согласно абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» в ситуации, когда лицо, осуществляющее свою предпринимательскую деятельность посредством подставного лица (например, безработного, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя лишь формально), уклонялось при этом от уплаты налогов (сборов), его действия необходимо квалифицировать по ст. 198 УК РФ как

исполнителя указанного преступления, а действия другого лица, в силу ч. 5 ст. 34 УК РФ, — в качестве его пособника при наличии условия, что он осознавал своё участие в уклонении от уплаты налогов (сборов), и его умысел был направлен на совершение этого преступления. [6] Отсюда представляется возможность утверждать, что перечень действий, указанных в соответствующей статье УК РФ, не является исчерпывающим, хотя и из грамматического толкования данной статьи вытекает обратное. Следовательно, данную норму уголовного закона следует изменить в целях соответствия текста закона реальной действительности.

Следует также отметить, что в научной доктрине считается, что пособник — наименее опасная фигура в сравнении с другими соучастниками преступления. Однако не все согласны с данной позицией. Так, М.И. Ковалёв обращает внимание на случаи, когда пособничество становится, действительно, опасным. В качестве примера такой ситуации он приводит случай, где исполнителями выступают несовершеннолетние, а пособниками выступают взрослые. [4, с. 155] Следует согласиться, что данная научная позиция также имеет под собой основание.

Определив признаки пособника, следует перейти к анализу признаков посредника преступления. В настоящее время к данной фигуре обращено особое внимание среди специалистов уголовного права. Это связано с тем, что в ст. 291.1 УК РФ в отдельный состав преступления выделено посредничество во взяточничестве. «Посредничество во взяточничестве» рассматривается как *delictum sui generis* — так называемое, самостоятельное преступление особого рода (к таким преступлениям, которые самостоятельно криминализуют действия одного конкретного вида соучастника, можно отнести деяния, предусмотренные статьями 205¹, 208–210 УК РФ и другие). Как замечают некоторые исследователи, никакие новые действия посредника криминализированы в этом случае не были: все указанные формы действий посредника квалифицировались ранее как соучастие в даче или получении взятки. Напротив, определенный ряд посреднических действий *de facto* декриминализован (так как они затрагивают лишь взятки в значительном размере и больше), что может привести к значительному ослаблению противодействия коррупции. [3, с. 175] Однако на практике данная норма порождает очень много вопросов. Пленум Верховного Суда РФ пытался решить некоторые из возникших вопросов в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Так, если лицо, которое обещало либо предложило посредничество во взяточничестве, затем совершило преступление, предусмотренное частями 1–4 статьи 291¹ УК РФ, как установил Пленум ВС РФ, в этом случае совершенное им деяние квалифицируется по соответствующей части этой статьи

как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291¹ УК РФ. [7] С позиции правил квалификации преступлений это достаточно логично, однако его реализация будет вызывать последствия, при которых лицо, совершившее больше преступных действий, может нести ответственность за преступление менее тяжкой категории (в части 5 статьи 291¹ описано тяжкое преступление, в части 1 статьи 291¹ — средней тяжести).

Следует согласиться с позицией, что распространение в последние годы практики превращения в преступление *sui generis* действий соучастников нарушает единство системы норм Общей и Особенной частей УК РФ. Увеличивая количество норм в Особенной части, предусматривающих так называемых «новых видов соучастников», законодатель необоснованно усложняет законодательство. Это подчеркивает и то, что введенные нормы могут быть охвачены нормами Общей части УК РФ. Касательно рассматриваемого вопроса, то есть соотношения понятий пособника и посредника преступления, автор данного исследования выделил на основе имеющихся научных позиций два способа его решения.

Первый способ заключается в научной точке зрения о необходимости закрепления в части 6 статьи 33 УК РФ нового вида соучастника: «Посредником признаётся лицо, способствующее установлению контакта между соучастниками, действующее по поручению лиц, участвующих в преступлении в их интересах в отношениях с иными лицами, а также передающее предмет преступления, орудия и средства преступления, сообщения и иную информацию соучастникам и иным лицам». Данной позиции придерживаются Н. В. Артеменко и А. М. Минькова. [2,

с. 48] В этом случае представляется, что фигура посредника требует законодательной регламентации отличной от пособника. Однако данная законодательная инициатива не оправдана. Она способствует усиленной конкретизации положений Общей части УК РФ, что, соответственно, приводит к избытку её норм, загромождению.

Второй способ основан на позиции, которая получила в современном уголовном праве достаточно широкое распространение. Мнение о признании посредника пособником авторы зачастую считают аксиомой. Так, Т. Д. Устинова полагает, что «посредник фактически является пособником в совершении преступления». [5, с. 742] По утверждению Т. И. Косаревой, «пособничество посредника может выражаться в ведении переговоров с взяточдателем или взяточполучателем, организации их встречи, передачи или получения взятки, подыскании взяточдателей и т. д».. [8, с. 320] Однако данная позиция при действующем законодательстве сомнительна, так как нормы ч. 5 ст. 33 устанавливают исчерпывающий перечень действий пособника. Реализация данного способа решения проблемы лежит в изменении данной нормы.

Таким образом, сходства в действиях посредника и пособника действительно существуют. Так, если выделить их обобщённую функцию, то она сводится к оказанию конкретной помощи исполнителю в совершении им преступления. Однако выделять посредника в качестве самостоятельного вида соучастника является нецелесообразным. Соответственно, требуется учесть функции данной фигуры в норме о пособнике преступления, которая, как уже упоминалось в ходе данной работы, нуждается в усовершенствовании.

Литература:

1. Виды соучастников преступления: учебное пособие // Д. А. Безбородов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 57–60
2. Дворниченко О. О. Актуальные проблемы соучастия в преступлении: магистерская диссертация 40.04.01. 2018. С. 48
3. Качалов В. В. Следует ли выделять новые виды соучастников? // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. С. 175
4. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 155
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 742
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.03.2020)
7. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.03.2020)
8. Сунгатуллин А. Ю. Понятие посредничества в уголовном праве // Современные проблемы науки и практики. Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 320
9. Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992 гг. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/175462> (Дата обращения: 11.03.2020)
10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.03.2020)

Зарубежный опыт повышения эффективности деятельности органов управления образованием как одно из направлений совершенствования их взаимодействия

Самохвалова Полина Васильевна, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В настоящей статье проведен анализ регулирования деятельности органов управления в сфере образования зарубежных стран. Рассматриваются подходы к сравнению различных моделей управления, их особенности и оцениваются их характеристики. Определяются перспективы применения этих моделей и проблемы их реализации.

Ключевые слова: управление образованием, модели управления, зарубежный опыт управления образованием, оценка моделей управления.

Актуальность темы исследования обусловлена общепринятым мнением о том, что характер управления образованием в той или иной стране непосредственно связан с типом государственного устройства и зависит от того, является ли страна унитарным или федеративным государством. Важными критериями в оценке централизации или децентрализации управления образованием является то, на каком уровне принимаются управленческие решения, какими полномочиями и автономией обладают местные органы образования и учебные заведения, управляются ли они избираемыми или административно назначаемыми органами, участвует ли общественность в управлении.

Поиск особенностей, выявление специфики стран и регионов, анализ зарубежного опыта управления и распределения полномочий является необходимым в поиске наилучшей модели управления системой образования Российской Федерации.

В основу настоящего анализа были приняты работы следующих авторов: Новосёлова С.Ю., Беляков С.А., Игнатов В.Г., Цирульников А.М., Пуденко Т.И., Чечель И.Д., Вальдман И.А., Башкина Г.В.

Централизация в области управления присуща для следующих стран: Япония, Франция, Италия, Испания, Нидерланды, где централизованная система способствует созданию национальных образовательных стандартов, сохранению культурной общности населения, усиливает авторитарные тенденции в руководстве образованием, сковывает инициативу местной администрации, недооценивает значение региональной специфики. В противовес такой системе штаты в США, земли в ФРГ, графства в Англии, кантоны в Швейцарии, которые до сих пор обладают значительной автономией в области просвещения, присущая для них децентрализованная система открывает большой простор развитию местной инициативы, учитывает местные особенности. Под влиянием социально-экономических факторов эти две системы обнаруживают тенденцию к конвергенции.

Центральное правительство признаёт автономию местных органов власти, но и в то же время усиливает над ними определённый контроль. Важное значение на Западе придаётся конституционно-правовым гарантиям регионального управления и местного самоуправления. Сейчас происходит поиск новых путей управления системой образования с учётом особенностей и специфики стран и регионов. Несмотря на многообразие концепций к управлению образованием в зарубежных

странах, многим из них присущи общие черты: децентрализация и демократизация управления, расширение автономии высших учебных заведений с одновременным усилением их подотчётности и ответственности пред обществом, движение в сторону рыночных моделей организации, управления и финансирования образования. Что касается финансирования образования, то Европа ориентируется преимущественно на государственную форму финансирования высшей школы.

В настоящее время принцип разграничения на уровне федеральной конституции предметов ведения между федерацией и её субъектами соблюдается в большинстве зарубежных государств, однако его реализация имеет свои особенности в каждой стране. [2] Стабильность в решении такого важного вопроса, как разграничение предметов ведения между федерацией и её субъектами, может быть обеспечена лишь тогда, когда этот вопрос решается в самой конституции. В некоторых странах, однако, конституция допускает по отдельным вопросам разграничение предметов ведения между федерацией и субъектами в текущем законодательстве. Анализ современных процессов реализации государственной власти в федеративных государствах свидетельствует об использовании договора как правовой формы регулирования не только при учреждении или преобразовании федерации, но и в процессе текущего правового регулирования. Важнейшим принципом взаимоотношений федераций других стран и их субъектов во всех областях является установленное в федеральной конституции и подтверждённое в конституционных актах субъектов Федераций положение, закрепляющее приоритет общефедеральных интересов. При этом, несмотря на то, что управленческие функции центральных и местных органов строго разграничены, ряд одних и тех же вопросов (финансирование, контроль) могут находиться в компетенции тех и других органов управления, что объясняется единством системы образования в демократических государствах [3].

Изучение опыта развитых стран в области организации и управления образованием позволило выделить типичные государственно-общественные формы на каждом из уровней (центральный, региональный, местный), и увидеть связи этих форм с системой социальных интересов объектов и субъектов управления на каждом уровне и степенью подготовленности к осуществлению управленческих функций. Таким образом, был проанализирован опыт управления образованием некоторых зарубежных стран. Основной принцип управления си-

стемами образования в данных государствах — признание всеми органами государственной власти автономии образовательных учреждений уважение академических свобод. Несмотря на многообразие концепций к управлению образованием в зарубежных странах, многим из них присущи общие черты: децентрализация и демократизация управления, расширение автономии высших учебных заведений с одновременным усилением их подотчётности и ответственности перед обществом, движение в сторону рыночных моделей организации, управления и финансирования образования. Законодательство зарубежных стран исходит из необходимости чёткого разделения полномочий в области образования между органами государственной власти и органами местного самоуправления [4]. Так, общегосударственные органы власти наделяются там только полномочиями по определению общей политики в области образования, координации деятельности министерств и агентств, образованию региональных

и местных органов образования. Кроме этого, они осуществляют финансовую поддержку государственного и частного сектора образования, а также частичный контроль за расходованием финансовых средств [5]. При этом, несмотря на то, что управленческие функции центральных и местных органов строго разграничены, ряд одних и тех же вопросов, например, финансирование, контролируются теми и другими органами управления. Это объясняется единством системы образования в демократических государствах.

На уровень субъектов РФ представляется возможным перенести административные, распределительные функции в отношении образовательных учреждений, а Министерство образования и науки РФ занималось бы принятием решений, затрагивающих общенациональные интересы, концентрируясь на решении стратегических задач развития образования в стране, чем будет достигаться большая эффективность управления и экономия финансовых средств.

Литература:

1. Игнатов В. Г. Зарубежный опыт регионального управления и местного самоуправления — в российскую практику // Взаимодействие уровней власти в условиях федерализации. Тезисы докладов и сообщений на международной конференции. — Апрель, 2002 г. — С. 3;
2. Ермакова А. С., Правовая организация взаимодействия органов государственной исполнительной власти с органами местного самоуправления в сфере образования. — диссертация. — из фондов Российской государственной библиотеки. — 2006 г. — С. 140;
3. Беляков Сергей Анатольевич Зарубежный опыт совершенствования управления образованием: основные модели // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-sovershenstvovaniya-upravleniya-obrazovaniem-osnovnye-modeli> (дата обращения: 03.03.2020);
4. Новоселова С. Ю., Кузнецов А. А., Цирульников А. М., Пуденко Т. И., Чечель И. Д., Вальдман И. А., Башкина Г. В. Приоритетные направления фундаментальных научных исследований в области управления образованием // Проблемы современного образования. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-fundamentalnyh-nauchnyh-issledovaniy-v-oblasti-upravleniya-obrazovaniem> (дата обращения: 05.03.2020);
5. Новоселова С. Ю. Научные основы управления образованием в меняющемся мире: развитие, совершенствование, инновации // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-osnovy-upravleniya-obrazovaniem-v-menyayushchemsya-mire-razvitie-sovershenstvovanie-innovatsii> (дата обращения: 05.03.2020).

Современное состояние ипотечного рынка

Смолькин Максим Александрович, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Современное состояние рынка недвижимости зачастую предлагает недвижимость по завышенной цене, которую в российских реалиях может позволить себе ограниченное количество семей. Политика Российской Федерации, направленная на улучшение жилищных условий населения, предусматривает возможность ипотечного кредитования. Также правительства обычно регулируют многие аспекты ипотечного кредитования либо напрямую (например, через законодательные требования), либо косвенно (через регулирование участников или финансовых рынков, таких как банковская отрасль), а зачастую и через государственное вмешательство (прямое кредитование правительствам, прямое кредитование государственными банками или спонсорство различных организаций). Другие аспекты, определяющие конкретный ипотечный рынок, могут быть региональными, историческими или обусловленными конкретными характеристиками правовой или финансовой системы.

Ключевые слова: ипотека, залог, кредитор, ипотечный кредит.

The Current state of the real estate market often offers real estate at an inflated price, which in Russian reality can afford a limited number of families. The policy of the Russian Federation aimed at improving the housing conditions of the population provides for the possibility of mortgage lending. Also, governments usually regulate many aspects of mortgage lending either directly (for example, through legal requirements), or indirectly (through regulation of participants or financial markets, such as the banking industry), and often through government intervention (direct lending by the government, direct lending by state banks, or sponsorship of various organizations). Other aspects that define a particular mortgage market may be regional, historical, or related to specific characteristics of the legal or financial system.

Keywords: mortgage, collateral, lender, mortgage loan.

Сегодня ипотечный кредит или просто ипотека — это кредит, используемый либо покупателями недвижимости для привлечения средств на покупку недвижимости, либо существующими владельцами недвижимости для привлечения средств на любые цели при наложении залога на закладываемое имущество. Кредит «обеспечен» имуществом заемщика посредством процесса, известного как ипотечное кредитование. При этом должник сохраняет возможность владеть и пользоваться домом или квартирой, выступающей в качестве гарантии выполнения клиентом своих обязательств. В случае их невыполнения кредитор вправе вернуть средства, выручив их от реализации заложенного имущества [1].

Особенности ипотечных кредитов, такие как размер кредита, срок погашения кредита, процентная ставка, способ погашения кредита и другие характеристики, могут значительно варьироваться.

Во многих юрисдикциях покупка жилья обычно финансируется за счет ипотечного кредита. Немногие люди имеют достаточно сбережений или ликвидных средств, чтобы позволить им приобрести недвижимость сразу. В странах, где спрос на домовладение наиболее высок, развились сильные внутренние рынки ипотечных кредитов. Ипотечные кредиты могут финансироваться либо через банковский сектор (то есть через краткосрочные депозиты), либо через рынки капитала посредством процесса, называемого «секьюритизация».

Российская ипотечная отрасль все еще относительно молода. Правительство также стремится стимулировать российский рынок недвижимости, предлагая льготные ставки по ипотечным кредитам тем, кто покупает недвижимость.

Цены на жилье в России из года в год переживают колебания. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат) сообщила, что вторичная продажа квартир выросла в цене на 0,7% во втором квартале 2018 года. В отчете, опубликованном в ноябре 2018 года, отмечалось, что россияне накапливались на рынке недвижимости, взяв ипотечные кредиты на сумму 2 000 000 р. за первые девять месяцев года, когда ставки по кредитам достигли рекордно низкого уровня. Ставки одобрения, которые выросли примерно на треть в 2018 году, отражали, что средняя

ставка по ипотеке упала почти на полпроцента до 9,41%. По состоянию на январь 2019 года средняя ставка по ипотеке выросла до 9,66%, сообщает Центральный банк Российской Федерации [2].

На самом деле, многие банки не имеют никаких ипотечных сборов за андеррайтинг или страховых требований. С другой стороны, российские процентные ставки обычно более чем на 10% превышают основные ставки на других мировых рынках. При передаче акта покупателями российской недвижимости обычно платят комиссионные. К ним относятся оплата услуг агента по недвижимости (2–5%), нотариальная плата (0,5–1,5%) и регистрационный сбор (до 1%). НДС применяется только к арендуемой недвижимости. В настоящее время жилье, не приносящее дохода, освобождается от уплаты НДС.

Российские резиденты платят подоходный налог в размере 13% от большинства источников дохода, включая арендный доход. Как и в случае с нерезидентами, прирост капитала облагается налогом по номинальной ставке резидента. Если налоговые резиденты приобретают новый дом или квартиру, им может быть разрешено вычесть до 2 000 000 р. расходов на улучшение имущества и до 3 000 000 р. процентов по кредиту на строительство. Хотя эта возможность может принести значительную экономию налогов, ее возможно использовать только один раз.

Вид ипотеки варьируется в зависимости от типа недвижимости. Срок ипотеки при покупке квартиры или квартиры, например, будет существенно отличаться от срока ипотеки при покупке загородного коттеджа. Однако, независимо от типа недвижимости, структура большинства ипотечных кредитов заключается в принципе погашения плюс процент с плавающей ставкой. Граждане Российской Федерации могут взять ипотеку в любом банке, действующем на территории страны. Есть также несколько банков, ипотечных кредиторов и финансовых институтов, которые обслуживают иностранных инвесторов. К ним относятся: Сбербанк — лидер российской ипотечной отрасли; UniCredit Bank — ведущий европейский коммерческий банк, который также обслуживает индивидуальных клиентов; Райффайзенбанк — один из крупнейших банков с полным спектром услуг в России и многие другие [3]. Ипотечные ставки в таком случае начинаются с 4,5%.

Литература:

1. Виды кредитования и условия оформления ипотеки [Электронный ресурс] // URL: <https://rosbank-dom.ru/blog/pro-ipoteku/opredelenie-ipoteki-vidy-kreditovaniya-i-usloviya-oformleniya/> (дата обращения: 15.06.2020).
2. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/94935/Consultation_Paper_191217.pdf (дата обращения: 15.06.2020).
3. Ипотека для иностранных граждан [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vbr.ru/banki/ipoteka/dlya-inostrannyh-grazhdan/> (дата обращения: 15.06.2020).

Структурные особенности следственных органов РФ

Строганова Ольга Валерьевна, студент магистратуры;
Цеунов Константин Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент
Международный инновационный университет (г. Сочи)

В современной российской правовой среде к следственным органам относят: Следственный комитет РФ, Следственный департамент МВД РФ, Следственное управление ФСБ России. И если два последних органа принадлежат к ветви исполнительной власти, то Следственный комитет РФ существует вне ветвей власти и подчиняется напрямую Президенту РФ. Основная следственная нагрузка лежит на Следственном департаменте МВД РФ и Следственном комитете РФ. Рассмотрим подробнее структуру каждого следственного органа.

Следственный комитет Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством РФ полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Система Следственного комитета РФ объединяет центральный аппарат Следственного комитета РФ, главные следственные управления и следственные управления Следственного комитета по субъектам РФ (в том числе их подразделения по административным округам) и приравненные к ним специализированные (в том числе военные) следственные управления и следственные отделы Следственного комитета, следственные отделы и следственные отделения Следственного комитета по районам, городам и приравненные

к ним, включая специализированные (в том числе военные) следственные подразделения Следственного комитета.

Руководство деятельностью Следственного комитета РФ осуществляет Президент РФ. Председатель Следственного комитета РФ возглавляет Следственный комитет РФ, несет персональную ответственность за выполнение стоящих перед Следственным комитетом задач и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности. Назначается на должность и освобождается от должности Президентом РФ [3, С. 75–77].

Подробнее рассмотрим структуру следственных органов Министерства внутренних дел РФ [1]. Следственные органы МВД России имеют трехуровневую вертикальную структуру, в которую входят: Следственный департамент МВД России, Следственные управления управлений МВД России по субъектам федерации и Следственные отделы Управлений и Отделов МВД России по городам и районам. Руководитель Следственного департамента России совмещает две должности, он является Начальником СД МВД России и заместителем Министра внутренних РФ. Таким образом, при формальной самостоятельности Следственный департамент включен в структуру центрального аппарата МВД РФ и не может быть независимы от

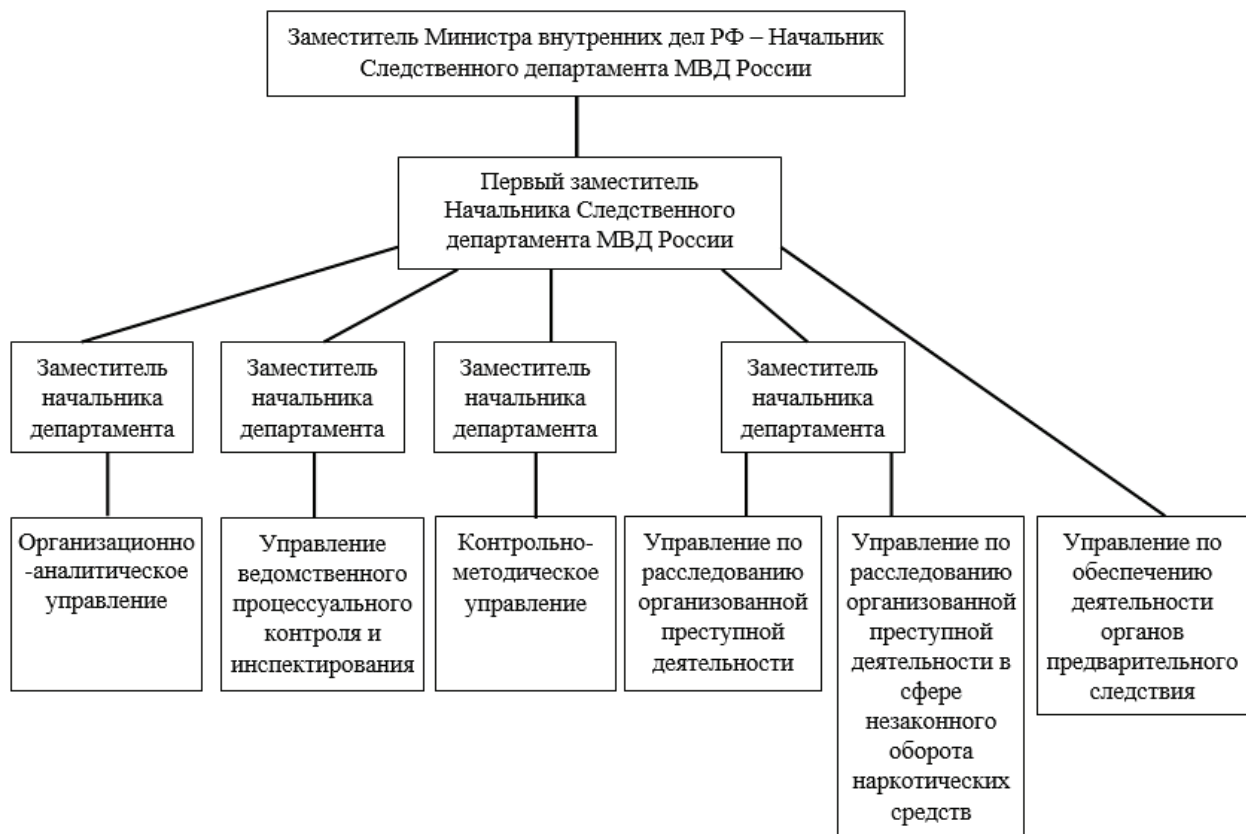

Рис. 1. Структура Следственного департамента МВД России

ведомственных интересов. Такая ситуация не всегда позволяет учитывать интересы следствия, а в некоторых случаях приводит к серьезному конфликту интересов. Структура Следственного департамента МВД России представлена на рисунке 1.

Как мы видим из рисунка 1, внутренняя структура Следственного департамента имеет линейно-функциональную структуру. В связи с совмещением двух должностей в лице руководителя СД МВД России в его прямом подчинении находится Первый заместитель Начальника СД.

У Первого заместителя соответственно в прямом подчинении находятся заместители начальника СД, контролирующие деятельность пяти отделов, а напрямую Первый заместитель руководит отделом Управления по обеспечению деятельности органов предварительного следствия. Таким образом, становится ясно что основная следственная нагрузка лежит на Первом заместителе Начальника СД МВД России и частично на заместителях Начальника СД (в зависимости от отдела, которым руководит заместитель).

На сегодняшний день функционируют 84 Главных следственных управлений Главных управлений Министерств внутренних дел России по республикам и иным субъектам Российской Федерации (территориальные управления). 84 Главных Следственных Управления образованы соответственно субъектам Российской Федерации, т.е. 22 — в республиках, 9 — в краях, 46 — в областях, 2 — в городах федерального значения (исключение составляет Санкт-Петербург, который объединен с Ленинградской областью), 1 — в автономной области, 4 — в автономных округах.

Схожая ситуация по ведомственному подчинению складывается и на уровне субъектов федерации. Территориальные следственные управления входят в структуру Управлений МВД по субъектам федерации и, как правило, большинство обеспечивающих функций лежит на структурах ГУ МВД по субъектам федерации. Также финансирование Главных Следственных

управлений осуществляется из федерального бюджета, но за счет бюджетных средств выделяемых Главному Управлению внутренних дел по субъекту федерации [2, С. 136].

Начальник Главного Следственного управления структурно подчинен как Начальнику Следственного департамента, так и Начальнику Главного управления МВД по субъекту федерации. В зависимости от размера следственного управления на уровне субъектов федерации им подконтрольны такие подразделения как: организационно-зональный отдел; информационно-аналитический отдел; отдел по связям с общественностью / взаимодействию со СМИ; контрольно-методический отдел / отделы по направлениям; канцелярия и др.

Как и на предыдущих уровнях, Начальник следственного отдела также является заместителем начальника местного ОМВД. В прямом подчинении у начальника следственного отдела находятся следователи, либо следственные подразделения (в случае крупного местного Управления МВД).

Существует еще одна особенность, с одной стороны функциональное распределение деятельности следователей носит территориальный характер, с другой стороны в следственных отделах местных ОМВД и УМВД служат ряд следователей, имеющих строгую следственную специализацию. Считается, что в среднем в Следственном отделе ОМВД служат около 10–20 следователей (количественный состав естественно зависит от размера отдела или управления). Основная задача следователей местных ОМВД и УМВД является расследование возбужденных дел, которые не были переданы в другие следственные структуры.

Так у Главного следственного управления Главного управления МВД России по Челябинской области в подчинении находится 38 следственных управлений, отделов или отделений городов и районов области. В нашей работе мы будем их называть местными управлениями и отделами. На данном уровне следственной вертикали МВД России мы также можем на-

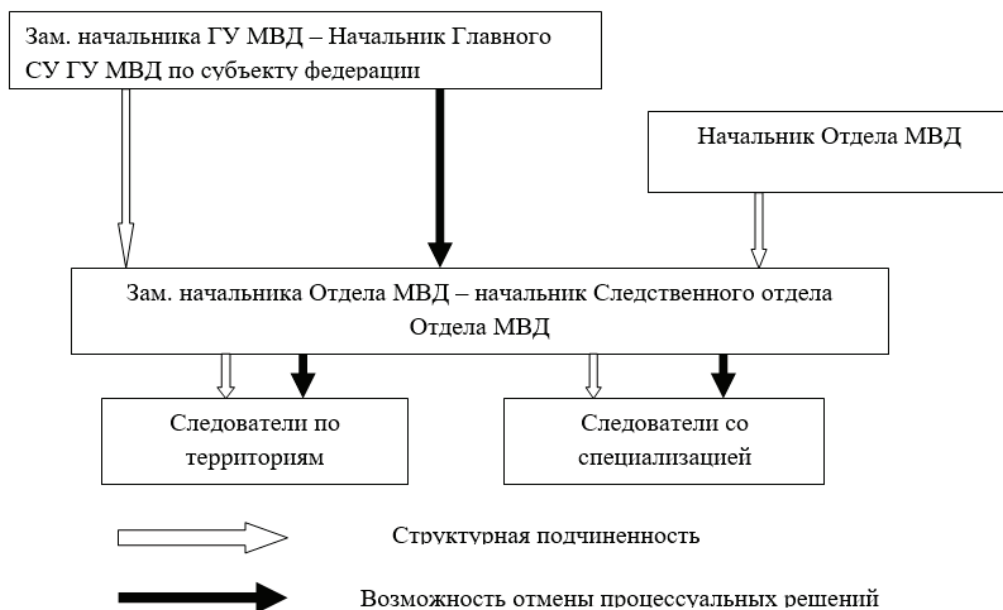

Рис. 2. Структура Следственного отдела местного Отдела МВД

блюдать двойственность структурного подчинения начальников следственных отделов местных ОМВД (рисунок 2). При этом структура местных ОМВД может быть более сложной, чем представлено на рисунке, но это характерно для крупных городов, в которых действуют местные Управления МВД (например, города-миллионники).

Рассмотрев все уровни вертикальной структуры следственного аппарата МВД РФ, мы можем отметить, что любой следственный орган данной структуры имеет подчинение как по

следственной вертикали внутри МВД, так и по вертикали непосредственно самого МВД, при этом не входит в структуру полиции. В тоже время следует отметить функциональную взаимосвязь с полицейскими структурами в деятельности по раскрытию преступлений. Данное двойственное положение следственных органов в структуре МВД РФ вызывает определенные конфликтные ситуации и столкновения интересов, что приводит к снижению эффективности функционирования следственных органов.

Литература:

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Departamenti/Sledstvennij_departament (дата обращения 01.05.2020).
2. Панеях, Э. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования / Э. Панеях, М. Поздняков, К. Титаев, И. Четверикова, М. Шклярчук. — СПб, 2012. — 144 с.
3. Правоохранительные органы. Схемы и определения: учебное наглядное пособие / авт. — сост. М. М. Васягина. — Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2017. — 104 с.

Особенности развития следственных органов Российской Федерации

Строганова Ольга Валерьевна, студент магистратуры;
Цеунов Константин Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент
Международный инновационный университет (г. Сочи)

Проблемы типологизации этапов развития следственных органов в структуре исполнительной власти стала особо актуальна в юридической науке на рубеже 2010-х годов. Данные годы считаются конечной точкой отсчета на современном этапе развития эволюции как органов предварительного следствия в частности, так и правоохранительных органов в целом. Так С. А. Шейфер предполагал, что данное развитие включает лишь три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский [14, С. 17–27]. Данная классификация предполагает ретроспективный подход к изучению истории развития следственных органов, но на наш взгляд, не отражает множество межведомственных и внутриведомственных особенностей развития. Обратная ситуация происходит с классификацией Д. О. Серова, в которой уточнены межведомственные и внутриведомственные особенности развития, но не отражена историческая хронология [15, С. 11]. А. Ю. Зотов предлагает периодизацию эволюции следственных органов, с учетом исторических этапов развития российской государственности и ведомственной принадлежности следственного аппарата [6, С. 125].

Таким образом, основываясь на ранее предложенных типологиях (в первую очередь Ю. А. Цветкова и А. Ю. Зотова), мы хотели бы предложить свой вариант периодизации объединяющий ретроспективный исторический подход, ведомственный подход и характер подследственности. Рассмотрим кратко каждый период.

1. Протопериод (XV — начало XVIII). Характеризуется отсутствием специализированных органов, выполняющих исключительно функции по расследованию преступлений и при-

влечению лиц, их совершивших, к уголовной ответственности. Именно с середины XV века, как следствие активной централизации России, начинается процесс обособления уголовного производства. В это время (около 1550 г.) появляется Судебник Ивана IV, который регламентирует розыск «ведомых лихих людей» и определяет подследственность на губернские органы, подведомственные Разбойному приказу. В конце XVI — начале XVII вв. основная следственная функция возлагается на Разбойный приказ. Но также появляется Преображенский приказ созданный Петром I, который занимался помимо следственных мероприятия (расследование и розыск преступников), также судом над ними [6, С. 125].

2. Период начала обособления уголовного производства (начало XVIII — 1860 г.). Также характеризуется отсутствием специализированных органов, и зависимостью должностных лиц от политической власти. В данный период наблюдается слабая координация следственных действий, что приводит к чрезвычайной медлительности процесса, халатному следствию и взяточничеству. К началу XVIII века процесс обособления уголовного производства актуализируется с появлением Тайной канцелярии. Главная полицейская структура была основана в 1715 году и его руководящим органом становится Главная полицмейстерская канцелярия во главе с генерал-полицмейстером. В то время круг обязанностей полицмейстерской канцелярии включал не только расследование уголовных дел, но и множество побочных функций. В период с 1710 до 1720 гг. в России существовало три следственных органа: Розыскная контора Вышнего суда, Следственная канцелярия ге-

нерал-прокуратуры Сената и «майорские» следственные канцелярии. В октябре указом Екатерины II от 19 октября 1762 была создана Тайная экспедиция, которая с момента создания становится главным органом политического надзора и сыска в России. Усилила позиции Тайной экспедиции реформа 1763 года. В 1782 году появился «Устав благочиния или полицейский», который регламентировал деятельность нового городского административно-полицейского органа, который назывался «управа благочиния» или «полицейская управа». Этим же нормативным актом были введены новые должности (служащие городской полиции), также регламентировались их полномочия [6, С. 125].

3. Период становления следственных органов России (1860–1917 гг.). Характеризуется серьезными попытками разделения судебной и административной власти. Указа Императора Александра II «Об отделении следственной части от полиции» от 8 июня 1860 г. становится основой судебной реформы. После введения реформы 1860 года было выявлено две основные проблемы. Во-первых, судебные следователи подчинялись Министерству юстиции и зависели от воли губернатора. Данная двойственность соподчинения вызывала серьезные сложности от определения первостепенности задач до конфликта интересов. Во-вторых, следственная нагрузка не позволяла проводить расследование на должном уровне. Этап серьезных преобразований заканчивается судебной реформой 1864 года, именно она заканчивает период создания института полицейского следствия. Так 20 ноября 1864 года выходит Устав уголовного судопроизводства. В данном нормативном акте должность судебного следователя приравнивалась к членам окружного суда [2, С. 424]. В Уставе уголовного судопроизводства разъяснялся поэтапно весь ход следственных мероприятий [12]. Несмотря на введение двух значительных реформ (1860 и 1864 гг.) деятельность следственных структур была малоэффективной.

4. Период послереволюционных следственных преобразований (1917–1928 гг.). Характеризуется созданием множества одновременно функционирующих коллегиальных следственных органов разных уровней. Первые законодательные изменения в области уголовного судопроизводства появились вскоре после смены строя в России. Так Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 года можно считать первым нормативным актом в области уголовного права после революции 1917 года. Статьей 3 Декрета о суде полномочия по предварительному следствию передавались местным судьям, которые избирались выборным путем [5]. Позже в 1918 году в России были организованы следственные комиссии при окружных кругах [1, С. 246–247]. В декрете ВЦИК «О народном суде РСФСР (положение)» от 30 ноября 1918 г., в соответствии со статьей 28, следственные мероприятия возлагались на Следственные Комиссии (уездные и городские), в случае рассмотрения дела Народным Судом с участием шести заседателей [3]. Декрет ВЦИК «Положение о народном суде РСФСР» от 2 октября 1920, в соответствии со статьей 30, регламентировал схему избрания Народных Следователей. Назначения инициировали отделы юстиции, с утверждения Народного Комиссариата Юстиции [4]. Первый постреволюционный полноценный нормативный акт (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР), регламентирующий

уголовный процесс был утвержден Постановлением третьей сессии ВЦИК 25 мая 1922 года [8]. Новые изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР были внесены Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. [7]. Статья 7 Постановления Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» установила, что к органам предварительного следствия относятся органы дознания, следователи и другие должностные лица, обладающие этим правом в соответствии с общесоюзными законами и законами союзных республик. А надзор, в соответствии с этой же статьей, за предварительным следствием был также возложен на прокуратуру [6, С. 126–127].

5. Период прокурорской подследственности (1924–1963 гг.). Характеризуется переходом следственных структур в прокурорское подчинение. Ряд нормативных актов, вступивших в силу на предыдущем этапе, относительно подробно структурировал процесс предварительного следствия и дознания, но оставлял открытым вопрос ведомственного подчинения. Данная проблема снижала эффективность деятельности следственных органов разного уровня [2, С. 425]. И Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года (в соответствии с изменениями, внесенными в сентябре 1928 г. в Положение о судостроительстве РСФСР), следователи перешли в подчинение прокуратуре. Полное выделение следственного аппарата из структуры органов юстиции СССР и включение в структуру Прокуратуры СССР (в т.ч. следственные органы союзных республик) произошло лишь в 1936 году.

6. Период подследственности МВД (1963–1991 гг.). Характеризуется переходом следственных аппаратов в структуру исполнительной власти (в частности МВД). 6 апреля 1963 года выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» [11], из названия которого можно понять, что в ведение милиции попадает не только дознание, но и предварительное расследование. Следователи органов внутренних дел были приравнены в правах с прокурорскими следователями и следователями органов государственной безопасности. Необходимость реорганизации следственного аппарата стала актуальной в связи с дублированием функций и подследственности следственных органов различных ведомств. Также усугубляли ситуацию низкий уровень профессиональной компетентности следовательских кадров и серьезный отток профессиональных кадров. Данный период характеризовался ростом раскрываемости преступлений и улучшением различных качественных характеристик как в целом, так в органах внутренних дел в частности.

7. Период межведомственной подследственности (1991–2010 гг.). Характеризуется сохранением следственных аппаратов в структуре исполнительной власти, но с усложненной межведомственной системой. В январе 1992 г. было упразднено Главное следственное управление МВД России и создан Следственный комитет. Еще больше усиливает позиции следственного аппарата МВД РФ введение в действие с 1 января 1997 года нового Уголовного кодекса РФ [9], в котором появляется 63 новых состава преступлений, расследованием основной массы новых составов преступлений занимались следователи

органов внутренних дел. В 2007 году появляется новая структура следственного аппарата — Следственный комитет при прокуратуре РФ. Указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2007 г. № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации»)» [10] регламентировалась деятельность нового следственного органа. Несмотря на формальную привязку к Прокуратуре РФ Следственный комитет имел не только широкие полномочия, но и финансовую и административную независимость от Прокуратуры РФ, что не могло не сказаться на взаимоотношениях этих структур. Подобная, можно сказать конфликтная, ситуация требовала дальнейших изменений в следственных структурах [6, С. 129].

8. Период структурной разрозненности (2010 — по настоящее время). Характеризуется как сохранением следственных аппаратов в структуре исполнительной власти, так и созданием специального следственного органа (Следственного Комитета Российской Федерации) вне ветвей власти. С 15 января 2011 г. меняется структура следственного аппарата. В связи с вступле-

нием в силу Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ [13], Следственный комитет становится и формально самостоятельным ведомством (предыдущий этап продемонстрировал нам, что СК при Прокуратуре РФ имел лишь формальное прокурорское подчинение), напрямую подчиняющимся Президенту Российской Федерации. В 2011 году была проведена реформа Министерства Внутренних Дел РФ, в ходе которой милиция была преобразована в полицию. И соответственно Следственный комитет при МВД России в Следственный департамент МВД России. Но при этом структура соподчинения осталась прежней. Подобная ситуация демонстрирует нам явную зависимость следственных структур от других подразделений [6, С. 129–130].

Таким образом, рассмотрев структурные изменения следственного аппарата Российской Федерации в исторической ретроспективе, мы можем отметить, что аппарат претерпел серьезные изменения, стал более структурированным, с четкими функциями и распределением подследственности, но остается проблема соподчинения внутри следственного аппарата.

Литература:

1. Ашовская, В. С. Правовой статус органов предварительного следствия в памятниках российского права / В. С. Ашовская // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. — Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. — С. 244–248.
2. Гаврилов, Б. Я. Следственный аппарат России: история и современное состояние. Роль уголовно-процессуального законодательства в повышении эффективности деятельности следователя // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. — С. 424–441.
3. Декрет ВЦИК «О народном суде РСФСР (положение)» от 30 ноября 1918 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
4. Декрет ВЦИК «Положение о народном суде РСФСР» от 2 октября 1920 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
5. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
6. Зотов, А. Ю. Органы предварительного следствия России: исторические аспекты возникновения и становления / А. Ю. Зотов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). — С. 124–130.
7. Постановление ВЦИК от 15.02.1922 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р. С. Ф. с. Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф. с. Р.»)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф. с. Р.»)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
10. Указ Президента Российской Федерации от 01.08.2007 г. № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации»)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
12. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
13. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

14. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2013. — 192 с.
15. 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.) / Д. О. Серов, А. К. Аверченко, Т. Н. Ильина, А. Г. Мамонтов и др.; под общ. ред. А. И. Бастрыкина, науч. ред. Д. О. Серов. — М., 2014. — 400 с.

Перспективы использования современных технологий в сфере международного нотариата

Сусленков Дмитрий Александрович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В настоящей статье рассматриваются основные перспективы развития современных технологий в сфере международного нотариата. Особое внимание уделяется анализу законодательства разных стран и международных объединений, связанного с внедрением современных технологий, а также приводятся наиболее удачные примеры использования электронных ресурсов для решения проблем в сфере международного нотариального права.

Ключевые слова: международный нотариат, международное нотариальное право, нотариат в РФ, современные технологии в сфере нотариального права.

Технический прогресс позволяет использовать технологии и достижения науки в целях оптимизации многих процессов в жизни современного человека, не является исключением и сфера юриспруденции. По всему миру развиваются системы электронной подачи документов в суды, обмена информацией между юристами и клиентами, защиты данных. Международные объединения нотариусов создают и внедряют технологии для оптимизации взаимодействия нотариусов разных стран. Так уже создан Реестр Завещаний, Интранет, различные базы данных. В Российской Федерации, например, существует Единая Информационная Система для Нотариусов, при помощи которой нотариус может осуществлять цифровой документооборот, получать информацию, делать запросы и многое другое [1, с.357].

Бумажные носители все еще имеют большой вес в нотариальной деятельности, однако такие инновации как электронные подписи и шифрование данных позволяют обеспечить не абсолютный, но высокий уровень защиты данных в том числе от физических воздействий третьих лиц. Основное опасение у нотариусов, привыкших работать с физическими носителями информации, вызывает возможность дешифровки и достоверности данных, хранящихся и передаваемых в электронном виде.

В России основные инновации в нотариальной деятельности проводятся в сфере сделок с недвижимостью, так, можно получать и подавать документы в Росреестр, подписывая электронной подписью [2, с.75]. В данном случае облегчается взаимодействие нотариуса не только с государственными органами, но и со специалистами рынка недвижимости, если это необходимо. Эта система весьма хорошо себя зарекомендовала внутри страны и при правильном подходе могла бы быть применяться и в некоторых других странах, где такой системы нет, в рамках международного сотрудничества. Европейские государства так же активно развивают электронную подпись для целей нотариата, ликвидируя барьеры законодательства (ID cards). В некоторых странах нотариат использует подписи достаточно давно (Испания, Италия, Финляндия), в некоторых подпись стала доступна позднее [3].

Актуален также вопрос завещаний, в том числе по части их подлинности и доступности. В странах латинской системы нотариата, как правило, завещание представляет собой письменный документ, однако, безусловно, с развитием технологий появляются и иные формы волеизъявления. Разработаны различные реестры завещаний, в том числе согласно положениям Базельской Конвенции. [4] Данным вопросом активно занимаются Американские исследователи, отмечая, что завещание может содержаться даже в смартфоне умершего, который бывает непросто вскрыть, этот факт вызывает пробелы в законодательстве, по мнению правоведов, и должен быть урегулирован [5].

Спорным является вопрос применения технологии блокчейна (смарт — контрактов) в деятельности нотариусов, ввиду недостаточного регулирования данного явления во многих странах. По мнению правоведов данная технология может подорвать безопасность особо важных документов, передаваемых по трансграничным каналам, так как сама технология до сих пор до конца не изучена и об абсолютной, хотя и видимой, безопасности речи не идет. Более того, встает вопрос об алгоритме дешифровки данных на стороне государственных органов, в которые подаются те или иные документы, при этом сохранив силу документа и его подлинность. Государство в таком случае так же должно перестроить свою бюрократическую систему на блокчейн, что является крайне затруднительным.

Вопрос применения блокчейна в нотариате впервые выносился на повестку для совета Международного Союза Латинского Нотариата 2017 года, где были рассмотрены позитивные и негативные аспекты данного явления. Так как блокчейн — явление достаточно новое, его проникновение в достаточно консервативней институт нотариата может потребовать несколько лет, однако задача поставлена и разработки системы уже ведутся под началом МСН и стран — участниц данного Объединения [6, с. 20].

В странах Европейского Союза, ориентированных на сближение законодательства, технологии, так же успешно приме-

няются для совершенствования системы международного нотариата.

Меры, применяемые для развития цифрового нотариата в Европейском союзе направлены на устранение информационных границ между странами — членами и построения эффективного сотрудничества. Эта тенденция актуальна ввиду постоянного передвижения граждан стран ЕС по территории объединения и за его пределами, в том числе для приобретения имущества в странах, отличных от их фактического проживания, а также заключения трансграничных браков [7, с. 186].

Учитывая лояльную иммиграционную политику некоторых Европейских стран и пробелы в законодательстве, которыми пользуются иностранцы для приобретения гражданства появляется все больше и больше желающих приобрести имущество или заключить брак [8]. Исходя из статистических данных, ежегодный приток иммигрантов исчисляется миллионами, покупается недвижимость на миллиарды евро и открывается более полумиллиона наследственных дел с иностранными наследниками ежегодно. При этом более 10 миллионов европейцев не проживают в странах своего происхождения [9].

Помимо уже рассмотренного в данной работе Международного Союза Нотариата, существует отдельная некоммерческая организация на территории ЕС, координирующая решения нотариального сообщества Европы и развивающая данный институт. Учрежденный в 1993 года и существующий по сей день Совет Нотариатов Европейского союза не только представляет интересы нотариатов стран-участников ЕС, но и обеспечивает создание совместных электронных ресурсов для нотариусов. Рассмотрим некоторые из них:

- Ресурс для поиска нотариуса, который говорит на языке клиента: (www.annuaire-des-notaires.eu)
- Сервис для определения режимов наследования: www.successions-europe.eu
- Бракоразводные процессы: www.coupleseurope.eu
- Сервис, помогающий приобрести недвижимость в Европе: www.jachetemonlogement.eu
- Ресурс для помощи несовершеннолетним и уязвимым слоям населения: www.the-vulnerable.eu
- Ресурс, предоставляющий информацию о доказательственной ценности подлинных актов латинского нотариата. Наиболее распространены подлинные акты в вопросах наследования и семейного права: www.authentic-acts.eu [10].
- Европейская сеть реестров завещаний — www.arert.eu. Система включает в себя множество завещаний по всей Европе и позволяет быстро получить доступ к завещанию. Ресурс подробно описывает процесс регистрации и поиска необходимых актов.
- Развитие Европейской Нотариальной сети — www.enp-rne.eu. ENN по сути является неким подобием деловой социальной сети для нотариусов, где можно получить консультацию по каким-либо вопросам на отраслевых форумах. Вероятно, за основу данной сети был взят Интранет ранее разработанный Международным Союзом Латинского Нотариата, так как многие функции платформ схожи. Сеть актуальна для всех сфер права, с которыми приходится работать нотариусу начиная с семейного и заканчивая корпоративным. Основная

цель — обеспечить наибольшую безопасность и достоверность получаемых и передаваемых данных.

Еще один эффективный и активно развивающийся сервис для трансграничного взаимодействия нотариусов называется EUFIDES [11]. Этот сервис был изначально разработан для ускорения проведения трансграничных сделок с недвижимостью, однако охватил и иные процессы нотариальной деятельности. По сути, данная система позволяет удаленно работать с нотариусом, находящимся за рубежом, передавать по защищенным каналам документы и иную информацию, тем самым сводя к минимуму личное присутствие клиента, если это необходимо.

Исходя из проанализированной в данном параграфе информации стоит выделить несколько принципов, по которому развивается не только международный нотариат в целом, но и электронный международный нотариат в частности:

- 1) Приоритетом развития всех электронных систем является их доступность, стабильная работа и информационная безопасность.
- 2) Национальные сервисы по возможности должны интегрироваться в международные для расширения возможностей доступа и обмена информацией.
- 3) Расширение функций платформ, добавление новых реестров и возможных нотариальных действий.
- 4) Возможность внедрения в системы специализированных дополнений, направленных на социальные и защитные функции слабовосприимчивых групп населения.
- 5) Проведение специальных тренингов для нотариусов по работе с постоянно развивающимися системами.

В целом, все перечисленные принципы направлены на достижение единой цели нотариусов не только Европы, но и мира, а именно устранению коллизий и сближению все еще достаточно разрозненного нотариального права.

Безусловно, государствам необходимо содействовать нотариату в данной работе, иначе без должной поддержки велика вероятность информационной изоляции отдельных стран, что неприемлемо в условиях постоянно растущего числа трансграничных взаимодействий. К сожалению, законодательством многих стран, в частности России, не в полной мере установлен терминологический ряд и требования к функционированию систем, описанных в данной работе, что порождает коллизии и тормозит совсем недавно начатый в этой сфере прогресс. Во избежание данных ситуаций необходимо путем совместных усилий в рамках международного сотрудничества, например, мероприятий Международного Союза Нотариата разрабатывать не только различные инновации, но и параллельно учитывать возможность их плавной интеграции в законодательство отдельных стран. Странам — членам Союза и иных объединений необходимо еще более тщательно анализировать позитивный и негативный опыт коллег, тем самым находя компромиссные пути решения возможных конфликтов.

Таким образом, важно понимать, что технический прогресс и экономическая интеграция тесно связаны с изменениями в праве и нотариат не является исключением. В целом, только интенсивное взаимное сотрудничество юристов, ученых и специалистов по цифровым технологиям сделает междуна-

родные нотариальные процедуры действительно эффективными и удобными, что в полной мере позволит достичь главной цели нотариуса — качественной защиты прав. Однако необходимо отметить, что становление международного цифрового нотариата не видится возможным без устранения базовых проблем и пробелов в законодательстве и эти проблемы должны быть решены в первую очередь.

Современные реалии международных экономических отношений направлены на интеграцию и сближение законодательств не только в рамках уже существующих объединений как, например, ЕС, СНГ, но и более глобально. Сама суть таких объединений позволяет наиболее развитым государствам — участ-

никам обмениваться опытом с государствами менее развитыми, тем самым обеспечивая равномерный рост и развитие института международного нотариата. Двигателем прогресса международного нотариата был и остается Международный Союз Латинского Нотариата, существующий уже более 70 лет и имеющий международный политический авторитет в том числе в таких организациях как Юнеско, ЮНИДРУА, ООН, Совет Европы и многих других. МСН не только способствует развитию нотариата, но и сохраняет традиционное его обличье, этику и традиции [12]. Принципы латинского нотариата, установленные Союзом, являются обязательными для нотариусов всех стран континентальной системы права и должны беспрекословно исполняться.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ, № 10, 11.03.93
2. Филиппова О. В. Информационные технологии в нотариальной деятельности // Закон. 2019. № 07. С. 73–81.
3. Signature du premier acte authentique sur support e lectronique 28 octobre 2008 [Electronic resource] // URL: http://www.presse.justice.gouv.fr/art_pix/1_DPacteauthentiquersupportelectronique1.pdf (Accessed: 13.04.2020)
4. Convention on the Establishment of a Scheme of Registration of Wills // Basel, 16/05/1972 — Treaty open for signature by the member States and for accession by non-member States [Electronic resource] // ETS No.077. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/077> (Accessed: 18.04.2020)
5. Beyer, Gerry W. and Peters, Katherine, Sign on the [Electronic] Dotted Line: The Rise of the Electronic Will. February 23, 2019 [Electronic resource] // URL: <https://ssrn.com/abstract=3278363> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3278363> (Accessed: 12.04.2020)
6. Ярклов В. В. Нотариат и блокчейн: возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 18–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32521200> (Дата обращения: 12.04.2020)
7. Махова Ю. И. Использование электронных ресурсов в нотариальной деятельности в России и странах ЕС // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10. С. 184–188.
8. People in the EU — statistics on origin of residents [Electronic resource] // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/People_in_the_EU_statistics_on_origin_of_residents (Accessed: 11.04.2020)
9. Eurostat International Migration statistics: Immigration [Electronic resource] // URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/dataset/ds00026_en (Accessed: 3.05.2020)
10. Commitments and initiatives of the European Notariats in building a Europe governed by the rule of law [Electronic resource] // URL: <https://www.notaires.fr/en/notaire/notariat-european-union/council-notariats-european-union-cnue> (Accessed: 18.04.2020)
11. Launch of EUFides Project — Facilitating real estate transactions in Europe [Electronic resource] // URL: <http://www.notaries-of-europe.eu//index.php?pageID=8050> (Accessed: 19.04.2020)
12. Statutes of the UINL approved by the General Meeting on 2 October 2007 in Madrid and amended on 2 October 2015 in Rio de Janeiro [Electronic recourse] // URL: <https://www.uinl.org/statutes> (Accessed: 23.04.2020)

Запрещение дискриминации в сфере труда

Филонова Ирина Руслановна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье автор рассуждает об основных моментах дискриминации в сфере труда в Российской Федерации.

Право на труд является одним из неотъемлемых, основополагающих прав человека. Это право закрепляется во многих как российских источниках права, так и в различных международных нормативно-правовых актах. Но несмотря на это, в современных реалиях довольно часто встречаются разнообразные случаи ограничения этого права. В частности, это касается и дискриминации в сфере труда. И хотя, казалось бы, на

современном этапе развития общества совершенно очевидно, что трудовая дискриминация является абсолютно неприемлемой, проблема дискриминации в сфере труда остаётся крайне распространённым явлением.

В Российских законах существует ряд статей, запрещающих дискриминацию. Согласно Конституции Российской Федерации государство гарантирует своим гражданам равен-

ство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [1, ч. 2 ст. 19]. Запрещаются любые формы ограничения гражданских прав по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [1, ч. 2 ст. 19]. Кроме того, тот же документ гарантирует наличие как у мужчин, так и у женщин равных прав и свобод, а также равных возможностей для их реализации [1, ч. 3 ст. 19]. Помимо всего вышеперечисленного важную роль играет закрепленное в Конституции право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, а также не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [1, ч. 3 ст. 37]. Не менее важной является закрепленная Трудовым кодексом Российской Федерации норма о том, что каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав [2].

Помимо того, Россией ратифицирован ряд определенных международных договоров, которые тем или иным образом связаны непосредственно с запрещением дискриминации в целом (например, международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года), в отношении отдельных категорий лиц (к примеру, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года и пр.), и также отдельно относительно дискриминации в сфере труда (примером служит Конвенция № 100 МОТ «Относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности» 1951 года и Конвенция № 111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий» 1958 года). Несмотря на это, если мы сравним отечественное законодательство, а также правоприменительную практику, которые непосредственно относятся к дискриминации в сфере труда, с существующими стандартами международного сообщества, можно выделить моменты, являющиеся довольно проблематичными.

Первым пробелом является отсутствие какого-либо четкого определения дискриминации. Для начала стоит обратиться к происхождению этого слова: происходит оно от латинского слова «discrimination», что в переводе означает «обособление, различие», то есть этимологически мы можем дать такое определение, как ограничение или полное лишение человека прав на основе наличия у него какого-то различия. При этом, поскольку масштабы проблемы дискриминации в сфере труда имеют международный характер, в Конвенции «Относительно дискриминации в области труда и занятий» был сформулированы и закреплены непосредственные составляющие этого термина, к которым относятся: во-первых, всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национального происхождения или социальной принадлежности, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий; а во-вторых, всякое другое различие, недопущение или предпочтение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, определяемое соответ-

ствующим членом по консультации с представительными организациями предпринимателей и трудящихся, где таковые существуют, и с другими соответствующими органами [3].

Понятие дискриминации разъясняется так же в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», в котором указывается, что под дискриминацией в сфере труда необходимо понимать какое-либо различие, исключение, или предпочтение, отдаваемое каком-либо человеку в зависимости от обстоятельств, которые не имеют отношения к его деловым качествам, в результате которого нарушается равенство работников. Понятие «деловых качеств работника» было истолковано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами РФ Трудового кодекса Российской Федерации», где было разъяснено, что под деловыми качествами работника понимаются его способности выполнять определенную трудовую функцию с учетом его профессионально-квалификационных качеств (здесь подразумевается наличие определенной квалификации, специальности и т.д.), а также личностных качеств работника, таких как, к примеру, определенный уровень образования, опыт работы по специальности и в отрасли в целом, а также состояние его здоровья.

Следующей безусловной и, пожалуй, самой важной проблемой является вопрос доказывания дискриминации. Согласно статье 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, на каждой из сторон лежит бремя доказывания тех обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено законом. Таким образом возникает ситуация, в которой лицо, которое считает себя подвергнутым дискриминации в сфере труда, будет обязано доказывать факт дискриминации в суде. Всё это осложняется еще и тем, что на практике доказать факт дискриминации довольно трудно, в связи с чем работникам нашей страны крайне редко удаётся выиграть судебный спор о дискриминации даже в тех случаях, где дискриминация совершенно очевидна (например, «дело Ступко», в котором работнику было отказано в иске, несмотря на то, что у истца в наличии имелось доказательство в виде письменного отказа принять его на работу на должность бухгалтера как не подходящего «по возрастному признаку» [4]). Это имеет непосредственную связь с тем, что бремя доказывания у нас лежит на истце. В законодательствах других стран, например США, действует так называемый принцип доказывания *prima facie*, при котором от истца требуется сформулировать тезис, связанный с обстоятельством дискриминации, который будет достаточно убедителен для суда. Бремя доказывания же ложится на ответчика, то есть это работодатель должен доказывать то, что факт дискриминации по данному случаю не имел места быть.

Как уже было сказано выше, Гражданский процессуальный кодекс РФ не предусматривает абсолютно никаких «облегчений» для заявителей по делам о дискриминации. Другими законодательными актами РФ также не устанавливаются подобных «правил». В отечественной правовой науке не один раз высказывались мнения о необходимости если и не полного, то

хотя бы частичного переноса бремени доказывания дискриминации на ответчика.

Тем не менее, нерешительность законодателей в этом вопросе довольно-таки оправдана, так как полный, к примеру, перенос бремени ответственности доказательства случаев дискриминации на ответчика (то есть работодателя) всё же может быть чреват последующими злоупотреблениями правом со стороны заявителей, поскольку отсутствие каких-либо дискриминационных действий может быть точно так же затруднительно доказать даже в случаях действительной невиновности работодателя.

Однако для развития антидискриминационного законодательства в нашей стране и повышения его эффективности всё же однозначно необходимо принять определенные меры по облегчению бремени доказывания. В качестве таких мер могут выступить например изменение судебного подхода к использованию в качестве доказательств как аудиозаписей, так и видео записей в сторону их разрешения, легализация ситуационных тестов,

когда на интервью по трудоустройству приходят фиктивные кандидаты для выявления отношения работодателя к определенным группам работников [5], как одного из способов доказывания дискриминации. Так же для облегчения бремени возможно позволить судам самостоятельно вести расследования по делам, связанным с дискриминацией (такой подход применяется, к примеру, в ЕС) [6, п. 22].

Таким образом, на основе всего изученного материала, можно сделать вывод о том, что необходимость подробного, детального регулирования защиты от дискриминации через принятие комплексного закона по борьбе с дискриминацией. И совершенно очевидно, что подобный закон, который лучше прояснит вопросы регулирования борьбы с дискриминацией, необходим и максимально актуален. Также в этом законе важно обозначить как упрощение доказывания дискриминации, так и усиления ответственности для виновного в дискриминационных действиях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года
2. Трудовой кодекс Российской Федерации 30 декабря 2001 года
3. Конвенция No 111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий» 1958 г.
4. Апелляционное решение Ленинского районного суда г. Воронежа от 28 января 2008 г., дело № 11–27/08
5. Rorive I. Proving Discrimination Cases — the Role of Situation Testing. MPG, Centre for Equal Rights Scientific conception, 2009
6. Преамбула к Директиве ЕС 2000/43/ЕС
7. Преамбула к Директиве 2000/78/ЕС

Правовое регулирование лоббизма в Российской Федерации

Филонова Ирина Руслановна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье автор рассматривает вопросы правового регулирования лоббизма в России, то, какие в настоящее время существуют его тенденции которые, по мнению автора, являются достаточно актуальными, а так же пытается найти ответ на вопрос, необходимо ли нашей стране законодательное регулирование лоббизма.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, США, Россия, государственная власть, Конституция РФ, государство, гражданин.

Лоббизм — это один из способов решения различных вопросов в пользу интересов групп через воздействие, давление на правительственные, законодательные органы, в целом органы государственной власти. Лоббизм — это неотъемлемая часть демократических обществ, это способ отстаивания различными социальными субъектами (коммерческими корпорациями, профсоюзами, торговыми ассоциациями, гражданскими объединениями, университетами и прочими) своих интересов. Всем известно, что ни одно демократическое правление не может обойтись без постоянного поддержания диалога между государством и гражданами. Путём адекватного донесения до властей интересов групп можно выработать эффективные политические решения. Если верить средствам массовой информации, в настоящее время такие ценности, как

обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, формирование правовой государственности и повышение уровня правовой культур, становятся всё более приоритетными для нашего государства. В связи с этим вопрос правового регулирования лоббизма приобретает особую важность [1].

Для понимания такого явления как лоббизм, рассмотрим его историю. В письменном языке оно было впервые зафиксировано в 1553 году для указания на прогулочные площадки в монастыре. В XVII веке, спустя столетие, слово стало употребляться для обозначения прогулок в палате общин Англии, а также для прогулок в коридорах и холлах театров. Однако уже с 1640 года слово стало использоваться для обозначения мест, где проходили встречи законодателей с гражданами (во-

круг залов заседаний). Принято считать, что это слово приобрело политический смысл спустя два века в Америке. Там «лоббирование» означало приобретение за деньги голосов в коридорах конгресса. Можно заметить, что в данном случае лоббизм прямо связан со взятками и обманом, однако сам по себе он обозначает попытки заинтересованных групп законным (акцент) способом повлиять на разработку и принятие абсолютно разных управленческих решений. К примеру, «Британская энциклопедия» определяет слово «лобби» как любую попытку индивида или группы лиц с частными интересами оказывать влияние на решение властей [2] [3].

Довольно часто в головах людей лоббизм стоит рядом со взяточничеством, с разными «серыми схемами», обманом, преступностью, а лоббисты, в свою очередь, представляются, как люди в очень дорогих костюмах, с кейсами, набитыми деньгами. Однако это вовсе не верно, так как «коррупция мешает лоббисту, и многие профессионалы предпочитают работать в открытую. Лоббист — не взяточник, и лоббизм — деятельность, требующая высокой квалификации» [4].

Лоббизм выступает неким посредником для бизнеса и государства, он знает то нужно бизнесу, а что — государству, и может найти решение, которое будет выгодным для обеих сторон.

М. Ходорковским было отмечено, что «интересы бизнеса должны быть представлены как общественности, так и органам власти». Я считаю, что с этим невозможно быть не согласным.

Так, в ЕС, в США «лоббизм» — то, что обозначает совершенно легальную деятельность по представлению, а также отстаиванию интересов различных субъектов. Такое определение находит отражение и в соответствующих НПА. В США, к примеру, в Lobbying Disclosure Act 1995 года, а в Евросоюзе — в European Transparency Initiative 2007 года. Кроме того, важным моментом, является то, что как в США, так и во многих других странах лоббист — это профессия. В США, официально зарегистрировано при конгрессе около 15 тысяч лоббистов. Оборота рынка лоббизма составляет порядка трёх миллиардов долларов в год. Однако у всех лоббистов существует обязанность отчитываться о том, сколько денег они получают от компании и на что они их тратят [5].

В нашей стране на данном этапе развития нет никакого легального определения этому термину. Однако лоббистская деятельность может быть обоснована содержанием статьи 33 Конституции РФ, согласно которой, граждане РФ имеют право обращаться лично, направлять индивидуальные и коллективные обращения в госорганы и органы местного самоуправления. Физические лица имеют право на вступление в контакт с властными органами. В целом, в нашей стране лоббизм имеет конституционные гарантии на основании п. 1 ст. 30, в котором говорится о праве граждан на объединения, право на создание профсоюзов для защиты своих интересов, есть указание на гарантированность свободы деятельности этих объединений, ст. 33, суть которой была описана ранее и п. 2 ст. 45 Конституции РФ, в котором обозначается право граждан РФ на защиту прав и свобод всеми, не запрещенными законом, способами [6].

Лоббизм, а точнее его определение в нашей стране на региональном уровне существует в законе «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края». В этом за-

конодательном акте под лоббизмом понимают «деятельность специально уполномоченных на то лиц по информационному взаимодействию с правотворческим органом края с целью выражения интересов соответствующих организаций в региональном правотворчестве» [7].

В России на данный момент лоббизм существует в двух формах. Первая из них — публичный диалог с властью путём создания различных петиций, направление писем в органы власти, публикации в СМИ, выступления деятелей культуры, выступления ученых и тому подобное. Наглядным примером является история борьбы с 2006 по 2011 годы со строительством «Охта-центра» в Санкт-Петербурге. Против строительства активно выступали зарубежные архитекторы, графа британского архитектурного бюро, строительство критиковалось ЮНЕСКО, деятелями культуры, науки, против выступали партии «Яблоко», КПРФ, «Справедливая Россия», а также Дмитрий Медведев, бывший на тот момент президентом страны, поддержавший позицию ЮНЕСКО. Стоит ли говорить о том, что кампания завершилась успехом. Второй формой является как раз то, что наиболее распространено в нашей стране. Это скрытая борьба между группировками, которая пытается влиять на чиновников, включающая так же и подкуп чиновников с целью получения принятия выгодного лица, выступающего лоббистом решения.

Итак, какая же ситуация в стране складывается. Выходит, что часть примеров якобы лоббистской деятельности представляют собой коррупцию. С юридической точки зрения, если, к примеру, фирма или финансовая корпорация предлагает депутату деньги (услуги) за продвижение выгодного законопроекта — сомнений нет, это взятка. Однако, если фирма предлагает передать деньги в избирательный фонд, а после излагает депутату свои просьбы и предложения — это, по меркам нашей страны, лоббистская деятельность. Установить факт устной договоренности на встрече представителя фирмы и депутата, в большинстве случаев, не представляется возможным. То есть, мы видим ситуацию, когда фактически — налицо подкуп, дача взятки, а с юридической точки зрения — это политическое влияние в России [8].

Подводя итог, снова встаёт вопрос о том, нужно ли правовое регулирование лоббизма России? Разумеется, да.

Однако для того, чтобы обеспечить полноценное функционирование какого-нибудь закона о лоббизме, нужно сначала развить законодательство о государственной службе, которое будет не только содержать в себе ряд требований и запретов для чиновников, но и будет должным образом применяться.

Кроме того, в России в принципе отсутствуют многие правовые и институциональные предпосылки закона о лоббизме. Сами смежные правовые институты, такие как выборы, деятельность политических партий, политический плюрализм и подобные, в своём функционировании очень далеки от совершенства. Вероятнее всего, по этим причинам новый механизм влияния на государственную власть в нашей стране «не приживется».

Тем не менее, для повышения качества взаимодействий между бизнесом и государством, могут и должны предприниматься действия. Так, нам необходимо не отступать от си-

стемного правового регулирования продвижения частных интересов. Кроме того, нужно добиться гарантированного института независимой общественной экспертизы, обеспечить право доступа к проектам НПА заинтересованных в этом лиц. Так же нужно следовать по пути равноправия между группами, участвующими в деятельности общественных и экспертных со-

ветов при органах публичной власти. Нужно стимулировать развитие саморегулирование в разных отраслях и сферах экономики, используя правовые средства. И, наконец, нужно обеспечить доступ к обсуждению и принятию решений в рамках социального партнерства представителям некоммерческого сектора.

Литература:

1. Яшин А. С. Лоббизм в законодательном процессе Российской Федерации // Гуманитарные научные исследования
2. Павлов В. Есть ли в России лоббизм? // Российская юстиция.
3. Субочев В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования.
4. Толмачева И. Лоббизм по-русски. Между бизнесом и властью.
5. А. В. Павроз Принципы и альтернативы правового регулирования лоббизма.
6. Конституция РФ 1993 года
7. Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года N7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края»
8. Васильева С. Правовое регулирование лоббизма и иные механизмы продвижения частных//Право. Журнал Высшей Школы Экономики

Особенности полномочий органов местного самоуправления в области земельных отношений

Фролова Валерия Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лебедева Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Хабаровский государственный университет экономики и права

Актуальность данной темы определяется практически непрекращающимся с момента введения в действие Земельного кодекса РФ принятием федеральных законов, вносящих постоянные изменения в земельное законодательство. Поэтому вопросы развития земельного законодательства всегда представляли особый интерес и с теоретической, и с практической точек зрения.

Органы местного самоуправления являются активными участниками земельных отношений, обладают особыми полномочиями, правами и обязанностями. Важнейшими нормативными актами, содержащими полномочия органов местного самоуправления в области земельных отношений являются Земельный кодекс РФ (далее — ЗК РФ) [5] и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 131-ФЗ) [8]. Однако, установлено несоответствие закрепленных полномочий органов местного в ФЗ № 131-ФЗ, в Земельном, Лесном [6], Градостроительном (далее — ГрК РФ) [3], Бюджетном [1], Водном [2], Гражданском [4] и других кодексах Российской Федерации, в Федеральных законах в том числе: «Об охране окружающей среды» [10], «О мелиорации земель» [7], «Об особо охраняемых природных территориях» [9], «Об экологической экспертизе» [11] и др.

При этом отраслевое многообразие регулирования полномочий органов местного самоуправления в сфере земельных отношений без согласования применяемых правовых средств, в ряде случаев, приводит к юридическим коллизиям.

Прежде всего, требуется дать определение понятию «полномочия». В объективном смысле полномочия местного самоуправления в сфере земельных отношений есть совокупность правовых норм, закрепляющих, регулирующих и охраняющих права конкретных субъектов муниципального права. В субъективном смысле полномочия — это право конкретного субъекта муниципального права осуществлять определенную публичную деятельность в сфере земельных отношений (правотворческую, организационно-распорядительную, правоприменительную и др.), требовать действий от других участников правоотношений; владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Применительно к сфере земельных отношений «полномочия местного самоуправления» детерминированы политико-правовыми особенностями государственного устройства.

ЗК РФ закрепляет за органами местного самоуправления ряд полномочий на решение вопросов местного значения в области земельных отношений: резервирование земель; изъятие, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд; установление с учетом требований законодательства Российской Федерации правил землепользования и застройки территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований; разработка и реализация местных программ использования и охраны земель; управление и распоряжение земельными участками, находящимися в муниципальной собственности; иные полномочия по решению вопросов местного значения в области использования и охраны земель.

В соответствии с п. 4 ст. 2 ЗК РФ органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут издавать акты, содержащие нормы земельного права. Подобная норма содержится и в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», относящем к полномочиям органов местного самоуправления принятие уставов и муниципальных правовых актов, в том числе регулирующих земельные отношения [5].

В науке муниципального права в качестве основных форм реализации полномочий органов местного самоуправления выделяются правотворчество и правоприменение. При этом правотворчество выражается в принятии устава муниципального образования, внесении в него изменений или дополнений, издании муниципальных правовых актов. Правотворчество органов местного самоуправления — это подзаконное правотворчество или нормотворчество. В любом случае это форма деятельности уполномоченных субъектов местного самоуправления по созданию, изменению и отмене правовых норм. Наряду с нормативными правовыми актами органы местного самоуправления могут принимать и ненормативные (индивидуальные, общие) правовые акты, которые также относятся к форме реализации полномочий органов местного самоуправления [18].

Правоприменение связывается с точным и неукоснительным исполнением действующего законодательства. При этом во всех случаях, когда речь идет о такой форме реализации полномочий органов местного самоуправления, как правоприменение, все действия должностных лиц органов местного самоуправления и решения органов местного самоуправления должны быть основаны на нормах права.

Указанное разнообразие земельно-правовых полномочий органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также форм их реализации, вызывает необходимость их классификации и систематизации для эффективного управления земельными ресурсами на региональном и муниципальном уровне.

Органы местного самоуправления могут участвовать в земельных отношениях в двух качествах: как регуляторы земельных отношений в отношении земель, находящихся под их юрисдикцией на их территории (в этих случаях их акты имеют властный, административный характер), и как собственники земель, находящиеся в их владении, пользовании и распоряжении (в этом случае они действуют на равных началах с иными участниками земельных отношений — физическими и юридическими лицами).

В качестве примера реализации обозначенных полномочий укажем на следующие документы: Решение Хабаровской городской Думы от 21.05.2002 № 211 «Об утверждении Правил землепользования и застройки городского округа «Город Хабаровск» [14], Решение Собрания депутатов Советско-Гаванского муниципального района от 06.09.2007 № 63 «Об утверждении Положения о порядке резервирования земельных участков

(земель) в границах Советско-Гаванского района для муниципальных нужд» [13], Постановление Администрации Комсомольского муниципального района от 30.09.2013 № 629 «Об утверждении муниципальной программы «Использование и охрана земель на территории Комсомольского муниципального района на 2014–2020 годы» [12].

Кроме того, установлены особенности организации и проведения публичных слушаний по внесению изменений в Правила землепользования и застройки городского округа; особенности организации и проведения публичных слушаний.

Стоит отметить интересную особенность, что в небольшом количестве городов правила землепользования и застройки вообще не содержат норм о публичных слушаниях по вопросам землепользования и застройки. В этом случае в правилах делается отсылка к отдельному нормативному документу, регулиющему порядок проведения слушаний. Так сделано, например, в г. Хабаровске, где действует Положение о публичных слушаниях в городском округе «Город Хабаровск» (утв. решением Хабаровской городской Думы от 22 ноября 2005 г. № 181 [17]). В этом документе определены: формы публичных слушаний; предметы обсуждения, выносимые на публичные слушания; источник финансирования публичных слушаний; инициаторы проведения публичных слушаний; порядок принятия решения о назначении слушаний, время проведения, срок и территория; правила проведения публичных слушаний, оформления и опубликования результатов слушаний; особенности организации и проведения слушания по проектам муниципальных правовых актов и вопросам в соответствии с ГрК РФ.

Большинство правовых актов глав, принимаемых главами местных администраций, весьма скупо описывают сведения, касающиеся этапов градостроительного зонирования. Обычно принято указывать разработку карты градостроительного зонирования и разработку градостроительных регламентов (например, Постановление Администрации города Хабаровска от 20 января 2014 г. № 80 «Об утверждении требований к составу и порядку деятельности Комиссии по подготовке проекта Правил землепользования и застройки городского округа «Город Хабаровск» и признании утратившими силу отдельных муниципальных правовых актов» [15]), но встречаются и иные варианты. Так, в Постановлении главы городского округа Подольск Московской области от 27 июля 2007 г. № 1207-п «Об утверждении этапов градостроительного зонирования территории города, Положения о Комиссии по подготовке проекта правил землепользования и застройки территории города Подольска и ее состава» [16] указаны этапы градостроительного зонирования.

Вышеизложенные положения подтверждают необходимость разработки классификации полномочий органов местного самоуправления поселений в области земельных отношений, учитывающей имеющиеся пробелы в законодательном регулировании.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

2. Водный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.06.2006, № 23, ст. 2381.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994, № 32. Ст. 3301.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001, № 44. Ст. 4147.
6. Лесной кодекс Российской Федерации: ФЗ от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006, № 50, ст. 5278
7. О мелиорации земель: ФЗ от 10.01.1996 № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 14.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Российская газета, № 202, 08.10.2003
9. Об особо охраняемых природных территориях: ФЗ от 14.03.1995 № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20.03.1995, № 12, ст. 1024.
10. Об охране окружающей среды: ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002, № 2. Ст. 133.
11. Об экологической экспертизе: ФЗ от 23.11.1995 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995, № 48, ст. 4556.
12. Об утверждении муниципальной программы «Использование и охрана земель на территории Комсомольского муниципального района на 2014–2020 годы: Постановление Администрации Комсомольского муниципального района от 30.09.2013 № 629 // Сборник муниципальных правовых актов Комсомольского муниципального района. № 9 (том 2), 04.10.2013.
13. Об утверждении Положения о порядке резервирования земельных участков (земель) в границах Советско-Гаванского района для муниципальных нужд: Решение Собрания депутатов Советско-Гаванского муниципального района от 06.09.2007 № 63 // Сборник нормативно-правовых актов органов местного самоуправления Советско-Гаванского муниципального района. № 7, 18.09.2007.
14. Об утверждении Правил землепользования и застройки городского округа «Город Хабаровск»: Решение Хабаровской городской Думы от 21.05.2002 № 211 // Хабаровские вести. № 87, 14.06.2002.
15. Об утверждении требований к составу и порядку деятельности Комиссии по подготовке проекта Правил землепользования и застройки городского округа «Город Хабаровск» и признании утратившими силу отдельных муниципальных правовых актов: Постановление Администрации города Хабаровска от 20 января 2014 г. № 80 // Хабаровские вести. № 10, 24.01.2014.
16. Об утверждении этапов градостроительного зонирования территории города, Положения о Комиссии по подготовке проекта правил землепользования и застройки территории города Подольска и ее состава: Постановление главы городского округа Подольск Московской области от 27 июля 2007 г. № 1207-п.
17. О публичных слушаниях в городском округе «Город Хабаровск»: Положение, утвержденное Решением Хабаровской городской Думы от 22.11.2005 № 181.
18. Гейт Н. А. Конституционно-правовые основы определения полномочий местного самоуправления в сфере земельных отношений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 1. С. 27.
19. Игнатюк Н. А., Павлушкин А. В. Муниципальное право: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2009. С. 284.

Отсутствие юридической ответственности за нарушение супругами установленного ими режима имущества супругов в Российской Федерации

Черноколпакова Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Верещагин Сергей Григорьевич, доктор политических наук, профессор
 Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Статья посвящена проблеме отсутствия ответственности бывших супругов за нарушение установленного ими режима имущества. Институт брака и юридической ответственности граждан предопределяет правильное и всестороннее развитие гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: институт брака, гражданское общество, супруги, раздел имущества и институт юридической ответственности.

В современном мире некогда бывшие супруги, совершенно забыв о семейных укладах во время бракоразводных процессов становятся не просто сторонами процесса, а «врагами»

друг другу. На что только не идут бывшие муж и жена, прибегая к самым изощренным методам, дабы сохранить за собой общую собственность и стать владельцем всего имущества.

Темой нашего исследования стала насущная проблема отсутствия в Российской Федерации именно «института ответственности супругов за факт нарушения режима их совместного имущества».

Вследствие чего одними из важных вопросов в брачно-семейных взаимоотношениях являются вопросы по расторжению браков, имущественных отношений между супругами, разделу имущества супругов и определению судьбы общего имущества и проблемные аспекты.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в процессе раздела общего имущества супруги нарушают допустимые в законном порядке нормы раздела имущества, иногда даже прибегая к хитрости, например, к порче или уничтожению спорного имущества, за что и привлекаются к юридической ответственности.

Цель исследования — теоретический и практический анализ юридической ответственности за нарушение супругами установленного ими режима имущества супругов, а также формулирование выводов и предложений по результатам данного анализа.

Предметом исследования являются анализ правовых норм законодательства Российской Федерации, которые регулируют юридические правоотношения в сфере имущественных прав супругов. Объект — отношения, связанные с вопросами регулирования имущественных отношений супругов в браке и при расторжении брака, регулируемые законодательством Российской Федерации.

При написании работы применялся сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-юридический и статистический метод исследования.

После государственной регистрации брака между супругами возникают имущественные правоотношения. Имущественные отношения супругов в Российской Федерации подробно регламентируются не только нормами Семейного Кодекса Российской Федерации [1], но и гражданским законодательством [2] [3].

Необходимо четко понимать, что институт семьи и брака во многом оказывает влияние на гражданское общество, например, увеличение демографической ситуации в стране. Без внимания здесь не остается и институт «юридической ответственности», который является регулятором общественных отношений в любом гражданском обществе.

Итак, с точки зрения права «юридическая ответственность» — институт права участники, которого наделены на законодательном уровне правами за нарушение действующих правовых норм.

Вопросы ответственности супругов за нарушение установленного ими режима имущества становятся особенно актуальными при разводе. Согласно со статистикой Росстата: «количество разводов в России за 2019 году сократилось на 56 тыс. случаев относительно прошлогодних показателей...» [4]. Но в свете последних событий, связанных с тяжелой эпидемиологической ситуацией как в стране, так и в мире, а именно с коронавирусом COVID-19, на наш взгляд, ситуация с бракоразводными процессами только усугубится. Во многом на это повлияла введенная президентами Российской Федерации самоизоляция в режиме повышенной готовности, так как супруги продолжи-

тельное время были вместе, что могло привести к конфликту интересов и вследствие утраты семейных устоев, а в дальнейшем и к разводу.

Как правило, за нарушение супругами установленного ими режима имущества наступает гражданско-правовая ответственность. При этом нигде в литературе и на сайтах юристов — практиков не говорится о возможности применения административно-правовых или уголовно-правовых мер в целях защиты именно «режима имущества супругов».

Дело в том, что отсутствуют прямые статьи в КоАП Российской Федерации [5] и в Уголовном кодексе Российской Федерации [6], предусматривающие ответственность за нарушение режима собственности супругов. Вся проблематика заключается в том, что в российском законодательстве нет понятия «супругов», именно, как участников взаимоотношений. Иными словами, мы их рассматриваем как «истцов» и «ответчиков», как «подсудимого» и «потерпевшего». Тем самым, считаем необходимым на законодательном уровне включить институт ответственности супругов за нарушение режима их имущества в действующее законодательство и закрепить как уголовную, так и гражданскую ответственность

Тем самым, меры административной ответственности не могут быть применены к имущественным отношениям супругов, так как суть административных правоотношений — это отношения власти-подчинения, т.е. с одной стороны орган власти с другой стороны физическое, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель. Такие правоотношения сами по себе исключают имущественные отношения, так как последние относятся к сфере гражданского права и построены по принципу равенства субъектов правоотношения.

Если говорить про меры уголовно-правового регулирования, то тут стоит отметить, что возможно применение положений ст. 159 УК РФ «Мошенничество» [6]; ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» [6]; ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» [6] и ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» [6]. Вместе с тем, такие случаи весьма редкие, поскольку в основной массе споры между супругами решаются в рамках гражданского процесса, но бывают и исключения, как бывшие муж и жена не могут прийти к консенсусу и начинают всячески воспрепятствовать законному разделу имущества.

Бывают и такие случаи, когда один из супругов не желает делить при разводе общее имущество и пытается избавиться от него. В данном случае законодатель предусмотрел ответственность за порчу только чужого имущества, о чем гласит ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» [6]. Например, поссорившись с женой, Кузнецов В.В., находясь в крайней степени алкогольного опьянения, поджег собственный дом, чтобы при разводе он не достался бывшей супруге. Огонь перекинулся на хозяйственные постройки соседнего участка, в результате чего полностью сгорели гараж и баня соседа Кравцова Е.М. Неосторожными действиями Кузнецова В.В. соседу был причинен ущерб на сумму свыше одного миллиона рублей. Виновный был осужден к наказанию в виде штрафа в размере 100000 рублей, иск о возмещении сто-

имости утраченной недвижимости был удовлетворен в полном объеме [7].

Однако, в жизни бывают разные ситуации, когда жена или муж осуществляют мошеннические действия при продаже общей собственности, например:

- 1) передача супругами в залог неприватизированной квартиры и присвоение кредитных средств, в данном случае — мошенничество против сотрудников банка;
- 2) обман покупателя, основанный на отмене ранее совершенного дарения;
- 3) присвоение крупного задатка — серия мошенничеств супругов;
- 4) неожиданное появление лже-супруга после открытия наследства — способы борьбы с «вдовцом»;
- 5) оспаривание залога родителями ребенка на том основании, что на подписание договора ипотеки не было получено согласие органов опеки [8].

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // [Электронный ресурс] // Официальный сайт «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Официальный сайт «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
4. Число регистрации браков [Электронный ресурс] // Тасс. — Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7762723>
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
7. Порча, уничтожение или повреждение чужого имущества. [Электронный ресурс] // ЮрСовет. — Режим доступа: <http://juresovet.ru/porcha-unichtozhenie-ili-povrezhdenie-chuzhogo-imushhestva/>
8. О мошенничестве супругов при разделе имущества в сделках с недвижимостью. [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал о рынке недвижимости Нижнего Новгорода и Нижегородской области. — Режим доступа: <http://www.ppl.nnov.ru/content/26822>

Проблемы реализации права на охрану здоровья в РФ

Шелегова Дарья Алексеевна, студент

Научный руководитель: Грудинин Никита Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет

В статье автор определяет некоторые проблемы реализации права на охрану здоровья в РФ. По мнению автора, в ближайшее время предстоит обеспечить эффективное правовое регулирование электронной торговли лекарствами, решить проблемы дефицита медицинских кадров и повысить уровень заработной платы медицинских работников в масштабах страны.

Ключевые слова: здравоохранение, реализация права, охрана здоровья, проблемы.

Несмотря на то, что законодательная база в сфере охраны здоровья граждан в России довольно хорошо развита: права граждан в сфере охраны здоровья регулируются 20 Феде-

Конечно, государство пытается уменьшить количество распадающихся союзов с помощью ведения грамотной политики в области семейных взаимоотношений, но в России граждане часто выставляют семейные конфликты на «показ» и также супруги делят иногда довольно — таки смешное имущество, например, бытовые приборы, кухонную утварь.

Законодателю хочется посоветовать взять за основу опыт других государств, где не принято выставлять внутрисемейные конфликтные ситуации, возникающие между супруги на публику, например, опыт Кореи, где пред началом бракоразводной процедуры суд по семейным делам принимать меры, направленные именно на примирение сторон, а не на прекращение брачных отношений.

В заключение, необходимо отметить, что, возможно, через несколько лет в законодательство будут внесены изменения, касающиеся данной проблематики.

ральными законами, 37 Постановлениями Правительства, 156 ведомственными нормативными актами федеральных органов государственной власти РФ, существует ряд пробелов в зако-

нодательстве, а также ряд серьезных проблем при реализации установленных норм. На мой взгляд, важно подчеркнуть проблему явного несоответствия правового баланса между декларируемыми законом правами и реальной экономической ситуацией.

В первую очередь, очевиден пробел в точности толкования понятия «доступность» в статье 10 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [3]. В частности, говорится о доступности медицинской помощи и раскрывается данное понятие, однако, существует ряд недоработок данной статьи. Было бы целесообразным внести поправки в статью 10, основываясь на Замечании общего порядка № 14 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам [5], в котором более точно и полно расшифровывается термин «доступность». Помимо физической досягаемости и наличности медицинских учреждений в стране Комитет, во-первых, толкует «доступность» в соответствии с принципом недискриминации. Он означает равный доступ всех слоев населения (включая наиболее уязвимых групп лиц) *de jure* и *de facto*, без дискриминации по какому-либо из запрещенных оснований. Поэтому в целях недопущения дискриминации необходимо внести данный пункт в статью 10. Во-вторых, необходимо также внесение следующего толкования, как экономическая доступность, которая с точки зрения расходов означает, что помимо физической доступности для всех, медицинские учреждения, товары и услуги должны базироваться на принципе справедливости, гарантирующем нормальную стоимость услуг и товаров. В-третьих, в российском законе отсутствует доступность информации, согласно Замечанию Комитета, включает в себя право искать, получать и распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов здравоохранения. Однако данный элемент должен исключать ущемление права на конфиденциальность персональных медицинских данных.

Еще одна из наиболее важных проблем на сегодняшний день — всестороннее регулирование продажи лекарственных средств посредством сети Интернет. Почти во всех странах Европы продажа лекарств через интернет разрешена уже давно. Сейчас особенно ярко чувствуется необходимость регулирования данной сферы в условиях непростой эпидемиологической обстановки в России и мире.

Совсем недавно были внесены поправки в Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 N55, [2] в связи с чем допускается продажа лекарственных препаратов для медицинского применения за исключением лекарственных препаратов, отпускаемых по рецепту. Таким образом, необходимо внести в данный закон следующую поправку, разрешающую продажу также рецептурных лекарств. В связи с чем, нужно разработать систему отправки онлайн рецептов для получения рецептурного препарата. Далее необходимо разработать достаточную нормативную базу для предотвращения фальсификации, начиная с единой системой маркировки лекарственных средств. Для этого, помимо маркировки, необходимо создать единый сайт в сети Интернет с открытым доступом для всех граждан, где была бы возможность внесения данных с маркировки лекарственного препарата и проверки подлинности данного изделия.

В случае выявления подделки, такое средство подлежит возвращению в организацию с возвратом средств покупателю. Но вместе с этим, при выявлении поддельного средства, сайт должен автоматически отправлять уведомление в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения для дальнейшего разбирательства и уголовного преследования. Далее мы считаем важным создание понятия «Интернет-аптеки», для последующей конкретизации объема прав и обязанностей занятых новым видом торговли. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 июля 2010 г. N553н «Об утверждении видов аптечных организаций» дополнить пунктом: 4. Интернет-аптека. Также, базируясь на опыте европейских стран, необходимо создать единую систему проверки подлинности интернет-сайтов. Например, в Германии, на каждом зарегистрированном сайте Интернет-аптеки есть специальный символ, нажатие на который перенаправляет на сайт Министерства здравоохранения и подтверждает законность данного сайта.

Более того нельзя не обратить внимание на наличие таких проблем как: необоснованное невыполнение медицинских услуг, отсутствие в медицинской организации условий необходимых для оказания медицинской помощи инвалидам и лицам с ограниченными возможностями, необоснованная оплата гражданами медицинских услуг, оказываемых в рамках программы государственных гарантий, отсутствие диагностических методик, внесенных в стандарт медицинской помощи, медицинское вмешательство без получения добровольного информированного согласия гражданина [1].

Также нельзя не подчеркнуть проблему дефицита кадров, в связи с тем, что уровень заработной платы медицинских сотрудников, не учитывая Москву и Московскую область, снижается с каждым годом, при учете постоянного роста цен. В данном свете, у молодого поколения просто отсутствует желание и мотивация обучаться этой профессии. Имеющийся кадровый дефицит в ближайшем будущем может только усилиться, т.к. результаты исследований показывают, что темпы увеличения численности врачей и среднего медперсонала сравнительно невелики, а это говорит о невысокой эффективности принимаемых властями мер. Уровень оплаты труда врачей и среднего медперсонала зачастую не превышает среднюю зарплату по соответствующему региону, а престиж труда медика в последние годы сравнительно невысок. Так, в настоящее время возраст более 50% врачей старше 50 лет, что уже в ближайшее время только усилит кадровый дефицит. На сегодняшний день уровень реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного ст. 41 Конституции РФ, может быть охарактеризован как недостаточно высокий.

Причиной данных проблем в целом является недостаток финансирования сферы здравоохранения. Таким образом, приоритетным направлением для РФ в данный момент является повышение финансирования сферы здравоохранения, поскольку суммы расходов федерального бюджета на здравоохранение в РФ с каждым годом заметно снижаются, а также оснащение государственных медицинских учреждений хотя бы минимально качественным оборудованием, создание прием-

лемых условий труда и заработной платы для врачей по всем регионам РФ. Дальнейшее последовательное законодательное регулирование охраны здоровья граждан в России является

важной темой для изучения и перспективным для совершенствования направлением, поскольку на сегодняшний день существует множество проблем, которые необходимо решить.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)// опубликована в «Российской газете» от 25 декабря 1993 года. Текст Конституции с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. N6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. N7-ФКЗ, опубликован в «Российской газете» от 21 января 2009 г. N7, в «Парламентской газете» от 23 января 2009 г. N4, в Собрании законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. N4 ст. 445.— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 20.05.2020)
2. «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном...» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 N55 (ред. от 16.05.2020).— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17579/ (Дата обращения: 20.05.2020)
3. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.11.2011 N323-ФЗ (ред. от 08.06.2020)-Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/e63d3344841b2f5636a73710e906a23ebaf9ab82/ (Дата обращения: 22.05.2020)
4. Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения за 2 квартал 2019 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/files/Общественное%20обсуждение/Реформа%20контрольно-надзорной%20деятельности/Профилактика%20правонарушений/29.08.2019/обзор%20правоприм%20прак%20КНД%20за%202кв19.pdf> (Дата обращения: 02.06.2020).
5. CESCR General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health (Art. 12) [Electronic source]: Adopted at the Twenty-second Session of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, on 11 August 2000 (Contained in Document E/C.12/2000/4).— Режим доступа: <https://www.refworld.org/pdfid/4538838d0.pdf> (Дата обращения: 04.05.2020).

Раскрытие доказательств в международном коммерческом арбитраже

Шеховцова Николь Сергеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В настоящей статье исследуются особенности раскрытия доказательств в международном коммерческом арбитраже. В отличие от законодательства, регулирующего процессуальные правоотношения в национальных судах, в международном коммерческом арбитраже отсутствуют четкие и обязательные для применения нормы о процедуре доказывания, что позволяет сторонам самостоятельно выбирать правила, которыми они руководствуются во время процесса. В статье затрагиваются проблемы, возникающие в связи с этим, и обсуждаются тенденции развития института доказывания, которые существуют на сегодняшний день.

Ключевые слова: раскрытие доказательств, международный коммерческий арбитраж, правила МАЮ, Пражские правила, *discovery and disclosure of evidence, IBA Rules on taking of evidence, Prague Rules.*

Международный коммерческий арбитраж является наиболее популярным альтернативным способом разрешения споров в современном мире. Благодаря процессуальной гибкости, акценту на автономии воли сторон, стремлению наиболее эффективно разрешить конфликт с минимальными временными и финансовыми затратами он получил большое признание во всех точках земного шара — от Соединенных Штатов Америки до Гонконга. С каждым годом количество транснациональных споров растет, и Трибуналу все чаще приходится рассматривать дела, где стороны представляют разные юрисдикции, и как следствие — весьма отличающиеся друг от друга подходы к ведению процесса. В отличие от законодательства, регулирующего процессуальные правоотношения в национальных судах,

в международном коммерческом арбитраже отсутствуют четкие и обязательные для применения нормы, что позволяет сторонам самостоятельно выбрать правила, которыми они руководствуются во время процесса. Однако становится очевидным, что такой гибкий подход может стать обременительным для всех участников арбитражного разбирательства. Так как ставки спора, как правило, очень высоки, и сам арбитраж является дорогостоящим, стороны просто не могут позволить себе рисковать и участвовать в процессе, если они не знают, по каким правилам они будут играть. По данным опроса, проведенным компанией White & Case совместно с Университетом Куин Мэри в Лондоне в 2018 году, арбитраж может оказаться под риском потери своей привлекательности по причине того, что процедуры становятся

более дорогостоящими и менее оперативными [1]. Несмотря на то, что каждый институт разработал свои правила ведения разбирательства, процесс доказывания, а в особенности, процедура раскрытия доказательств, остаются «белым пятном» в большинстве правил и арбитражных регламентов. Процесс доказывания является сердцевинной любого разбирательства, и именно от него зависит исход дела, поэтому мы можем только догадываться, какие чувства охватывают юристов, которым предстоит защищать интересы клиента в арбитражном разбирательстве, где вопрос раскрытия внутренней документации компании изначально не урегулирован. Особенно ярко эта проблема ощущается тогда, когда юрист из континентальной правовой системы противостоит юристу или арбитру из Англии или США, где процедура раскрытия доказательств принципиально отличается от той, что принята в континентальном правопорядке. Поэтому неудивительно, что проблема раскрытия доказательств в международном арбитраже является объектом всевозможных дискуссий и обсуждений в рамках юридического сообщества.

В гражданском процессуальном кодексе многих европейских стран, включая Россию, мы найдем положения о том, что каждая сторона обязана представить в суд все доказательства, на которые она будет ссылаться в ходе процесса. В странах общего права под раскрытием доказательств подразумевается процесс, в ходе которого стороны вправе запросить у своего оппонента любую документацию с целью протестировать доказательства своего противника, и, может быть, найти в ней материалы для подтверждения своей позиции. На английском данная процедура называется *discovery/disclosure of evidence*, что буквально переводится как «обнаружение доказательств».

Как мы уже упоминали выше, в международном коммерческом арбитраже вопросы доказывания урегулированы в меньшей степени, что предоставляет большую свободу для сторон и арбитров решать, какой именно способ раскрытия доказательств они будут использовать для разрешения спора. Если представители сторон и арбитры практикуют в рамках одной правовой системы, то в процессе, как правило, не возникает разногласий о правилах проведения процедур доказывания. Однако часто на практике в разбирательстве принимают участие арбитры и юристы, представляющие различные правовые культуры. Это, безусловно, приводит к правовым конфликтам, поскольку каждый участник процесса интерпретирует процедуры арбитража в соответствии с наиболее знакомой ему системой. И если большая часть правил проведения международного коммерческого арбитража была унифицирована, то процедура доказывания на протяжении многих лет являлась объектом для многочисленных дискуссий между учеными и практикующими юристами из разных правовых систем.

Правила МАЮ по получению доказательств в международном арбитраже вобрали в себя нормы обеих правовых систем и представляют собой некий компромисс между весьма противоречащими друг другу процедурами раскрытия доказательств. Данные противоречия имеют не просто теоретический характер, они создают большую практическую проблему ввиду того, что в правовых системах сформировались разные подходы к пониманию целей доказывания. В рамках континентального права ученые и практикующие юристы придерживаются позиции о том, что

раскрытие доказательств требуется только для того, чтобы у стороны была возможность нести бремя доказывания. Известный швейцарский юрист Клод Реймонд так объяснял позицию континентальных судов в отношении раскрытия доказательств: «Мы считаем, что принцип *onus probandi incumbat allegandi* исключает возможность получения помощи суда в получении доказательств другой стороны. По нашему мнению, понимание раскрытия доказательств в английском, или, что еще хуже, в американском стиле является вторжением суда в частную жизнь, что допустимо только в уголовных делах, где присутствует общественный интерес» [2, с. 357]. В странах общего права главной целью раскрытия доказательств является максимальное приближение к истине возникшего спора, предоставление сторонам равных возможностей в доказывании своей позиции и предотвращение утаивания сторонами документов, существенных для исхода дела [3, с. 305]. Однако юристы из континентальной системы права сильно критикуют общеправовой подход за столь сильное вторжение в личную жизнь и деловые отношения граждан и организаций, выступающих в суде в качестве сторон. Чаще всего критикуется именно американский способ раскрытия доказательств, который также был прозван «рыболовной экспедицией» (*fishing expedition*) за то, что многие организации зачастую без особого повода подают иск в суд на своего оппонента, чтобы в последствии в ходе процедуры раскрытия доказательств «докопаться» до каких-либо улик, которые могут быть потом использованы в разбирательстве. Многие ученые и практики отмечают, что такие негативные стороны действительно имеют место быть, и что это приводит к загруженности судов и обременению добросовестных организаций, которых могут привлечь в суд без особой на то причины. Однако в защиту общеправового подхода раскрытия доказательств выступают многие известные юристы. Так, английский судья Дональдсон, например, в деле *Davies v Eli Lilly&Co* 1987 г. говорил: «Судебное разбирательство — это не война и даже не игра. Оно придумано для того, чтобы свершить истинное правосудие между тяжущимися и, если у суда нет всей необходимой информации, он не может достичь этой цели» [4].

В международном коммерческом арбитраже, если одна сторона соглашалась бы на процедуру, с которой ее правовая система не знакома, а вторая — получала бы из-за этого значительное преимущество, то такое обстоятельство могло бы поставить под риск основополагающий для разбирательства принцип равенства сторон. Более того, неимение отточенной и понятной процедуры приводило бы к неэффективному расходованию времени и ресурсов, что также является нарушением принципов доказывания в международном коммерческом арбитраже. Именно поэтому, юристы на протяжении нескольких десятилетий стремятся сформировать общепринятую практику доказывания в арбитраже, которая опирается как на процедуры англо-саксонской, так и гражданской систем права.

По мере популяризации арбитражных разбирательств во всем мире постепенно начали разрабатываться общие своды правил ведения арбитража. Однако такие документы как Нью-Йоркская конвенция, Типовой закон ЮНСИТРАЛ и различные арбитражные регламенты в целом разработаны с целью осуществления более согласованного и гармонизированного подхода ведения арбитража во всем мире и не уделяют доста-

точного внимания процедуре доказывания, оставляя решение по способам ее проведения на усмотрение сторон. Ввиду необходимости регулирования вопросов процедуры доказывания в конце XX века в рамках Международной Ассоциации юристов была собрана комиссия, которая стала искать эффективный метод решения отдельных вопросов доказательственного права [5, с. 138]. Именно благодаря работе этого комитета был разработан свод правил, который сглаживал острые различия в подходах доказывания между англо-саксонской и континентальными системами права, и в 1983 году было принято первое издание правил, регулирующих представление и получение доказательств в международном коммерческом арбитраже. Однако редакция 1983 года все же не приобрела большой популярности среди юристов того времени, это была лишь первая попытка создать инструмент для согласования различных подходов доказывания. Данные правила устанавливали автономию воли сторон, давали арбитрам очень широкие полномочия и не убрали конфликт между двумя системами права. К концу 90-х годов в сфере международного коммерческого арбитража стала формироваться практика, способствующая развитию более эффективной гибридной системы, и МАЮ вновь создала рабочую группу для разработки новой редакции правил о доказательствах, которая вышла в 1999 году [6, с. 411]. Основным отличием новой редакции от предыдущей было стремление исключить широкое раскрытие доказательств по американской модели и запретить так называемые «рыболовные экспедиции». Правила во второй редакции получили положительные отзывы юристов и стали использоваться в большом количестве разбирательств благодаря достигнутому балансу между доказательственным правом континентальной и общей систем права. Однако к 2010 году МАЮ опубликовали новые Правила о доказательствах. В третьей редакции был добавлен принцип добросовестности, а также внесены дополнительные изменения в процедуру раскрытия доказательств, что немного приблизило их к американской модели раскрытия. Также в новой редакции рассматривается вопрос электронного раскрытия доказательств, а из названия было убрано слово «коммерческий», чтобы правила могли применяться не только в коммерческом, но и в инвестиционном арбитраже. Далее мы более детально рассмотрим некоторые положения Правил МАЮ.

Во-первых, в соответствии со ст. 3.1 МАЮ стороны должны представить документы, на которые они ссылаются до начала судебного разбирательства. Надлежащая правовая процедура требует представления документов как суду, так и противоположной стороне, поскольку это позволяет сторонам отреагировать на доказательства, представленные противоположной стороной, и, возможно, представить встречное доказательство до фактического слушания. Стоит подчеркнуть, что Правила МАЮ не обязывают стороны представлять неблагоприятные для своей позиции доказательства [7, с. 30] Это положение подтверждается многочисленными примерами из судебной практики, в том числе дел, рассматривавшийся в арбитражах в англо-саксонской правовой традицией. Так, судья Коулман в деле *L. Brown & Sons Ltd v Crosby Homes* отметил, что, если стороны договорились об использовании определенного стандарта раскрытия, например, Правил МАЮ, то предоставление

доказательств будет являться добровольным, если только суд не потребует раскрытия определенных документов [8].

Таким образом, раскрытие доказательств согласно Правилам МАЮ является обязательным только при наличии запроса на их предоставление. В то же самое время, на практике в деле *Parker* было сформулировано положение о том, что «сторона обязана предоставить суду любые доказательства, находящиеся в ее владении, для того чтобы установить истину, какой бы она ни была» [9, с. 39]. Так, в соответствии со ст. 3.2 Правил, если сторона хочет потребовать представления доказательств, она должна обратиться с таким запросом к арбитрам в установленный ими срок. Сторона, у которой потребовали предоставление может или исполнить данный запрос, или оспорить его. В случае, если сторона отказывается предоставить доказательства без уважительных причин, Суд вправе принудительно потребовать раскрытие. Стоит отметить, что такой запрос можно сделать только после представления первичных доказательств обеими сторонами, так как Трибуналу необходимо время, чтобы изучить позиции сторон и принять решения об относимости доказательств [10].

Создатели Правил МАЮ многократно подчеркивали, что они не преследовали цель приблизить процедуру раскрытия доказательств в МКА к американской модели. И все же, многие юристы опасались, что допущение раскрытия категорий документов может привести к тому, что в арбитраже раскрытие станет трактоваться так же широко, как и в судах в США. Тем не менее, судебная практика пошла по другому пути, и процедура раскрытия доказательств в арбитраже представляется более консервативной в сравнении с американским *discovery*. Как пишет О'Малли, в МКА раскрытие доказательств предназначено для «заполнения пробелов», в то время как в США раскрытие доказательств служит для сбора и формирования своей основной позиции. Та же позиция подтверждается делом *BNP Paribas v Deloitte & Touche*, в котором судья пришел к выводу о том, что существует большое различие между требованием предоставить документы в качестве доказательства какого-либо факта и истребованием доказательств с целью «выловить» в документации оппонента факты, которые будут подтверждать чужую позицию [11]. Таким образом, Правила МАЮ действительно были разработаны таким образом, чтобы найти компромисс между существующими различиями в двух правовых системах.

В случае если стороны в своем споре придерживаются Правил МАЮ, то, как правило, процесс раскрытия доказательств выглядит следующим образом:

- 1) Стороны направляют запросы на предоставление доказательств;
- 2) Оппоненты удовлетворяют запросы либо направляют возражения;
- 3) Запрашивающие стороны предоставляют отзывы о возражениях;
- 4) Стороны предоставляют Трибуналу заявления с обоснованием своих позиций.

В ходе практики был разработан инструмент, который позволяет упростить процедуру запроса и предоставления доказательств сторонами. Этим инструментом является таблица, которая содержит в себе позиции обеих сторон, и выглядит она следующим образом:

Таблица Редферна

№	Запрашивающая сторона	Запрашиваемые документы или категории документов	Релевантность и существенность документов по мнению Запрашивающей стороны		Возражения на запрос	Отзыв на возражения	Решение состава арбитража
			Ссылка на пункт соответствующего довода в процессуальном документе	Комментарии			

Положение ст. 3.5. Правил МАЮ дает сторонам возможность оспорить запрос на раскрытие доказательств. Чтобы выразить возражения, стороне, у которой запрашивают доказательства, необходимо в письменной форме изложить свою позицию в пределах установленного арбитрами срока. Основаниями отказа раскрыть доказательства могут быть либо несоблюдение требований, предусмотренных ст. 3.3., либо основания, изложенные в ст. 9.2, а именно: защиты документации привилегией, чрезмерная обременительность предоставления, утрата документа, коммерческая или техническая конфиденциальность документа, документ защищен государственной тайной, либо документ не подлежит раскрытию в целях процессуальной экономики, пропорциональности и соблюдения принципа равенства сторон [12].

В последнее время широкую огласку получили Пражские правила эффективной организации процесса, которые были изданы в 2018 году. Данные правила были разработаны как альтернатива Правилам МАЮ, направленная на арбитраж в странах континентальной системы права. В них Трибунал наделен большими полномочиями устанавливать правила процедуры, а также осуществляется попытка отказаться от пре-

доставления доказательств по американской модели. К тому же, Пражские правила придерживаются принципа *iura novit curia*, который поощряет арбитров использовать источники права, которые не были заявлены сторонами, если они посчитают это необходимым (однако им все же потребуется одобрения сторон). Несмотря на многочисленную критику Пражских правил западными юристами, они, все же, имеют право на существование, и только время может показать, насколько они будут пользоваться популярностью в будущем. Возможно, Пражские правила станут хорошей заменой для юристов из континентальной правовой системы, которые не желают использовать в процессе процедуру широкого раскрытия доказательств, и применение Пражских правил может послужить гарантом того, что процедура будет происходить по процессуальным правилам стран континентальной системы права. К тому же, активное участие арбитров в процессе может помочь избежать многих проблем, связанных с отказом в исполнении решения, пропуском установленных в арбитраже процессуальных сроков сторонами, а также арбитры и стороны получают возможность сократить время разбирательства и его расходы [13, с. 16].

Литература:

1. White & Case LLP and Queen Mary University of London 2018 International Arbitration Survey: The Evolution of International Arbitration (9 May 2018), <https://www.whitecase.com/sites/whitecase/files/files/download/publications/qmul-international-arbitration-survey-2018-18.pdf>. (дата обращения: 09.05.2020)
2. Claude Reymond, 'Civil Law and Common Law Procedures: Which is the More Inquisitorial? A Civil Lawyer's Response' (1989) // Arbitration International.
3. Rubinstein, Javier H. (2004) «International Commercial Arbitration: Reflections at the Crossroads of the Common Law and Civil Law Traditions», Chicago Journal of International Law: Vol. 5: No. 1, Article 20.
4. Дело (Davies v Ely Lilly & Co [1987] 1 W. L. R. 428). Источник: <https://epam.ru/rus/media/view/kommentarii-na-statyu-o-pravilah-raskrytiya-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse-evgenii> (дата обращения: 18.06.2020).
5. Born G.B. International Commercial Arbitration.— The Hague, 2009.
6. Raeschke-Kessler, Hilmar: The Production of Documents in International Arbitration — A Commentary on Article 3 of the New IBA Rules of Evidence. In Arbitration International, Volume 18 Issue 4, 2002.
7. O'Malley N. Rules of Evidence in International Arbitration. An Annotated Guide.— London: Informa, 2012.
8. L. Brown & Sons Ltd v Crosby Homes (North West) Ltd [2008] EWHC817
9. William A. Parker (United States of America) v United Mexican States, (31 March 1926) 4 RIAA.

10. Настоящее правило подтверждается позицией суда в деле Noble Ventures Inc v Romania, ICSID Case No. ARB/01/11, Final Award, p. 32 (12 October 2005), где арбитры отклонили запрос истца о предоставлении определенной документации ответчиком, потому что ответчик еще не предоставил свою позицию.
11. BNP Paribas v Deloitte & Touche [2003] EWHC2874 (Comm), para. 6. Court of Appeal Commercial Court, Case No. 2003/946.
12. Правила Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже [Электронный ресурс]: приняты решением Совета Международной ассоциации юристов 29 мая 2010 г. (ст. 9.2).
13. Doudko A., Golovtchouk O. Introducing the Young Contender — The Prague Rules // Arbitration.ru, December 2018, № 4. P. 16.

Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина несостоятельным (банкротом)

Шпилова Алина Валерьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (далее Закон о банкротстве) предусмотрен поэтапный порядок ведения процедуры банкротства гражданина. Инициировать процедуру банкротства может один из субъектов:

- конкурсный кредитор;
- должник;
- уполномоченный орган.

Первоначальным этапом процедуры банкротства является не подача заявления о признании лица несостоятельным (банкротом), а возникновение права на подачу такого заявления.

У конкурсного кредитора и уполномоченного органа данное право возникает при следующих составляющих:

- требования к гражданину составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей;
- требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены;
- наличие решения суда, вступившего в законную силу, подтверждающее требования кредиторов по денежным обязательствам.

Согласно ст. 213.5 Закона о банкротстве положения последнего пункта не применяются к следующим требованиям:

- требования об уплате обязательных платежей;
- требования, основанные на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте или недатировании акцепта;
- требования, подтвержденные исполнительной надписью нотариуса;
- требования, основанные на документах, представленных кредитором и устанавливающих денежные обязательства, которые гражданином признаются, но не исполняются;
- требования, основанные на нотариально удостоверенных сделках;
- требования, основанные на кредитных договорах с кредитными организациями;
- требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанные с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц.

Момент вступления решения в законную силу предопределяет возникновения права на подачу заявления о признании лица банкротом.

Законодатель связывает право кредитора на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) не с датой возникновения признаков, установленных ст. 33 Закона о банкротстве, а с датой вступления в законную силу решения суда, арбитражного суда или судебного акта о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда о взыскании с должника денежных средств

Данный вывод подтверждается судебной практикой, так определением Арбитражного суда Саратовской области от 02.06.2020 г. по делу № А57–425/2020 к производству ошибочно было принято заявления кредитора о признании лица банкротом, которое в последующем оставлено без рассмотрения. Судом указано, что ошибочное принятие заявления к производству не свидетельствует о снятии с заявителя императивно установленной обязанности по соблюдению досудебного порядка урегулирования спора.

Стоит также отметить тот факт, что возникновение права только по одному критерию не позволит обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании лица банкротом, в случае если кредитором или уполномоченным органом такое решение будет принято, заявление будет возвращено обратно.

Кроме того, стоит отметить тот факт, что положение о сумме задолженности в размере пятисот тысяч рублей носит императивный характер только в отношении конкурсных кредиторов и уполномоченного органа. Данное положение может не применять к заявлениям, подаваемым самим гражданином-должником.

Так постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. N45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» предусмотрено, что при реализации должником права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом на основании пункта 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве учитывается наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что должник не

в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, и признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества у должника (пункт 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве). Размер неисполненных обязательств в этом случае значения не имеет.

Однако, стоит учесть тот факт, что данное положение может применять только при доказанности гражданином своей неплатежеспособности или недостаточности имущества для погашения долга. Однако, данные критерии порой тяжело доказать и на практике это приводит не только к затягиванию процесса, но и к отказу в признании лица несостоятельным (банкротом).

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 02.06.2020 г. по делу № А57–425/2020
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. N45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»
4. Герусова с. Ю.— Реализация права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом. // Юридические исследования. — 2018. — № 2. — С. 8–16.

Особенности расследования серийных убийств

Шлыков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья рассматривает проблемы методики расследования серийных убийств. Автором изучается проблема низкой раскрываемости такого рода убийств, проблемы методики и сложности их расследования.

Ключевые слова: *серийные убийства, серии, маньяк-убийца, следственные органы, правоохранительные органы, комплексный подход, модель поведения преступника, розыскные мероприятия.*

«Серийные убийства» — данное понятие появилось в иностранной науке в 70-х годах 20 века. В России же такое понятие появляется только в 90-х годах. Нередко данное понятие можно встретить в официальной документации правоохранительных органов, однако важно отметить, что в уголовном законе понятие «серийное убийство» отсутствует. В науке единой позиции по данному вопросу также не выработано.

Кутов А. С. в своей работе «Методика раскрытия серийных убийств» отмечает, что в РФ не ведётся статистика серийных убийств, но, по его мнению, их количество растёт, а раскрываемость составляет всего 30% [5, с.456]

В отличие от иных видов убийств, серийные убийства имеют явное отличие — отсутствие какой-либо связи между убитым и преступником. Серийный убийца при совершении преступлений руководствуется лишь своими «большими желаниями». В связи с этим, обычные в следственной практике методики расследования преступлений являются непродуктивными.

Серийные убийцы (маньяки) зачастую прекрасно умеют входить в доверие к жертве, а также избавляться от следов преступления. Многие из них достаточно образованы и хитры. Это подтверждается и на практике, так Чикатило А.Р., уча-

На основании изложенного, можно сделать вывод, что первоначальным моментом процедуры банкротства является возникновения права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании лица банкротом, однако диспозитивный характер в отношении заявлений самих должников приводит к необоснованному нарастанию кредиторской задолженности. По моему мнению, такие нормы являются недопустимыми, поскольку ставят участников процесса в неравное положение. Полагаю целесообразным закрепление на законодательном уровне однородных условий для подачи заявления о признании лица банкротом как для конкурсных кредиторов и уполномоченного органа, так и для самого гражданина-должника.

ствовал в поимке самого себя в качестве народного дружинника, а Сливко А.Е, советский серийный убийца и педофил, будучи заслуженным учителем СССР, умел найти подход к своим жертвам — малолетним мальчикам.

Кроме данного фактора, у серийных убийств есть ещё ряд немаловажных усложняющих деятельность следователя проблем:

- отсутствие информации о месте совершения преступления

- невозможность найти жертву (часто они годами считаются пропавшими без вести)

Все указанные проблемы приводят к тому, что маньяки действуют очень долгое время. Так, советский и украинский серийный убийца, насильник и педофил «Павлоградский маньяк» Ткач С. Ф. совершал серийные убийства в период с 1980 по 2005.

Одной из главных проблем, которая влияет на низкую раскрываемость таких убийств, Протопопова А.Л. называет ошибки следователей и оперативных работников, заключающиеся в неверной оценке фактов [7, 24].

Также ещё одной проблемой является выявление самой серии, так как требуется сопоставление огромного количества фактов, которые находятся в различных уголовных делах.

Такой процесс достаточно длительный и трудоёмкий, включающий накопление и анализ фактов, выявление общих признаков, отбор уголовных дел. В последствии такие уголовные дела соединяются в одно производство.

В дальнейшем при возникновении подозрений о том, что действует серийный убийца необходимо соединить в одной группе множество специалистов, которые будут отрабатывать многочисленные версии, связанные с выявлением мотивов и схожих черт в совершении преступления [3, 120].

Таким образом, учитывая факт того, что серийные убийства являются сложнораскрываемыми, а также отличаются большим количеством жертв, проблема раскрытия серийных убийств является очень актуальной.

Антонян Ю. М. дает следующее определение серийным преступлениям: «Серийные убийства представляют собой определенную разновидность умышленного причинения смерти другому человеку, а точнее — совокупность этих преступлений, последовательно и с определенным разрывом во времени совершенных одним и тем же лицом при совпадении мотива, цели, способа их совершения» [1, 121].

В 1991 году Ю. М. Самойлов определил понятие серийного убийства как преступление, имеющее логическую связь: общий мотив, схожий объект посягательства, схожие способы совершения преступления и место совершения преступления [2, 11].

Следовательно, серийными убийствами могут рассматриваться несколько убийств, которые совершены с определённым временным интервалом, а также имеют следующие признаки:

1. Идентичные мотивы совершения преступления;
2. Схожесть сведений о жертвах;
3. Схожесть мест совершения убийства;
4. Идентичность механизма совершения убийства;
5. Совпадение иных криминалистических обстоятельств.

Совокупность таких данных, является достаточным основанием для утверждения о том, что действует серийный убийца.

Такая специфика серийных убийств приводит к спецификации и методики их расследования, в связи с тем, что требуется более тщательная проработка теоретических и практических вопросов.

При таких обстоятельствах выявляется острая необходимость разработать целостную, чёткую и полностью удовлетворяющую потребности правоохранительных органов криминалистическую методику выявления, расследования и раскрытия серийных убийств. При этом данная методика должна учитывать требования УПК РФ, основные положения науки уголовно-процессуального права и криминалистики, и, конечно же, материалы следственной практики.

Большинство серийных убийств, как, например, следующие преступления:

- Андрей Чикатило — в период с 1978 по 1990 год убил 53 человека;
- Александр Артемов — в 90-е годы 20 века убил трех девочек в возрасте 9–13 лет с длинными светлыми волосами в г. Санкт-Петербурге;
- Валерий Асратян — в 1988–1990 гг. совершил на территории Москвы и Белгородской области 3 убийства и более 10 изнасилований женщин разного возраста [8].

- Роман Бурцев — в г. Каменске в период с 1993 по 1996 гг. совершил убийство 6 малолетних детей;

- Сергей Головкин на территории Московской области в 1984–1992 гг. совершил убийство 11 мальчиков в возрасте до 17 лет [4, с. 458];

- Александр Пичушкин в 1991–2006 гг. в Москве совершил 48 убийств и три покушения на убийство

Характеризуются особой жестокостью, безжалостностью и действиями, посягающими на половую неприкосновенность жертв.

По нашему мнению, при расследовании уже выявленных серийных убийств следователем необходимо осуществить следующие действия:

1. Как можно быстрее довести до территориальных отделов полиции сведения о совершённых убийствах;
2. Выявить и провести анализ ранее совершённых насильственных преступлений, так как обстоятельства данных преступлений могут совпадать с совершенным преступлением;
3. Установить свидетелей преступлений;
4. Определить были ли при совершении убийств у жертв похищены какое-либо имущество.

Данные действия являются наиболее основными, поэтому их можно назвать первичными задачами, а для их выполнения необходимо, зачастую, требует тесного взаимодействия не только разных правоохранительных органов одного города, но и целых субъектов, с чем на практике также возникают серьезные проблемы.

Одной из важнейших проблем серийных убийств является то, что на протяжении почти всего этапа расследования, весьма часто, преступник попросту не известен. Следовательно, правоохранительным органам следует сосредоточиться на отыскании фактов, изобличающих личность преступника. Для этого на практике разработаны ряд методик, при этом наиболее часто используются следующие:

1. Прежде всего, требуется составить собирательную модель поведения убийцы. Такое обобщение может использоваться при выявлении преступника с помощью регистрационных систем. Например, выявляются:

- лица, совершавшие преступление с идентичными способами и мотивами;
- нераскрытые преступления с идентичными способом и мотивами;
- идентичные следы рук, подошвы обуви, протекторы шин автотранспортных средств.

2. Составление психологического профиля неизвестного серийного убийцы, который может использоваться в оперативно-розыскных мероприятиях. Данный профиль разрабатывается психологами и психиатрами, при этом они анализируют особенности поведения данного лица.

Следующим этапом работы является работа с лицами подозреваемыми или обвиняемыми в совершении серийных убийств. Деятельность на данном этапе основывается на тех доказательствах, которые были собраны до задержания лица.

Также не стоит забывать и о психологических характеристиках лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении серийных убийств. Эти характеристики определяют ин-

дивидуальную тактику действий в отношении каждого из таких лиц. Так, например, определяется список вопросов при допросе, очередность постановки таких вопросов.

Важнейшим значением при доказывании обладает выявление и исследование различных материальных носителей информации. К таковым относятся следы рук, обуви, биологические материалы, изъятое у подозреваемых или связанных с ними лиц, похищенное при совершении убийства имущество потерпевшего.

Также учитывая личностную и поведенческую специфику преступников, расследование преступления осложняется отсутствием желания у уже задержанного преступника общаться с сотрудниками правоохранительных органов. Попадание в такую ситуацию может привести к затруднению выбора линии поведения у сотрудника [6, 10].

За последнее время, не смотря на невысокую раскрываемость, правоохранительными органами РФ все-таки накоплен положительный опыт в расследовании серийных убийств. Однако, для еще большего улучшения в сфере расследования серийных убийств стоит обратиться к опыту зарубежных стран.

В правоохранительных органах многих стран Европы существуют научно-практические отделы, деятельность которых направлена на оказание содействия в расследовании особо тяжких насильственных преступлений, к их числу также относятся и серийные убийства.

В РФ такого отдела долго не существовало. Однако, в 2009 году было создано Управление организации экспертно-криминалистической деятельности при Главном управлении криминалистике Следственного комитета при прокуратуре РФ. Одна из задач данного Управления — внедрение в следственную практику новых методик расследований преступлений, в том числе и серийных убийств [6, 12].

По нашему мнению, этого недостаточно. Для расследования такого рода убийств требуется огромное количество специалистов, обладающих большим спектром знаний в различных областях наук. В связи с этим, считаем необходимым создать специальное Управление по расследованию серийных убийств при Следственном комитете РФ, которое бы специализировалось на данных преступлениях. В состав такого Управления, кроме работников правоохранительных органов, необходимо включить психологов, психиатров и экспертов в различных областях. Также в каждом регионе РФ необходимо создание отдела такого Управления.

Создание такого органа поможет централизовать деятельность по расследованию серийных убийств.

Подводя итог всему вышесказанному, считаем важным еще раз отметить, что проблема расследования серийных убийств является достаточно актуальной. Она требует комплексного подхода и участия специалистов различных отраслей для выработки и реализации соответствующей стратегии и тактики при всесторонней государственной поддержке

Литература:

1. Антонян Ю. М. Криминология. М.: Юрайт, 2013. С. 121. 522 с.
2. Дворкин А. И. Расследование похищения человека. М.: Норма, 2008. С. 11. 112 с.
3. Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств. М.: Юридические программы. С. 120. 304 с.
4. Кольцов М. И. Серийные убийства в истории советского и российского правоприменения // Вестник Тамбовского университета. № 1, 2013. С. 325–330.
5. Кутов А. С. Методика раскрытия серийных убийств // Актуальные вопросы развития современного общества, 2014. С. 458.
6. Логунова О. А. Применение знаний о личности и поведении серийных сексуальных убийц в правоохранительной деятельности (обзор зарубежного и отечественного опыта) // Электронный журнал «Психологическая наука и образование. № 1, 2011. С. 1–15.
7. Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. Спб.: Издательский ДОМ СПбГУ, 2006. с. 24.
8. Ракитин А. С. Социализм не порождает преступности (серийная преступность в СССР: попытка историко-криминалистического анализа) // Загадочные преступления прошлого.
9. Усанов И. В. Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве/ И. В. Усанов. М.: Юрлитинформ, 2005. 218 с.

К вопросу о расследовании бытовых убийств

Шлыков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Убийство является наиболее распространённым среди особо тяжких преступлений. Как следует из отчёта МВД о состоянии преступности за январь–ноябрь 2019 года, в указанный период было зарегистрировано 7414 убийств и покушений на убийство, что составляет 0,7% от общего числа пре-

ступлений, совершённых за это время [1]. При этом, несмотря на реализацию со стороны МВД государственных программ, направленных на снижение числа тяжких и особо тяжких преступлений, их количество продолжает оставаться на довольно высоком уровне. А учитывая, что подавляющее большинство

убийств совершаются на бытовой почве в силу внезапно возникшего умысла, особое значение имеет расследование именно данной группы преступлений, поскольку бытовые убийства, будучи наиболее распространёнными, являются при этом ещё и наиболее простыми в расследовании. Однако данный факт несколько не умаляет практического интереса в исследовании данной проблемы, поскольку на сегодняшний день в российском обществе сохраняется тенденция роста асоциальных элементов ввиду снижения уровня жизни граждан, что ведёт к увеличению числа бытовых конфликтов. Именно поэтому расследование бытовых убийств не должно рассматриваться в качестве второстепенной задачи в деятельности правоохранительных органов, а его организации должно уделяться не меньшее внимание, чем расследованию других видов убийств. А для принятия следователем наиболее оптимальных и действенных средств ему необходимо обладать достаточными знаниями криминологической и криминалистической характеристики бытовых убийств в современных условиях, а также иметь в виду реальное состояние практики их расследований.

При расследовании данного вида убийств традиционно выделяют две типичные следственные ситуации.

В первом случае преступление совершается ввиду внезапного конфликта между преступником и потерпевшим, который ложится в основу умысла на убийство. Как правило, такой ситуации предшествует совместное распитие спиртных напитков жертвой и убийцей. При этом зачастую они являются либо малознакомыми, либо вообще не знакомыми людьми.

Во втором случае конфликт назревает в течение длительного промежутка времени в результате постоянного взаимодействия между людьми, испытывающими неприязнь друг к другу. Как правило, эти люди хорошо знакомы и являются либо родственниками, либо сожителями, а само убийство происходит непосредственно в месте их совместного проживания. При этом о назревающем конфликте, как правило, известно некоторым третьим лицам.

Особенностью таких преступлений является отсутствие планирования: убийство обычно происходит на фоне внезапно возникшего умысла. Преступник, как правило, не задумывается о том, как он будет совершать убийство, и что он будет делать после этого. Все действия совершаются стихийно. При этом, как отмечают в науке и на практике, в подавляющем большинстве случаев преступный умысел возникает у лица в результате конфликта под влиянием алкоголя в процессе употребления спиртного. В связи с последним обстоятельством бытовые убийства чаще всего совершаются в жилых помещениях преступника или потерпевшего, в тёмное время суток [3, с. 36]. Однако отсутствие планирования убийства вовсе не означает, что лицо его совершившее не будет пытаться скрыть следы преступления после причинения смерти жертве. Но в этом случае решение о проведении действий по их сокрытию (инсценировка самоубийства, расчленение трупа и избавление от него, подкуп свидетелей) принимается уже после произошедшего [2, с. 101]. Однако из практики следует, что в этом случае действия преступника не сильно выходят за рамки места преступления. Так, для сокрытия трупа может быть использован погреб, сарай и иные придомовые постройки. Орудие совершения престу-

пления при бытовых убийствах может отсутствовать совсем, но обычно в качестве него выступают предметы домашнего обихода: кухонный нож, топор, молоток и т.д.

Другой особенностью преступлений подобного рода выступает личность преступника. Как правило, им является лицо, ранее не привлекавшееся к уголовной ответственности и не имевшее проблем с законом, ввиду чего его действия не отличаются профессионализмом, такие люди охотнее идут на сотрудничество со следствием. Кроме того, с такими лицами следователю во время допроса значительно легче установить психологический контакт, что является ключевым моментом для всего расследования. При этом допрашиваемый, независимо от того, является он убийцей или же очевидцем, обычно испытывает сильное волнение, ввиду чего может путаться в показаниях и добросовестно заблуждаться. Поэтому наиболее эффективной тактикой допроса является предоставление ему возможности самостоятельно рассказать всё известное о случившемся, после чего следователю необходимо создать условия для оживления воспоминаний, в том числе путем возбуждения ассоциаций по времени и месту. В результате, на основании новых данных он сможет отсеять лишнюю информацию и получить дополнительные сведения о событиях в интересующий его период времени. При этом конечной целью организации допроса является бесконфликтное установление психологического контакта и создание условий, позволяющих лицу максимально полно и подробно осветить последовательность действий и событий, имеющих значение для расследования [2, с. 102].

При планировании допроса нельзя забывать и о его процессуальных аспектах. Так, следователю необходимо заранее позаботиться о присутствии на допросе защитника, о возможности проведения аудио- и видеозаписи, а также подготовить улики материального характера. Причём к последним могут относиться не только вещественные доказательства, указывающие на совершение убийства конкретным лицом, но и другие предметы с места преступления, которые могут быть использованы для построения ассоциативных связей у допрашиваемого лица, что позволит ему вспомнить подробности случившегося.

При этом необходимо помнить, что наибольшую ценность имеют сведения, полученные в ходе первого допроса, особенно, когда допрашиваемым лицом является обвиняемый. Это связано не только с процессом забывания информации со временем, но и также с появлением у него значительного времени для построения защиты, в качестве которой может выступать и отказ как от дачи новых показаний, так и от ранее данных. В этом случае признание доказательств, полученных в ходе первого допроса, недопустимыми, может значительно замедлить следствие.

После того, как в ходе первоначального этапа расследования собрано максимальное количество информации о преступлении, необходимо провести тщательный анализ и установить причинные связи всего, что удалось обнаружить. На основании полученных данных следователь выдвигает возможные версии случившегося, как частные, относящиеся к причинам появления отдельных следов или вещественных доказательств, так и общие, свидетельствующих о характере события преступления и лицах, его совершивших.

При этом необходимо помнить, что в процессе анализа и оценки собираемой информации могут быть допущены ошибки, влекущие за собой неправильные выводы, поэтому на всех этапах построения мысленной модели события преступления следует соотносить её с реально существующими следами и вещественными доказательствами.

В систему элементов криминалистической характеристики входит обстановка совершения преступления. Это поле деятельности преступника, которое тот избирает заранее или оказывается в нем случайно. В каждом случае обстановка играет разную роль — позитивную или негативную, в зависимости от

того, насколько она помогает осуществлению преступных намерений или препятствует их осуществлению. Однако делать какие-либо выводы, основываясь исключительно на сведениях об обстановке, категорически нельзя, поскольку существует вероятность инсценировки иного преступления или самоубийства. Поэтому эти сведения могут лечь в основу одной из версий, но никак не в основу всего расследования.

Только с учётом всех этих сведений в уголовном деле будет содержаться объективная информация о личности преступника, с учетом которой суд сможет реализовать принцип индивидуализации наказания.

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19333347/> (дата обращения: 24.01.2020)
2. Мешков В. М. Расследование убийств в некоторых типичных ситуациях // Союз криминалистов и криминологов. — 2019. — № 2. — С. 100–111.
3. Шошин С. В. Расследование убийств. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 346 с.

Проблема правового регулирования электронных платежных систем

Ярлычева Юлия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Карпычев Владимир Юрьевич, доктор технических наук, профессор
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются проблемы развития электронных платежных систем в Российской Федерации, а также предложены пути их совершенствования.

Ключевые слова: денежные средства, электронные деньги, платежи, электронный кошелек, банк.

Problem of legal regulation of electronic payment systems

Jarlycheva Julija Evgen'evna, student

Scientific adviser: Karpychev Vladimir Jur'evich, doctor of technical sciences, professor
Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice (Nizhny Novgorod)

The article deals with the problems of development of electronic payment systems in the Russian Federation, as well as the ways of their improvement.

Keywords: cash, electronic money, payments, electronic wallet, bank.

Процесс эволюции денежных средств неминуем, и, как свидетельствует история, деньги развивались от ракушек и жемчужин до сертификатов и фиатных денег и не останавливаются в своем дальнейшем развитии. И каждое изменение в отношении вопроса о том, что будет являться средством обращения, вызывало и вызывает бурную реакцию в обществе. При этом часто такая реакция больше отрицательная, чем положительная. Достаточно вспомнить еще не остывшие дискуссии в правовой науке о правовой природе безналичных денежных средств. И уже сейчас сходные дискуссии ведутся в отношении электронных денежных средств.

В настоящее время в интернет-пространстве действует множество открытых и закрытых систем и подсистем, не имеющих

специальных разрешений на осуществление банковской деятельности, но обеспечивающих оборот электронных денежных средств. Вопросы законности или незаконности такой деятельности рассматриваются не только с позиций экономической составляющей рынка, но и с позиций стабильности и безопасности мира в целом, отдельного государства, в том числе противодействия легализации денежных средств, добытых преступным путем, и финансированию терроризма. В условиях глобализации экономики и безграничности сетевого потенциала проблема правового регулирования электронных платежных систем имеет международный статус.

Популярные платежные системы России играют важную роль в развитии финансовой структуры и экономики страны.

Они не являются конкурентами, работают сообща, для поднятия системы электронного оборота финансов на новый уровень. Электронные платежные системы уверенно занимают лидирующие позиции и создают серьезную конкуренцию бухгалтерским расчетам.

В настоящее время стала нормой дистанционная оплата предоставляемых услуг, либо купля-продажа товаров посредством сети «Интернет». На практике под дефиницией «электронные платежные системы» понимают механизмы, при работе с которыми платежи, получение наличности, происходит дистанционно, посредством конкретных технических устройств и каналов связи. Суть электронной платежной системы состоит в том, что оплата работ, услуг и товаров осуществляется посредством специальных онлайн сервисов при помощи банковских либо других карт. Благодаря таким системам можно переводить деньги на счет молниеносно, не используя наличные денежные средства.

Можно выделить следующие виды электронных платежных систем: системы банков, которые сегодня осуществляют дистанционное управление счетами при помощи интернет — мобильного банкинга; системы, которые дают возможность быстро выполнить оплату без наличия счета; электронные сетевые системы расчетов и платежей с централизованной структурой.

К основным преимуществам электронных платежных систем (далее — ЭПС) относятся следующие: возможность без купюр производить оплату, можно совершать денежные манипуляции, не выходя из дома и т.д.; удобство оплаты услуг и онлайн покупок; быстрая оплата какой-либо услуги, товара [2].

Мы можем выделить следующие проблемы правового регулирования ЭПС.

Первая проблема связана с тем, что в настоящее время нет общих подходов к определению базовых дефиниций, а также правовой природы применяемых средств. Чтобы определить сущность и содержание таких понятий, необходимо проводить разграничение их со смежными терминами, а также исходить из прав и обязанностей сторон, которые возникают в данных правоотношениях.

Например, виртуальные денежные единицы, используемые в ЭПС, называют и электронными деньгами, и электронными купюрами, и цифровой наличностью, и цифровыми ценными бумагами, и электронными чеками, и билетами, и ордерами, и сертификатами, и предоплаченными картами в электронном виде, а также целым рядом других понятий.

Таким образом, происходит смешивание данных понятий: деньги, ценные бумаги, документы, платежные карты. Что в свою очередь делает затруднительным квалификацию правовых отношений, а дополнительно и выбор правовых норм, которые применимы для ЭПС, ведь это совершенно разные объекты.

На сегодняшний день, практически каждая ЭПС использует свой вариант правовой квалификации отношений, возникающих из ее деятельности. При этом в этих конструкциях зачастую преобладают технические, а не правовые аспекты.

Причем некоторые подходы являются с юридической точки зрения неприемлемыми.

Например, нельзя применительно к случаям установки потребителю компьютерной программы говорить о ее купле-про-

даже и о переходе на нее права собственности к потребителю. Компьютерная программа является объектом авторского права (а не вещного) и, соответственно, предоставляется в пользование на основании лицензионного соглашения.

Также недопустимо применительно к виртуальным денежным единицам употреблять термин «право собственности», поскольку они не существуют в физически осязаемой форме и, соответственно, к ним применяются положения обязательственного права, а не вещного.

Кроме того, используемые понятия, обозначающие содержание деятельности ЭПС, в частности, по осуществлению платежей, порождают вопросы о том, является ли данная деятельность банковской, а осуществляемые в ее рамках операции — расчетными и, соответственно, должна ли соблюдаться вся система требований к этим видам деятельности.

Отсутствие единых подходов в решении ключевых вопросов функционирования ЭПС является сдерживающим фактором для их развития, поскольку, например, защита прав потребителей на сегодняшний день зависит целиком от самой ЭПС. Перенесение любого спора по этому поводу на рассмотрение судебных органов неизбежно выльется в длительную судебную тяжбу. Это естественным образом сдерживает потребителей в использовании ЭПС, особенно если речь идет о необходимости проведения платежей на крупные суммы.

Помимо этого, отсутствие четких правовых механизмов контроля делает эту сферу практически неподконтрольной государству. Например, основные контрольные полномочия налоговых органов привязаны к денежным средствам и банковским счетам. К деятельности ЭПС они в большинстве случаев неприменимы.

Следовательно, на данный момент тормозящими факторами развития электронных платежных систем считаются:

1. Полное отсутствие общего подхода решения первоочередных вопросов их работы. Например, полное отсутствие организованной системы правового регулирования этой сферы делает ее на практике неподконтрольной государству.

2. Неинформированность граждан о потенциалах использования электронных платежных систем. Операторам по переводу виртуальных денежных единиц желательно оповещать клиентов о вероятной приостановке получения услуг, о неуспешных попытках получения доступа к ним, о наличии возможности управления лимитами на совершение платежей и переводов через Интернет. Такие советы ориентированы прежде всего на рост уровня доверия населения к безналичным формам денег и побуждению к их активному применению. Средством вызова интереса к безналичным денежным операциям в обществе — это возможность страхования рисков плательщика.

3. Небольшой уровень защищенности некоторых электронных платежных систем. Стоит отметить, что представители платежных систем с цифровой наличностью обращают внимание на надёжность имеющихся интернет-кошельков и платежей. В свое время собственно такой аспект (в свете мошенничества с карточными платежами в интернете) стал основным для возникновения такого вида систем [1]. Отдельные платежные системы цифровой наличности даже запустили когда-то сервис по пополнению интернет-кошельков с карт, объ-

ективно предполагая, что это даст возможность весьма приумножить известность подобных систем. Известность реально увеличилась, однако, преимущественно, у мошенников. И все благодаря именно этой анонимности.

Таким образом, наличие платежной системы позволило обеспечить жителей России современным платежным инстру-

ментом, работа которого не зависит от внешних экономических и политических факторов. Платежные системы обладают широким функционалом, который предусматривает внесение и получение наличных, оплату покупок через терминалы и в сети Интернет, перевод средств со счета на счет/карту, а также прочие функции, такие как запрос баланса, смена PIN-кода и т.д.

Литература:

1. Рапакhно Р. Защита информации в электронных платежных системах // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 1–2 (45). С. 130–133.
2. Котельникова Е. А. Достоинства и недостатки основных электронных платежных систем // В сборнике: Неделя науки СПбПУ Материалы научной конференции с международным участием. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. 2018. С. 379–382.

ИСТОРИЯ

Внутренняя и внешняя ассимиляция как демографический показатель развития народов Сибири в XVII–XIX вв.

Быстраков Дмитрий Александрович, аспирант

Научный руководитель: Вдовин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, профессор
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Статья посвящена проблеме демографических процессов у народов Сибири в XVII–XIX вв. Рассмотрены внутренняя и внешняя ассимиляция. Дается информация об отношении к проблеме историков разных историографических школ. При написании статьи применены историко-описательный и историко-сравнительный методы.

Ключевые слова: Сибирь, коренные народы, демографические процессы, численность населения, ассимиляция.

The article is dedicated to the problem of demographic processes of Siberian peoples in XVII–XIX centuries. The internal assimilation and the external one are viewed. There is information about the attitude to the problem of historians attributed to different historiographical schools. The historical descriptive and the historical comparative methods are applied.

Keywords: Siberia, aboriginal peoples, demographic processes, population number, assimilation.

В отечественной научной литературе существуют разные точки зрения на влияние русских колонистов на демографические процессы коренных народов Сибири. Одна из них представлена областническим направлением, популярным во второй половине XIX — начале XX вв. Его представители — Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, И. И. Серебrenников, П. М. Головачев и другие. По мнению Ядринцева, например, в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака [6; с. 205.]. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношениях с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными интересами. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. В труде «Сибирь как колония» Ядринцев пишет, что русские отгеснили аборигенов в районы с более суровым климатом, сообщает свои данные и информацию от других ученых о «поголовном избении инородцев», перечисляет болезни, принесенные колонистами. Среди них тиф, цинга, сифилис и другие. Оставшимся в живых «инородцам» угрожает голод [8; с. 134–141.]. Серебrenников, вслед за Ядринцевым, также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности [6; с. 205]. Примерно такой же подход к изучению исторических судеб на-

родов Сибири в составе России содержится в трудах Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перекрывается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н. Н. Козьмина, который считал принципиально неверным видеть процессы вымирания в любом факте сокращения численности аборигенов. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и начала XX вв., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, предков хакасов, сибирских татар. В то же время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков метисацию и обрусение аборигенов, что проходило при прямом участии государства. В действительности на протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. душ мужского пола до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского, населения, численность которого за этот же период возросла с 412 тыс. д. м. п. до 2, 3 млн то есть в 5, 6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30% в 1795 г. до 15% в 1897 г. — году первой в стране переписи населения.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось со 127 тыс. д. м. п. до 309 тыс., т. е. в 2, 4 раза. За этот же период ко-

личество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской — в 1, 6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение у аборигенов земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения [6; с. 205–206].

Подобной точки зрения придерживается и Л. М. Дамешек, который считает, что за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят выросла примерно в 10,6 раза, якутов — в 7,9, алтае-саянских народов — в 6,5, татар — в 3,1, ханты и манси — в 1,5 раза. Ученый уточняет, что приведенные цифры не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период у юкагиров, ительменов, ненцев она не возросла, а, наоборот, уменьшилась. Однако Дамешек уверен, что отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграций и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языков соседних, более крупных народностей. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество «инородцев», признавших своим родным языком русский по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области, выглядит следующим образом: Тобольская — 3,4%, Томская — 22%, Енисейская — 10,6%, Иркутская — 12,2%, Забайкальская — 13,3%, Якутская — 0,1%. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров [1].

Рассматривая процессы растворения представителей одного этноса в других, следует различать внешнюю и внутреннюю ассимиляцию. Внешняя шла с участием русских, под внутренней понимают смешение сибирских аборигенов друг с другом.

Н. Ядринцев пишет, что с начала XVII в. русский народ в Западной Сибири подвергался непрерывному и продолжительному смешению с местными «азиатскими племенами», прежде всего с ханты, манси и сибирскими татарами. Московское духовенство даже призывало прекратить или ослабить этот процесс. Смешение коренного и русского населения привело к формированию сибирского субэтноса, в основе которого — русский этнос. Он имеет вполне определенные физические показатели. Например, как показали результаты антропологических обследований в районе реки Ангары, у старожильского русского населения прослеживается заметная монголоидная примесь, свидетельствующая о недавних процессах расового смешивания. К началу XIX в. красноярские качинцы и аринцы настолько обрусели, что даже Качинская степная дума, учитывая трудности сбора ясака с них из-за значительной удаленности, в 1827 г. была вынуждена объявить, что «... ежели они (красноярские качинцы) не возвратятся в свои кочевья, то есть в Минусинскую округу к своим князьям, то будут переименованы в крестьяне». Однако даже перспектива уплачивать более высокие подати, видимо, не испугала их; обрусевшие качинцы

продолжали оставаться на прежних местах и проживали вместе с русскими в деревнях Маганской, Шало, Юкеевой и других. Перепись 1897 года уже не отметила здесь туземного населения. Основная масса тунгусского населения Забайкалья, обитавшая на юго-востоке области, к концу XIX в. проживала вместе с русскими людьми, в результате чего современное русское население многих сел Борзинского и соседних районов Читинской области имеет заметную монголоидную примесь. К концу XIX в. фактически обрусели и буряты, проживавшие между реками Хилок и Чикой (Цонголов род). В результате оронская русская группа Забайкалья отличается явными признаками монголоидности, свидетельствующими о массовости смешения с местным населением: доля бурят, вошедших в эту группу, составляет примерно 40%, а эвенков — 20%. В XIX в. на территории Бурятии по рекам Селенга и Уда также появилась крупная смешанная группа в результате масштабной деятельности Троицко-Селенгинского монастыря, выкупавшего за калым у бурят женщин и выдававшего их после крещения замуж за русских мужчин (беглых и ссыльных). По данным антропологических исследований, в забайкальских популяциях смешанного происхождения доля бурятской крови в целом составляет более 40%. Антропологические обследования русского населения на Верхней Лене выявили, видимо, бытовавшую здесь в XVIII–XIX вв. сильную метисацию, уменьшившуюся затем в результате нового прилива русских поселенцев. Здесь в русскую среду вошла крупная группа якутов. Старожильческие группы русского населения, проживающие в Заполярье от Лены до Колымы, включили в свой состав значительное число местных жителей — юкагиров, тунгусов, якутов. В настоящее время большая часть этих русских групп близка по своему расовому типу якутам при наличии явных следов участия в этническом смешении эвенов и юкагиров. В меньшей степени процессы вливания коренного населения в состав русского характерны для Западного Зауралья, поскольку проживавшее здесь татарское население, как и другое мусульманское население Западной Сибири, по причинам религиозных различий слабо вступало в контакты с русским. Тем не менее и здесь зафиксирован такой факт, как смена к концу XVII в. прежнего татарского населения по реке Исеть русским. Смешение не было однородным, оно зависело от концентрации русского и аборигенного населения. Конечно, чаще русский этнос растворял в себе местные народы. Но там, где русское население уступало по численности коренному, происходило обратное. Яркими примерами стали так называемые «затундренные крестьяне» Таймыра, которые участвовали в сложении нового сибирского народа — долган, «ленские ямщики», частично вошедшие в состав якутов [7]. В северных Обдорском и Березовском краях русские были практически ассимилированы местными ханты и «татарами» [8; с. 98–100].

Итак, процессы внешней ассимиляции в Сибири были столь интенсивны и заметны, что, по мнению некоторых исследователей прошлого столетия, в XIX в. в Сибири сложилась особая группа русского народа, включавшая большое количество иноэтничных элементов. Процессы взаимовлияний различных групп коренного населения, также масштабные и интенсивные, были менее заметны и получили значительно меньшее освещение. Так, по данным Б. О. Долгих, в середине XVII в. числен-

ность юкагиров составляла 4775 человек. Уже в конце этого столетия их осталось всего 2665 человек. Таким образом, примерно за 50 лет юкагирское население уменьшилось почти в два раза. Б. О. Долгих объяснил причину резкого уменьшения его численности в основном различными последствиями царского колониального режима [2; с. 440.]. Однако за это же время на прежней территории расселения юкагиров появилось многочисленное тунгусское и якутское население, и в результате общая его численность даже возросла, вследствие того что менее развитые юкагиры, жившие еще в условиях каменного века, активно ассимилировались эвенками и якутами. Как показывают данные археологии, еще задолго до прихода русских людей начались и активно развивались процессы ассимиляции и вытеснения проживавших на обширных пространствах между реками Лена и Анадырь юкагиров тунгусскими пришельцами. Так, ярко выраженный юкагирский керамический комплекс в раннем железном веке полностью господствует на значительной части территории современной Якутии; затем на стоянках появляются вещи тунгусского происхождения. Постепенно они начинают доминировать в составе инвентаря и в результате полностью вытесняют юкагирскую керамику [7].

Включение этих народов в состав Российского государства, видимо, в первые десятилетия к существенным изменениям не привело и процессы ассимиляции сохранялись. С середины XVII в. к ним добавились процессы слияния с русским населением. В XVII–XVIII вв. в состав верхних слоев русского сибирского общества вливались представители верхушки местного населения, которые жаловались высокими чинами и званиями и привлекались к военной и административной службе. Известны такие династии служилых людей, детей боярских и дворян, как потомки мансийского князя Аблегирима (род Албычевых), мурзы Енбулата, кондинского князя Сатыги, знатного кыргыза Айкана, якутских тойонов Сахалтина, Матвеева-Отконова, Поротова и др. [7]. Второй крупной группой коренного населения, влившейся в состав русских сибиряков, являются так называемые ясыри, то есть пленные. В своем большинстве они проживали в русской среде, в результате чего крестились и обычно обрусевали. В течение XVIII в. описанные процессы постепенно прекратились, уступив место явлениям более широкой, народной ассимиляции. Именно в это время в связи с почти повсеместным прекращением боевых действий русское население выходит из-за стен острогов и широко расселяется рядом с коренными жителями. Тем не менее, в XVIII в. еще не наблюдалось явлений массовой ассимиляции. Так, Б. О. Долгих отмечал, что уже во второй половине XVII в. около 10% юкагирских женщин находились вне своих родов, а у многих служилых и промышленных людей на северо-востоке Сибири женами были юкагиры [2; с. 440]. Традиционный образ жизни юкагиров приводил к частым голодовкам, во время которых, как, например, в 1838 г. на Кольме, они искали спасения в русских селениях [4; с. 218]. Часть из них неизбежно оставалась там

на постоянное жительство. Антропологические обследования русского населения на северо-востоке Сибири свидетельствуют об участии юкагиров в его формировании.

Поскольку к XVII в. Сибирь была весьма слабо заселена различными по своему происхождению этническими группами, которые являлись коренным населением региона, это вело к тому, что зоны контактов с другими этносами были весьма велики. Наблюдалась заметная внутренняя ассимиляция. Такие явления отмечались, например, у кочевавших на Северном Урале ненцев и северных коми, приведшие к ассимиляции части ненцев, в основном через брачные контакты, и образованию в XIX в. особой этнографической группы колвинских ненцев («колва-яран»). К концу XIX в. ненцы Усть-Колвинской волости и более южных районов в большинстве своем были уже православными и жили как коми [7]. Таким образом, они были исключены из процессов консолидации ненецкого народа. В свою очередь, среди сибирских ненцев не менее 12% происходили от ассимилированных ненцами ханты и не менее 8% — от ассимилированных ненцами энцев. В XVII в. на Таймыре слились в единое целое «пясидская самоядь» и тавги, образовав новое племя нганасан, которое в XVIII в. ассимилировало часть тунгусов-ванядов (маятов) [3; с. 56].

Следует принимать во внимание, что этнические процессы во многих районах Сибири являлись сложными, и, в частности, ассимиляция была многоэтапной. Например, постепенные процессы культурных влияний со стороны соседнего русского населения к середине XIX в. привели к тому, что с ним полностью слилось все коренное (тюркизированное к тому времени) население Красноярского лесостепного района и не переселившееся на левобережье Енисея (также в основном тюркизированное) население правого берега реки [5; с. 6].

Подытожив все написанное выше, можно сделать ряд выводов: во-первых, представители разных историографических школ неоднозначно смотрели на последствия включения Сибири в состав России для коренного населения; во-вторых, с вхождением в состав Российского государства все коренные народы Сибири начали испытывать не только внутреннюю, как раньше, но и внешнюю ассимиляцию; в-третьих, русское население, в свою очередь, тоже испытывало ассимиляцию, об этом говорит характерный физический облик русских сибиряков; в-четвертых, падение численности отдельных сибирских народов не обязательно говорит об их вымирании, они, как правило, входили в состав более крупных народов, увеличивая их состав; в-пятых, ассимиляция иногда была многоэтапной, сложной, например, тюркизация финноугорских народов с последующим обрусением; в-шестых, несмотря на колебания численности сибирских народов в отдельные периоды времени, источники свидетельствуют об общем увеличении коренного населения за XVII–XIX вв. в несколько раз, что опровергает точку зрения о вымирании или уничтожении «иностранцев» за время их нахождения под российской властью.

Литература:

1. Дамешек Л. М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII — начала XX вв. [Электронный ресурс] URL: <http://sibistoric.narod.ru/project/modern/016.html>.

2. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов в XVII в. М., 1960.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2.
4. История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2.
5. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906. Ч. I, вып. 2.
6. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с., ил.
7. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. [Электронный ресурс] URL: <http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopic=8254>.
8. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. — 560 с.

Феномен джадидизма в духовной и культурной жизни Туркестана в период царизма

Муртазаев Дилшод Бахтиярович, старший преподаватель;
Утамурадов Умаржон Мухамматкулович, старший преподаватель
Навоийский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В статье рассмотрена история духовной жизни Туркестана в конце XIX и начале XX века. А также роль джадидов в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни края.

В конце XIX и начало XX века в Туркестане произошли важные исторические повороты. С одной стороны, шел процесс усиления социального и колониального гнета, грабеж национальных богатств края, полное превращение его в сырьевой придаток царской России, с другой стороны, — начинается зарождение капиталистического способа производства, формирование национальной буржуазии и рабочего класса, духовное пробуждение нации. Особую роль играет в этом процессе появление движения джадидов.

Историк Д. Алимova утверждает, что это движение в Средней Азии можно расценивать как одну из ветвей и разновидностей реформаторского движения национально-прогрессивной интеллигенции, возникшей и развивавшейся во многих странах Востока в XIX — начале XX вв. Сам термин «джадид» возник из понятия «усули-джадид» [«новый метод»], в который включались и новые методы обучения, по европейским образцам.^[1]

Государство, по мнению многих джадидов, создано не для удовлетворения интересов группы людей, а для народа, и лидеры его должны заботиться о благосостоянии страны и общества. Еще одна его позиция стала основой джадидского учения: брать пример с прогрессивных стран, независимо от религиозной и национальной принадлежности их народов.

Движение джадидов, по своей исторической значимости весьма прогрессивное явление для среднеазиатских народов, охватывало весь край. Основателями и активными участниками среднеазиатского джадидизма были — М. Бехбуди, Абдурашидханов, С. Айни, А. Фитрат, А. Мунзим, Тавалло, С. Аджи, А. Хамди, М. Бурханов, М. Хахим, А. Мухитдинов, А. Шакури, А. Авлони, С. Васли, Ф. Ходжаев, Х. Мехри, К. Пулатов и многие другие, составившие костяк местной национальной интеллигенции, целиком и полностью отдавали свой жизненный опыт делу налаживания образования, внесли огромный вклад росту национального самосознания и духовного пробуждения народов Средней Азии.

Надо отметить, что движение развивался постепенно. Спустя два десятилетия джадиды осознали, что для преодоления экономического и культурного застоя нужны политические перемены. В целях реформирования системы образования, джадиды начали создавать собственные национальные школы, обучение в которых было основано на новых методах. Эти школы должны были стать средством защиты национальной культуры, ислама, традиций и обычаев. Они стали называться «новометодными» [«джадидскими»].

В Средней Азии в 90 — х г. в Ферганской долине появились первые новометодные школы, эти школы под влиянием современности подвергались реформам. После 1905 г. возросло число джадидских школ, открывавшихся не баями, а самими учителями — новометодниками. В числе таких учителей были Х. Хахимзаде и А. Авлони. Педагогика джадидских школ ставила задачи: дать юному поколению знания, нужные в современной жизни и применять формы обучения более современные, чем в старых мусульманских школах. В джадидских школах появились географические карты, глобусы и другие наглядные пособия; ученики сидели на партах, отменялись телесные наказания и др.

По инициативе джадидов в Туркестане были опубликованы следующие публикации. 1906 году «Тарақиёт» и «Хуршид», 1907–1908 гг. «Шухрат» [Мунаввар Қори], 1907 году газета «Тужжор» [Сеидазимбой], 1913 году «Осиё», «Самарқанд», 1914 году «Садои Туркистон» и «Садои Фарғона», 1913–1915 гг. «Ойна», «Эл Байроғи» и «Турон», 1915–1918 гг. «Ал — Ислох», 1917 году «Кенгаш» и «Юрт» и т.д.

Джадидами были изданы различные учебные пособия. В частности, А. Шакури опубликовал такие книги, как «Рахномаи Санат» [Наставление детям], «Хавоиджи диния» [Знания по религии], «Джамуль хикоят» [Сборник рассказов]. Известный узбекский журналист, публицист, педагог, один из видных туркестанских джадидов Абдулла Авлони был автором учебников «Адабиет» [Литература], «Биринчи му-

аллим» [Первый учитель]. Этот учебник, изданный в 1912 г. в Ташкенте, предназначался для джадидских джадидских школ и выдержал пять переизданий. Старая система образования сохранилась вплоть до 1917 г.

Вскоре аналогичные школы возникают и в других мусульманских центрах России, в частности в Туркестане. Здесь джадидские школы стали появляться уже в 90 — х г. XIX века. Одни из них был открыт татарским лидером И. Гаспринским на средства купца Хусаинова в 1893 г. в Самарканде. В них изучались такие предметы, как арифметика, география, основы естествознания. Сферой общественной жизни, наиболее приемлемой для различных национальных течений, в том числе, движения джадидов, было народное просвещение.

Это было связано с тем, что джадидское движение совпало по времени с усилением европейского и российского влияния, которое перешло в область духовной жизни, особенно просвещения. В одном из отчетов того времени приводятся такие данные: «вообще среди сартов (узбеков) неграмотных меньше, чем в русском населении», а многочисленность местных мактабов такова что «показывает заинтересованность населения в школьном деле».

Приоритетной целью прогрессистов было формирование демократического общества, где должны были быть предоставлены и конституционно гарантированы демократические права и свободы.^[2]

Один из знатных джадидов А. Дониш который написал в конце XIX века: «Сейчас путь вражды и распри с русскими закрыт, теперь по необходимости надо установить порядок, сочетающий узбекский и русский [элементы]. А потом, если понадобится, будет открытое столкновение». [3]

Джадиды начинают выступать за демократические преобразования и становятся зачинателями либерально — демократического движения в стране.

Основной причиной экономического и культурного прогресса они считали колониальное угнетение и непросвещенность народа, которому не дает возможности развиваться существующий режим. Многие из последователей джадидов посещали зарубежные страны и могли сравнивать уровень образования, культуры и науки. Их главной мечтой стало распространение достижений мировой цивилизации в Туркестанском крае в области образования, науки и культуры.

Однако для этих лидеров неблагоприятные стечения исторических событий не дали возможности возглавить борьбу

против царизма либерально — демократическим путем. Несмотря на давление, продолжала развиваться этническая культура. Развивалась узбекская, как народная, так и классическая музыка, ремесла, предметы прикладного искусства и т.д. Сферой общественной жизни, наиболее приемлемой для различных национальных течений, в том числе, движения джадидов, было народное просвещение. Это было связано с тем, что джадидское движение совпало по времени с усилением европейского и российского влияния, которое перешло в область духовной жизни, особенно просвещения.

Надо отметить, большинство джадиды Бухарского эмирата были обвинены идеями панисламизма. За что были отправлены в тюрьму и расстреляны. Многие активисты демократизации попросили политической убежище в Туркестане и Турции.

В 2008 году в своей книге первый Президент Узбекистана И. Каримов утверждал: «Я говорил о движении просветительства в начале двадцатого века. Разве представители этого движения выступили на арену борьбы ради богатства, ради славы? Разве кто — то выдавал зарплату Махмудходже Бехбуди, Мунаввару Кори, Фитрату, Тавалло за то, что они открывали школы, призывали народ отстаивать свои права? Кто — то платил им за это? Конечно, нет! Они заведомо знали, что играют с огнем, что будут жестоко наказаны за свою борьбу с колониализмом. Зная об этом, они сознательно шли по этому пути. Ибо к этому их призывала совесть, убеждения».^[5]

Многим не секрет, что в годы советской власти в общественное сознание упорно внедрялось фальсифицированное, искаженное представление о сущности этого движение. И только после обретения Узбекистаном государственного суверенитета появилась возможность для серьезного, объективного изучения истории джадидов, истории освободительного движения и раскрытия истинных целей и задач борцов за независимость. Но учитывая, что многие документы находятся в архивах России и в Турции изучения истории этой темы до сих пор слаб. Суть заключается и в том, что возникающие проблемы следует решать, по существу, системно, последовательно и принципиально. Надо расширить взаимоотношение историков Узбекистана с специалистами этих стран. Необходимо создать более благоприятные условия для молодых историков. Также усилить профессионализацию нового поколения историков, историографов, которые сейчас крутятся и предоставлены самим себе.

Литература:

1. Алимova Д. История как история — история как наука. II часть. — Т.: Узбекистан, 2009.
2. Агзамходжаев С. История Туркестанской Автономии [Туркистон Мухторияти]. С. 98–99.
3. Дониш А. Рисолаи тарихи амирон мангит. Рукоп. ИВ АН РУз. Инв. № 1987.
4. Каримов И. А. Высокая духовность — непобедимая сила. — Т.: Маънавият, 2008.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Крымский вопрос в контексте российско-немецких отношений на основе анализа немецких изданий (Die Zeit, Der Spiegel, Tageszeitung, Bild)

Суздальцев Никита Валерьевич, студент магистратуры
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье был проведён анализ основных и наиболее читаемых электронных изданий Германии для выяснения общей риторики по Крымскому вопросу. Все тематики, в контексте которых упоминается Крым и его воссоединение с Россией, были категоризованы с целью выяснения наиболее часто употребляемой повестки немецких СМИ касательно Крымского вопроса. Полученные автором результаты помогут понять нынешнее отношение одного из лидеров Европейского мира к урегулированию данного конфликта.

Ключевые слова: Крым, Крымский вопрос, повестка, риторика, СМИ.

Crimean question in the context of Russian-German relations based on analysis of German publications (Die Zeit, Der Spiegel, Tageszeitung, Bild)

Suzdaltsev Nikita Valeryevich, student
Saratov National Research University named after N. G. Chernyshevsky

The article analyzed the main and most widely read electronic publications in Germany to clarify the general rhetoric on the Crimean issue. All topics in the context of which Crimea and its reunification with Russia are mentioned were categorized in order to clarify the most frequently used agenda of the German media regarding the Crimean issue. The results obtained by the author will help to understand the current attitude of one of the leaders of the European world towards the settlement of this conflict.

Keywords: Crimea, Crimean issue, agenda, rhetoric, media.

Начиная с 2014 года, на международной арене стала играть большую роль Украина. Обусловлено это событиями, произошедшими на Площади Независимости и последующей потерей части территорий. Именно в этом ключе огромное значение не только для Украины, но и для ряда ключевых мировых игроков имеет присоединение Крыма к составу Российской Федерации.

Вхождение в состав России Республики Крым в большей части международного сообщества было признано незаконным и зачастую именуется «аннексией» [1]. Такое положение дел повлекло введение против Российской Федерации и ряда её граждан целого пакета постоянно дополняющихся санкций, в том числе и экономических [2]. Исходя из этого, и выделяется актуальность данной работы, которая заключается в отслеживании тенденций в риторике зарубежных СМИ как рупоре волеизъявления правящей или оппозиционной верхушке той или иной страны. С помощью этой информации есть возможность предугадать настроения зарубежных государств в отношении Крымского вопроса для дальнейшего составления плана действий с целью урегулирования конфликта.

С целью выяснения общей риторики Федеральной Республики Германии по вопросу присоединения Крыма к России нами были проанализированы 4 немецких изданиях: Die Zeit, Der Spiegel, Tageszeitung и Bild. Для исследования были взяты публикации, размещённые во временном промежутке с 1 января 2019 по 1 мая 2019. Обусловлено это происходившей в этот период президентской предвыборной кампанией, происходившей на Украине.

Для поиска необходимых публикаций нами было выбрано слово «Крым» (нем. Krim), которое вводилось в поисковой строке сайта СМИ. Выбор такого ключевого слова обусловлен его универсальностью. Таким образом мы охватили все упоминания о Крыме, которые имелись в интернет-редакции за указанный период.

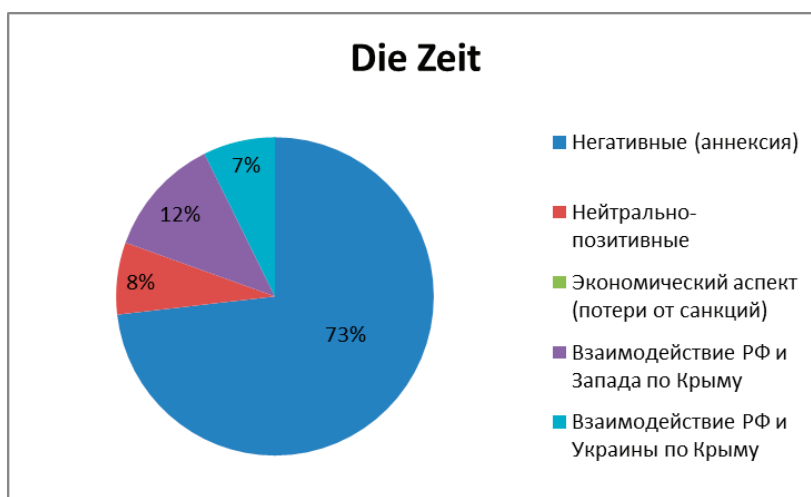
Общее количество упоминаний в указанных ранее четырёх изданиях равно 168. Относительно одинаковое количество публикаций с упоминанием Республики Крым имеют газеты Die Zeit (41 публикация), Der Spiegel (54 публикации) и Bild (45 публикаций). Отдельно стоит выделить издание Tageszeitung, в котором было насчитано всего 28 упоминаний Крыма за указанный период.

Для лучшего понимания риторики немецких изданий были разработаны пять категорий, в которые в дальнейшем были отнесены все упоминания в зависимости от контекста этих упоминаний, такие как: «Негативные публикации», «Нейтрально-позитивные», «Экономический аспект вопроса», «Взаимодействие РФ и Запада по Крыму» и «Взаимодействие РФ и Украины по Крыму». В категорию «негативные публикации» отнесены статьи с разного рода осуждениями действий России в отношении Крыма и чаще всего упоминается термин «аннексия». Примером такой публикации может быть статья в издании Die Zeit, в которой в контексте основной темы статьи используются оценочные суждения в отношении России и используется термин «аннексия» [3]. К «нейтрально-позитивным» публикациям относятся статьи, где упоминания про Крым в контексте России носят нейтральный, а иногда и комплиментарный характер. Примером может служить статья, где Крым был нейтрально упомянут в контексте инцидента в самолёте, который направлялся из Москвы в Республику Крым [4]. В категорию «экономический аспект вопроса» помещены публикации, в которых речь идёт об экономических потерях разных сторон от санкций или наоборот финансовые выгоды, последовавшие после присоединения Крыма к Российской Федерации. Особое значение в этой категории имеет вопрос экономических санкций в отношении России. Так, в статье Spiegel были описаны значительные экономические потери российской компании «Русал» по причине введения экономических санкций в отношении руководства компании [5]. Две оставшиеся категории включают в себя статьи, где речь идёт о каком-либо взаимодействии Западных стран или Украины соответственно по урегулированию или конфликтизации Крымского вопроса. В статье Spiegel идёт речь о нынешнем состоянии российско-украинских отношений с учётом воссоединения Крыма с Россией [6], а в статье издания Bild пишут про желание Германии выступить посредником в переговорах между Украиной и Россией в урегулировании Крымского вопроса [7].

Общее количество упоминаний по всем информерагентствам составило 168 за выделенный промежуток времени. Ниже будет представлен график с данными о количестве упоминаний по разным контекстам. Данные с этого графика дают понять, что общая риторика немецких СМИ относительно Крымского вопроса имеет негативный окрас — 60% среди всех упоминаний.

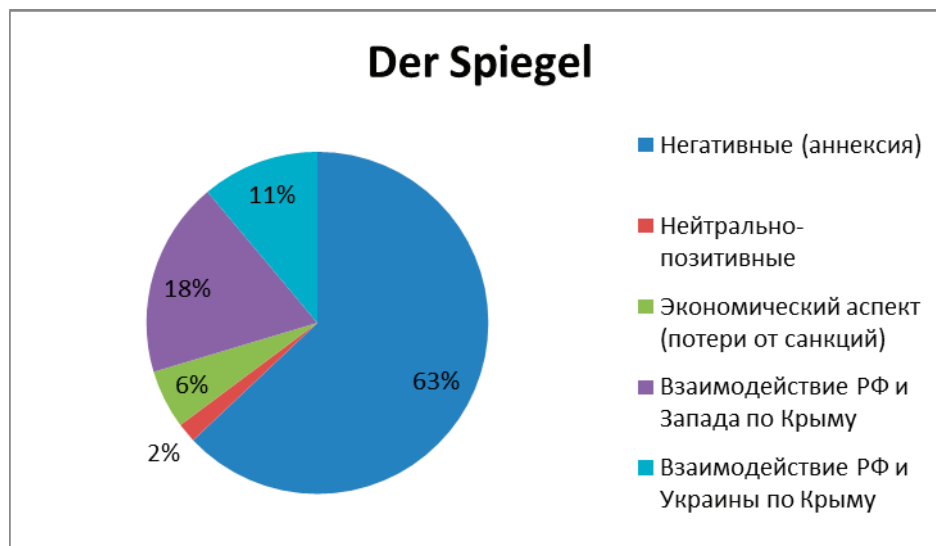

Говоря о конкретных издательствах, начнём с газеты Die Zeit. Является одной из крупнейших газет Германии и имеет центристскую, социал-либеральную направленность. Проанализировав риторику издания, мы получили следующие результаты:

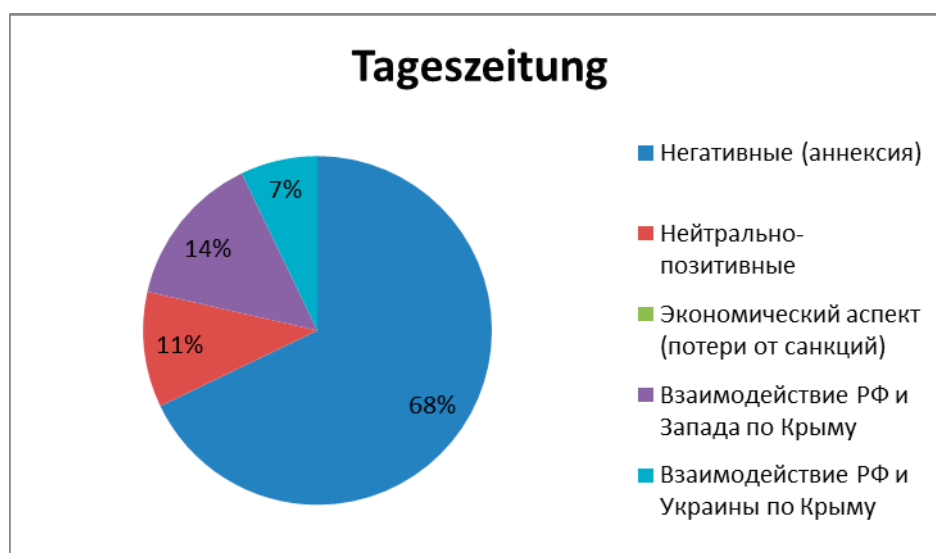
Общее количество упоминаний Крыма в СМИ равно 41. Примечательно то, что в издании насчитано наибольшее количество негативных публикаций с упоминанием аннексии полуострова Россией (30) [8].

Касательно газеты Der Spiegel стоит сказать, что это один из крупнейших представителей печатных СМИ в Германии. Результаты анализа издания оказались следующими:

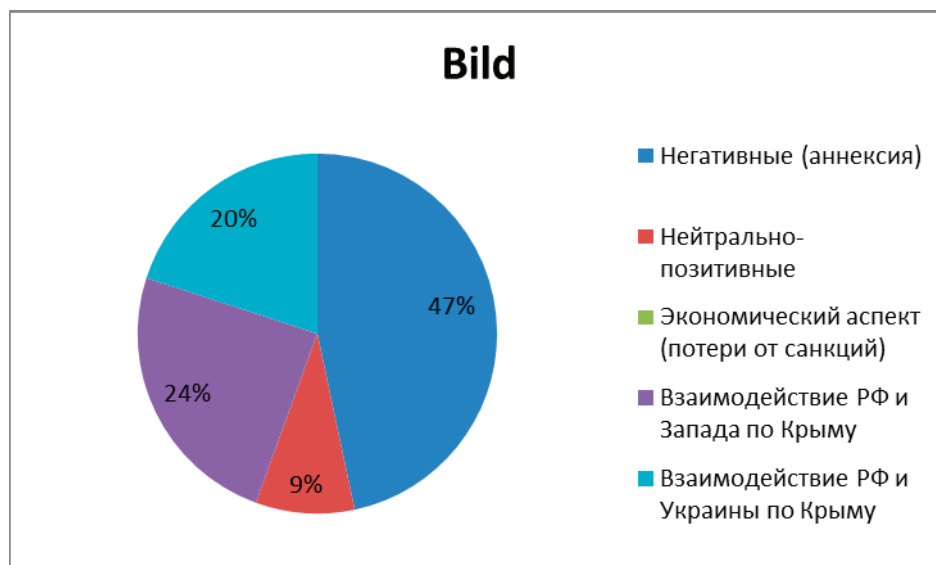
Стоит выделить также высокий показатель по категории «Негативные упоминания» (34). Однако, помимо этого, в издании наиболее часто среди всех выбранных нами СМИ риторика касается экономического аспекта Крымского вопроса, хотя всё равно эта цифра довольно низка — 3 публикации на эту тему. Тем не менее, затрагивание этого вопроса редакцией указывает на заинтересованность не только политической стороной темы, но и экономической, в том числе на предмет финансовых потерь или выгод самой Германии.

Издание Tageszeitung выделилось наименьшим упоминанием темы Крыма — всего 28. Из них подавляющее большинство статьи с негативным уклоном (19). Политическая направленность газеты — новые левые.

Наиболее интересным для нас изданием можно назвать Bild. Отличием от прошлых представителей немецких СМИ данной газеты заключается в минимальном количестве упоминаний Крыма в негативном контексте — 21 упоминание из 45 всего. Более того, в издании чаще всех выходят статьи с контекстом взаимодействий России и Западных стран относительно Крымского вопроса.

Исходя из всего вышесказанного можно понять, что общая риторика основных немецких СМИ по Крымскому вопросу носит негативный характер с упоминанием терминов «аннексия» при упоминании воссоединения Крамской республики с Россией. С учётом того, что данные получены на основе анализа самых читаемых СМИ, можно сделать вывод, что упомянутые средства массовой информации транслируют официальное отношение к данному вопросу со стороны руководства страны. Примечательно то,

что вторым по значимости вопросом остаётся взаимодействие России и представителей Запада в контексте урегулирования конфликта, возникшего вокруг данной ситуации. Это можно считать отчасти положительным знаком, в силу того что такую риторику можно расценивать как желание и готовность представителей Германии идти на конструктивный диалог относительно налаживания отношений и урегулирования Крымского вопроса.

В качестве перспективных направлений данного исследования вижу необходимым продолжение анализа повестки на заданную тему с целью отслеживания динамики изменения отношения немецких СМИ и, соответственно, руководства страны к вопросу о вхождении Крыма в состав Российской Федерации.

Литература:

1. Томсинов В. А. «Крымское право» или Юридические основания для воссоединения Крыма с Россией. М.: Зерцало-М, 2015.— 132 с..
2. Томсинов В. А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство.— 2014.— № 7.
3. Jörg Lau. Der kalte Krieg taut auf. Die Zeit Februar 6 2019 URL: <https://www.zeit.de/2019/07/grossmachtkonflikte-deutschland-aussenpolitik-brexit-inf-vertrag>
4. Mann rennt nackt zum Flugzeug — Festnahme. Spiegel März 23 2019 URL: <https://www.spiegel.de/panorama/moskau-mann-rennt-nackt-zum-flugzeug-festnahme-a-1259358.html>
5. USA heben Sanktionen gegen Rusal auf. Spiegel Januar 28, 2019. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/usa-heben-sanktionen-gegen-russischen-aluminiumkonzern-rusal-auf-a-1250296.html>
6. Christian Esch. «Chancen, dass sich das Verhältnis verbessert». Spiegel April 22, 2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-moskaus-herablassende-reaktion-auf-selenskys-wahlsieg-a-1263919.html>
7. Antje Schippmann. Deutschland will in der Krim-Krise vermitteln. Bild Januar 19, 2019. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/bild-mit-maas-in-moskau-deutschland-will-in-der-krim-krise-vermitteln-59631112.bild.html>
8. Michael Thumann. Die Chefs kommen nicht zur Party. Die Zeit April 4, 2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-04/70-jahre-nato-geburtstag-militaerbuendnis-jubilaeum-verteidigung>

«Мягкая сила» международных террористических организаций как источник угрозы для национальной безопасности Российской Федерации

Ювачёв Максим Юрьевич, заместитель начальника научного отдела
 Научный центр стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена анализу исламистской «мягкой силы» и условий ее реализации в российском обществе. Рассмотрены механизм и последствия мягкосилового влияния различных аттракторов на человека. Определены факторы, создающие благоприятные условия для реализации потенциала «мягкой силы» международных террористических организаций в Российской Федерации.

Ключевые слова: «мягкая сила», терроризм, международные террористические организации, государство, национальная безопасность.

The article is devoted to the analysis of Islamic «soft power» and the conditions for its implementation in Russian society. The mechanism and consequences of the soft-power influence of various attractors on a person are considered. The factors creating favorable conditions for realizing the potential of the «soft power» of international terrorist organizations in the Russian Federation are identified.

Key words: soft power, terrorism, international terrorist organizations, state, national security.

Изменения, происходящие в настоящее время в геополитической обстановке, стремительное развитие новых технологий в различных сферах деятельности человека оказывают большое влияние на состояние национальной безопасности Российской Федерации. Причем существующие ныне угрозы государственной и общественной безопасности Российской Федерации остаются на сегодняшний момент не только актуальными, но и имеют тенденции к трансформации. Во многом это связано с применением на практике различных политических технологий и концепций влияния на страны мира с целью дестабилизации в них социально-экономической обстановки с участием различных деструктивных сил, в том числе террористических и экстремистских организаций.

Привлечение международных террористических организаций (далее — МТО) к решению геополитических задач повлекло за собой их модернизацию. Так, с начала 2000-х годов МТО стали приобретать вид сетевых организаций (как, например, МТО «Аль-Каида»). Развитие информационно-коммуникативных технологий оказали положительное влияние на формы и способы распространения террористической идеологии. В результате, для того чтобы стать членом террористической организации порой достаточно доступа к интернет-сети. Технологический прорыв последних десятилетий позволил применять уже на бытовом уровне беспилотные летательные аппараты, чем воспользовались и террористические группировки. Ввод в международный оборот криптовалюты, а также способов безналичного перевода денежных средств стали востребованы в террористических кругах для сокрытия каналов финансирования. В результате таких изменений для МТО стали необходимы не только рядовые кадры для участия в качестве боевиков, но и высококвалифицированные — для высокотехнологического обеспечения террористической деятельности.

Как показывает практика, МТО имеют хорошо налаженную систему комплектования своих группировок, чему во многом способствует существующая на сегодняшний день террористическая идеология, так называемая исламистская «мягкая сила», а также механизмы ее доведения до заинтересованных лиц — субъектов воздействия.

Стоит отметить, что изначально концепция «мягкой силы» была впервые введена в политический и научный обиход в начале 1990-х годов американским политиком, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем. Сущность «мягкой силы» заключается в способности субъекта влияния добиваться желаемого результата от другого субъекта посредством проявления последним желания принять правила и практики поведения первого, а также желания следовать его примеру. В классическом понимании концепции под субъектами понимают государства,

которые в ходе международных отношений оказывают друг на друга определенное влияние, в результате которого некоторые государства хотят следовать за государством-лидером, соглашаются с его правилами, одобряют его институты, в основном за счет формирования позитивного к нему отношения. При этом достижение желаемого результата осуществляется не способом принуждения, будь то силовым, либо экономическим, или угрозой их применения, а через создание своего привлекательного образа и умелое его доведение до субъекта воздействия. То есть «мягкая сила» представляет собой ресурс, которым необходимо умело пользоваться в достижении определенных целей [1].

Также мягкосиловыми ресурсами обладают и МТО. Однако по сравнению с ресурсами «мягкой силы» государства, к которым обычно относят культуру, политические ценности, социально-экономическую модель и образование, исламистские мягкосиловые ресурсы имеют менее ограниченный круг и иную модель воздействия. Однако по объектам и силе своего воздействия они могут соперничать с ресурсами «мягкой силы» государства.

Необходимо заметить, что с развитием МТО развивалась и их «мягкая сила», которую используют в целях:

- 1) поддержания идейного единства членов террористических организаций;
- 2) проведения информационных войн;
- 3) привлечения на свою сторону новых членов террористических организаций [2].

В настоящее время на человека в российском обществе оказывают свое мягкосиловое воздействие ряд аттракторов, среди которых: свое государство, иностранные государства и негосударственные образования деструктивного характера (в том числе и МТО).

По ряду причин возникает конкуренция той или иной «мягкой силы», ведется борьба за право привлечь на свою сторону как можно больше сторонников.

Так, «мягкая сила» Российской Федерации призвана обеспечивать реализацию национальных интересов государства через всестороннее развитие человека, своевременное и полное восполнение его потребностей, воспитания его в духе патриотизма, прививание ему культурных ценностей его родины.

«Мягкая сила» иностранного государства направлена на разрушение классического национального государства и установления формы правления «наиболее законной и демократичной», по мнению стороны влияния, путем корректировки или полной замены жизненных ценностей и мировоззрения у человека. В ходе такого воздействия ему преподносится альтернативный образ жизни с «идеальным», по мнению воздействующей стороны, политическим, социальным и экономическим устройством в противовес устройству, существующему

в государстве проживания. В результате такого влияния человек становится дезинтегрированным из поля своего обитания (общества, национальной группы), и в случае не удовлетворения его потребностей со стороны государства такой субъект готов перейти к действиям уже в рамках политических технологий, направленных на смену политических режимов.

Исламистская «мягкая сила» направлена на разрушение национального государства и установление всемирного халифата.

Происходит это путем искажения восприятия действительности у человека, подмены признанных в обществе ценностных ориентаций, моральных и нравственных устоев, игнорирования исторически сложившихся межэтнических, межкультурных отношений. Результатом такого воздействия должен стать послушный исполнитель терактов с замененными смысло-ценностными ориентирами деструктивной направленности, потерявшим ценность семьи, общества и государства (Таблица 1).

Таблица 1. Механизм и последствия мягкосилового влияния различных аттракторов на человека

Аттракторы	Задачи мягкосилового влияния	Механизм реализации «мягкой силы»
Свое государство	Реализация национальных интересов государства	всестороннее развитие человека; своевременное и полное восполнение его потребностей; воспитание его в духе патриотизма; прививание ему культурных ценностей его родины
Чужое государство	Разрушение классического национального государства и установление формы правления «наиболее законной и демократичной», по мнению стороны влияния	корректировка или полная замена жизненных ценностей и мировоззрения у человека; представление альтернативного варианта «идеального образа жизни», по мнению воздействующей стороны, в противовес образу жизни, существующему в государстве проживания
Исламистская «мягкая сила»	Разрушение национального государства и установление всемирного халифата	искажение восприятия действительности у человека; подмена признанных в обществе ценностных ориентаций, моральных и нравственных устоев, игнорирование исторически сложившихся межэтнических, межкультурных отношений

Если субъектами воздействия для российской «мягкой силы» выступают в основном категории людей с удовлетворенными (частично или полностью) потребностями (или имеющими потенциал в их удовлетворении), то для исламистской «мягкой силы» субъектами воздействия являются категории людей с неудовлетворенными различными жизненными потребностями. Привлекательность «мягкой силы» МТО основана на простоте, доступности, дешевизне и предложениями быстрого решения различных острых социальных, экономических и других проблем. Степень влияния «мягкой силы» МТО и выбор инструментов ее продвижения зависит от таких характеристик субъекта воздействия как: возраст, пол, вероисповедание, психотип, социальное положение и др. [3].

К основным факторам, позволяющим реализовывать потенциал «мягкой силы» МТО в обществе относятся:

- 1) индивидуальная «уязвимость» ценностно-мировоззренческих установок кандидата;
- 2) обостренное чувство справедливости у субъекта;
- 3) потребность субъекта быть частью влиятельной социальной группы;
- 4) недовольство субъекта своим социальным статусом и др. [4] (Таблица 2).

Преобладание исламистской «мягкой силы» над «мягкой силой» государства происходит в основном в периоды социальных, политических и экономических кризисов, которые зачастую сопровождаются падением и обесцениванием идеологии, духовно-нравственных устоев, нарастанием разоб-

щенности в обществе. В такие моменты террористическая идеология наиболее ярко заявляет о себе, представляя членам общества ценностные ориентиры, социальную и экономическую опору, предлагает ответы на вопросы, волнующие общество на данном этапе своего развития, показывает выход из сложившейся кризисной ситуации.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует ряд факторов, создающих благоприятные условия для реализации потенциала исламистской «мягкой силы» в стране:

- 1) наличие нерешенных проблем в обществе в силу проведения непопулярных социально-экономических реформ (например, пенсионная реформа, реформа жилищно-коммунального хозяйства, вопросы градостроительства и экологического характера);
- 2) преобразования в сфере воспитания и образования, которые негативно сказываются на уровне знаний русского языка и литературы, исторических, культурных и географических особенностей страны;
- 3) недостаточно эффективная работа, проводимая в стране органами власти, учреждениями культуры, образовательными учреждениями, общественными организациями по воспитанию у молодого поколения патриотизма, чувства долга, чести, взаимовыручки и помощи;
- 4) преобладание в средствах массовой информации жесткой информации (пропагандирование сцен насилия, культы сильной эгоистичной личности, красивой жизни) перед мягкой (примеры честного образа жизни, достижений людей в ка-

Таблица 2. Реализация потенциала «мягкой силы» МТО

Выражение неудовлетворенности у субъекта воздействия	Пути восполнения потребностей человека, предлагаемые МТО посредством своего мягкосилового влияния
Неудовлетворенные амбиции, нереализованность в обществе (отсутствие признания), дефицит самоуважения	убеждение в его исключительности, наличие у него возможности повлиять на проблемы в обществе (ставшими причинами неудовлетворенности субъекта);
Острое ощущение существующей в обществе социальной несправедливости	убеждение субъекта в необходимости противостоять социальной несправедливости разоблачение «реальных» виновников проблем в обществе; предложение «простых» способов восстановления справедливости
Финансовая несостоятельность или зависимость	завлечение крупным заработком, в основном за счет участия в боевых действиях
Острое чувство ненужности государству, испытание унижений со стороны, чувство ненужности семье	похвала за смелость и мужество выступить против устоев общества и противопоставление себя государству, обществу, социальной группе, семье предоставление возможности отомстить и избавиться от поруганной чести (для девушек, исповедующих ислам)
Переживание смерти близких людей, исповедующими ислам	представление возможности отомстить за смерть близких (стать «шахидом» или «шахидкой»)

кой-либо отрасли производства, культуре, науке и спорте, положительные примеры при реализации социально-значимых проектов и др.);

5) снижение моральных, культурных и духовных качеств российского общества ввиду отсутствия в стране государственной идеологии;

6) увеличение роста социального неравенства в обществе.

Таким образом, потенциал исламистских мягкосиловых ресурсов успешно реализуется в странах и регионах в период на-

растания кризисных явлений в обществе и государстве, дестабилизации общественно-политической ситуации в стране при условии полной или частичной потери управляемости со стороны органов власти. В такой период ресурсы «мягкой силы» государства теряют свою силу влияния на человека, который становится незащищенным перед возникающими социально-экономическими трудностями в его жизни. Тогда в силу вступают мягкосиловые ресурсы иностранных государств, деструктивных организаций, в том числе и террористических.

Литература:

1. Паршин П. Б., Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий (прекраснодушные заметки) // Борисова Е. Г., Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 21.
2. Манойло А. В., Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») // «Русская политология — Russian political science». URL: <https://rupolology.ru/wp-content/uploads/2018/05/Page-69-79.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
3. Общая характеристика пропагандистской деятельности международных террористических организаций // Научно-практический бюллетень НАК № 3 (55) / 2019. М. 2019. С. 193.
4. Тарыкин В. А., Действия международных террористических организаций, направленные на проникновение идеологии терроризма в российское общество // Научно-практический бюллетень НАК № 3 (55) / 2019. М. 2019. С. 178.

СОЦИОЛОГИЯ

Культура насилия в контексте движения футбольных фанатов (на примере фанатов футбольного клуба «Зенит»)

Лебедев Владислав Сергеевич, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге

Ключевые слова: культура насилия, футбольные фанаты, сцена, гегемонная маскулинность.

В современном мире болельщики являются главной движущей силой в спорте [16]. Но в то же время фанатские движения в контексте насильственного поведения являются проблемой для государства и общества. Современный мир знает огромное количество случаев насилия, связанного с футболом [8]. Поэтому необходимо знать культурные аспекты насильственных встреч, объясняющие и оправдывающие насилие. Феномен футбольного хулиганства широко распространен в зарубежных исследованиях. Существует ряд исследований футбольных групп в Великобритании, Италии и странах Балканского полуострова. Но, учитывая российский контекст, количество исследований неоправданно мало. Актуальность данной работы определяется социальной значимостью групп футбольных болельщиков и их насильственным поведением. Большой общественный резонанс был вызван событием, которое заставило всех фанатов страны, соревнующихся между собой, объединиться. Десятки болельщиков московского «Спартака» были задержаны и увезены сотрудниками правоохранительных органов накануне игры в Санкт-Петербурге 12/12/2019. Примечательно, что они не были задержаны во время осуществления их фанатской деятельности. Более того, они были несправедливо обвинены в незаконных действиях. Впоследствии фанатские объединения создали акцию, которая заключалась в том, чтобы покинуть стадион во время футбольного матча, акция получила название «Фанат не преступник» [Карцев, 2019]. Являются ли футбольные фанаты настолько «страшными» для общества и государства, что они заслуживают притеснения со стороны правоохранительных органов?

Таким образом, целью данного исследования является выявление ключевых особенностей культуры насилия в контексте движения футбольных болельщиков: на примере болельщиков футбольного клуба «Зенит». Предмет исследования — фанатское движение футбольного клуба «Зенит». Объект исследования — поведение болельщиков футбольного клуба «Зенит». Исследовательский вопрос — как культура насилия конструируется и транслируется на «сцене» футбольных фанатов в Санкт-Петербурге?

Цели исследования:

1. Раскрыть ключевые особенности морального режима в обществе «Вираз»,
2. Определить опыт участия в фанатском сообществе, в том числе опыт насилия в группе и за ее пределами,
3. Выявить и проанализировать воспроизводимые насильственные практики на фанатской «сцене» Санкт-Петербурга.

В этой работе будет применен качественный метод исследования — метод кейсов (case study method). Сбор данных будет осуществляться посредством полуструктурированных интервью. Для анализа данных будет использован метод описательного кодирования (descriptive coding method).

Структура этой работы следующая: исследование включает 2 главы и заключение. В первой главе приводится анализ соответствующей литературы, фундаментальных теорий, на которых основано это исследование. Вторая глава включает в себя описание методологии, обзор эмпирических данных и анализ собранных данных. В заключении будут представлены основные выводы исследования.

Обзор существующих научных дискурсов: исследования фанатов, насилия и молодежных сообществ

Подходы к изучению молодежных сообществ

Традиционный подход к изучению молодежи считается концепт субкультуры, который берет свое начало от изучения Чикагской школы. Все последующие исследования способствовали пониманию развития подхода путем критики и / или согласия с предыдущей работой в этой области. Таким образом, в конце 20-го века ряд теоретиков попытались изменить или заменить термин «субкультура» [21]. Кроме того, у подхода есть недостатки. При использовании этого подхода для него типично классифицировать группу по признаку, иными словами, подход обладает свойством гомогенизировать образцы поведения. Более того, он способен отвергать и не включать важный внешний фактор, такой как местные, локальные различия [2].

В современной научной практике принято использовать пост-субкультурный подход «сцены» для изучения молодежных культур. В работе Омельченко и Полякова [16] исследователи определяют «сцену» как: «локально организованный социальный мир — неформальная сеть людей, сообществ и организаций, которые совместно производят и репрезентируют определенный стиль жизни». Исследователи пишут о преимуществах концепции по сравнению с использованием субкультурного подхода. В качестве преимуществ подход «сцены» может проводить возможную категоризацию для выявления неоднородности и отдельных кластеров исследуемой группы. «Сцена» рассматривается со стороны, в которой каждый член сообщества может представлять культурную самобытность. Кроме того, «сцена» формирует определенный моральный режим, установленный группой, который создается и транслируется членами сообщества [16].

Для данного исследования пост-субкультурный подход «сцены» будет использоваться, как фундаментальный при изучении групп фанатов.

Аспекты, способствующие насильственному поведению

В научной литературе принято акцентировать внимание на взаимосвязи между алкоголем и насилием [12, 15]. Стивен Томсен в своем качественном исследовании показывает, что между случаями общественного насилия и коллективного употребления алкоголя существует сложная взаимосвязь. Хулиганский алкоголизм имеет тенденцию максимизировать мужскую идентичность, освобождая человека от социальных ценностей. Таким образом, существует жестокая конкуренция пьяных фанатов, которая может усилить социальные беспорядки [18].

Кроме того, в научном дискурсе принято отождествлять акты насилия с маскулинностью. Иерархия фанатских групп может быть построена на концепции гегемонистской маскулинности, которая была предложена австралийским социологом Р. Коннеллом [5]. Эта концепция будет использоваться при изучении «сцены» футбольных фанатов в Санкт-Петербурге, поскольку насильственные виды спорта образуют необходимый контекст для проявления маскулинности [13]. «Гегемонистская мужественность — та форма мужественности, которая является господствующей — определяется в отношении подчинения женщин и в отношении других (подчиненных, маргинальных) мужественностей» [Messner, 1990]. Такая социальная практика мужчин, ведущая к соблюдению некоторых стандартов мужественности, может привести к насилию [22]. Кроме того, Деметриу [6] в своем исследовании предлагает разделение на внутреннюю и внешнюю гегемонию. Согласно внутренней гегемонии, гегемония включает в себя стратификацию внутри группы, другими словами, доминирование одних мужчин над другими. Гегемония достигается как с помощью комплекса культурных и институциональных аспектов, так и с помощью насилия [4]. Насилие может отражаться в различных аспектах: проявляться в адрес идеологических врагов, проявляться в межличностных отношениях между мужчинами и находить место в конкурентной борьбе. Основными чертами гегемонистской маскулинности являются

гомофобия и оппозиция всему женственному. Гомофобный элемент присутствует, потому что гомосексуализм является воплощением женственности [7]. Гомофобия может быть отражена в моральном режиме «сцены». Следовательно, при анализе работы будет рассмотрен моральный режим. В контексте «сцены» моральный режим представляет общие взгляды и ценности людей [14].

Действия фанатов можно объяснить двумя разными подходами. Первым подходом считается индивидуальная характеристика болельщика, в которой индивид способен на насильственные действия. Более того, человек склонен к насильственному поведению из-за отсутствия чувства ответственности. Второй подход основан на групповом поведении, при котором индивид не склонен к саморегуляции и, кроме того, предрасположен к манипулированию со стороны другого члена сообщества, этот подход также характеризуется как потеря личности индивидом [20].

Насилие со стороны фанатов может быть результатом долгой конфронтации между несколькими фанатскими группировками. Во время долгой борьбы фанатские группы приобретают только негативные эмоции друг к другу. В результате такого длительного конфликта участники формируют коллективную память. Феномен коллективной памяти транслируется всем членам сообщества. Таким образом, последующие поколения фанатов смотрят на отношения с другой группой фанатов сквозь призму прошлого насильственного опыта [1].

Насильственное взаимодействие футбольных фанатов

Согласно данному исследованию? насилие будет рассматриваться как социокультурный феномен. Таким образом, чтобы «узаконить» насильственные действия на фанатской «сцене» Санкт-Петербурга, культура насилия может быть отражена в любом аспекте культуры [3].

Помимо ситуативных конфликтов, футбольные группы практикуют договорные насильственные встречи [Колегова и Кондратенко, 2020]. Одним из примеров таких ситуаций являются события 1997 года, когда в Бевервике в Нидерландах произошел конфликт между двумя конкурирующими фанатскими организациями, который закончился смертью одного из фанатов [10]. Большинство драк фанатов — результат заранее организованной встречи. Организаторы (лидеры) фанатских движений заранее договариваются о месте и времени столкновения [23].

Весь представленный научный дискурс направлен на решение исследовательских задач. Итак, культура насилия будет рассматриваться в плоскости фанатской «сцены», концепция которой позволит нам рассматривать индивида с его личными социокультурными характеристиками, не гомогенизируя группу по общему критерию. Фанатская деятельность в основном является мужской прерогативой, поэтому исследование основано на концепции гегемонной маскулинности, которая через насилие и физическую силу подчиняет другие формы маскулинности. Таким образом, насилие напрямую связано с фанатами, так как благодаря этому они формируют отношения с другими фанатами.

Фанатские насильственные практики

Дизайн исследования

Для этой работы была выбрана стратегия использования качественной методологии. В исследовании используется метод кейс-стади. Основными критериями отбора респондентов являются:

1. Возраст старше 18 лет (это ограничение вызвано трудностью получения необходимого разрешения от родителей или законного представителя для проведения интервью с несовершеннолетним),

2. Наличие годовой абонеента на фан-платформу «Вираз».

По результатам полевого исследования было проведено 11 интервью. Для меньшей однородности группы поиск респондентов проводился с использованием социальных сетей, таких как *Vkontakte* и *Instagram*. Используя хэштеги, относящиеся к фанатской активности в сетях, можно было обеспечить вход в группу с нескольких сторон. Более того, некоторые респонденты были найдены с использованием социального капитала исследователя.

Подготовленный гайд содержит 5 блоков вопросов. Первый блок вопросов содержит общую социально-демографическую информацию об респонденте. Второй блок включает вопросы о предыстории фанатов. Целью этого блока было выявить причины присоединения к фан-сообществу. Следующий блок вопросов был разработан, чтобы выделить некоторые культурные и идеологические характеристики сообщества, а также идентифицировать личную самоидентификацию члена группы, поэтому блок включал вопросы об опыте пребывания в фан-сообществе, общеполитические и идеологические взгляды сообщества. Четвертый блок вопросов является основополагающим для работы. Основной целью данного блока было выявление опыта насильственных действий человека и личных мотивов насилия. В этот блок входили такие вопросы: что может быть причиной применения физической силы к другим людям, есть ли у вас конфликты с фанатами других клубов, есть ли у вас какие-либо «мероприятия», направленные на выяснение отношений с фанатами других клубов.

Моральный режим футбольной фанатской «сцены» Санкт-Петербурга

Чтобы определить, как и через какие механизмы фанаты объясняют насильственные действия, необходимо определить идеологических «врагов» сообщества. В связи с этим тема политических и идеологических взглядов сообщества была включена в гайд. В результате интервью была получена информация о расизме, сексизме, отношении к ЛГБТ-движению и правоохранительным структурам в целом.

Расизм

В современном футболе наблюдается положительная тенденция к снижению количества проявлений расизма во время футбольных матчей, о чем свидетельствует исследование бри-

танского футбола [3]. Кроме того, Союз европейских футбольных ассоциаций (далее — УЕФА) организует акции против расизма и дискриминации по этническому, религиозному и гендерному признакам, а также поддерживает ЛГБТ движение [Social Responsibility, n.d.].

Наличие религиозного и национального плюрализма в обществе может вызвать конфликты:

«... нельзя предсказать, что может быть с появлением таких людей, это как некая искра, которая может разжечь какой-то конфликт, как внутри Виража, так и в индивидуальном плане, опять же есть люди, которые поддерживают там свои национальные именно движения, и может разгореться конфликт, зачем лишний раз это делать» [Муж. 33 лет]

Кроме того, присутствие индивида неславянской внешности в фанатской группировке является негативным фактором в формировании авторитета группы:

«...в коллектив мы не принимаем людей с такой внешностью, с такими корнями, даже какой бы человек не был, это все равно понимаешь, когда твой коллектив выйдет с твоим баннером — твой баннер, сектор, твой коллектив, на фотографии увидит, что у тебя там узбек, никто не будет там говорить, что вот он там хороший, да, никто не будет разбираться, просто скажут: «у них узбек». Это пятно. Это пятно причем ну такое нормальное и снова уже начнется, в цветах Зенита нет черного, а тут узбек на фотографии, ну как бы» [Муж. 24 лет]

Проявление насильственных действий на фанатской «сцене» Санкт-Петербурга носит ситуативный характер и чаще всего направлено на мигрантов из южных стран:

«...были ситуации с хачами, дрались с ними, но это так, как получится...» [Муж. 39 лет]

«...гости из Средней Азии у нас так скажем, творят ненужные вещи и очень много всяких новостей об изнасилованиях и прочей нечисти от этих лиц...» [Муж. 24 лет]

Гомофобия

Как отмечалось ранее, гомофобия является ключевым элементом гегемонистской маскулинности. Маргинализованные модели мужественности подчиняются доминирующей гегемонистской маскулинности. Следовательно, в контексте морального режима сцены гегемонистская маскулинность представляет собой набор социальных практик для подчинения маргинализованных мужчин, таких как представители сексуальных меньшинств [22]. На фанатской «сцене» Санкт-Петербурга наблюдается негативное отношение к ЛГБТ-движению.

«...в нашей стране, как по мне это такая практика неподдержки ЛГБТ-движения и я тоже считаю, в этом движении нет продолжения жизни и ничего полезного в этом нет...» [Муж. 33 лет]

Следование принципам гомосексуальной ориентации может привести к буллингу или конфликту:

«...Ну и мы весь матч кричали, короче там... Мало (кликча) — петух и так далее и тому подобное» [Муж. 24 лет]

Участники локальных фанатских фирм, находящиеся на фанатской платформе «Вираз» могут проявлять акты насилия против представителей сексуальных меньшинств:

«...у нас как бы все понимали, видишь пи***аса — бей» [Муж. 39 лет]

Отношение к правоохранительным органам

Актуальность данной работы была связана с притеснением болельщиков правоохранительными органами. Подтверждая эту тенденцию, все респонденты отметили подобные структуры как главных врагов сообщества. В целом фанаты проявили крайне негативное отношение к правоохранительным органам. Респонденты отмечают, что действия сотрудников правоохранительных органов являются причинами насильственных действий со стороны болельщиков:

«...но те меры, которые периодические принимаются, вот скорее вот это вот бесит, прям, то есть когда людей там приходят с обысками, вообще непонятно по какой причине, да, сажают на 15 суток за непонятно что, да, заставляют подписывать непонятные бумаги там, да, закидывать в черный список людей, которые там на футбол то ходят раз в 100лет» [Муж. 24 лет]

Фанатские насильственные практики

Насилие на фанатской «сцене» Санкт-Петербурга рассматривается внутри фанатского сообщества «Виразж» и за его пределами.

Насилие в сообществе «Виразж»

Все отобранные информанты отметили, что они имели опыт в различных конфликтах в повседневной жизни. Кроме того, 9 респондентов имели опыт конфликтных ситуаций с применением физической силы, связанной с их фанатской деятельностью:

«...в массовых драках я не участвовал, если были какие-то конфликты, это все-таки были какие-то рядовые случаи, то есть местного значения» [Муж. 33 лет]

Существует тенденция, при которой чем дольше фанат остается на «Виразже», тем больше он узнает и участвует в насильственных действиях и практиках фанатов. Это связано с тем, что локальные фан-фирмы являются очень скрытными и труднодоступными организациями:

«...Чтобы новеньких к себя взять мы примерно полгода-год просто за ними наблюдаем, они просто ходят с нами куда-то на мероприятия, на футбол...» [Муж. 26 лет]

Несмотря на все существующие принципы, на «Виразже» существуют различные виды конфликтов. Существующие конфликты в группе носят фрагментарный и исключительно краткосрочный характер:

«...один человек перепил и ни с чего начал оскорблять другого человека, ну тот ему в голову дал и все на этом в принципе все закончилось, там в принципе нет ни драк, ничего, как бы человек получил за дело, он потом проснулся пришел, извинился и все, конфликт прошел...» [Муж. 30 лет]

«...Да происходят иногда конфликты во время матча, это быстро решается...» [Муж. 22 года]

Насильственное взаимодействие фанатов на «сцене»

Фанатские атрибуты имеют большое символическое значение для фанатской фирмы. Эти группы стремятся максимизировать символическое потребление, они нацелены на создание флага, герба и других атрибутов для своей фанатской группировки на основе цветов клуба (например, Зенит — лазурный, белый, сине-бело-синий). Подобные атрибуты не являются экономически ценным предметом, они представляют лишь символическую ценность. Выражая символические ценности на футбольном поле и за его пределами, фанаты идентифицируют себя как неотъемлемую часть команды [W. A. Sutton et al., 1997]. Более того, изъятие фанатских атрибутов другой фанатской фирмы является одной из первоочередных задач насильственных встреч фанатов. Такое действие может привести к повышению авторитета в группе:

«...если ты отожмешь у кого-то цвета, ну в смысле атрибутику, то ты себе поднимаешь авторитет...» [Муж. 30 лет]

Отобранные атрибуты других фанатов принято публично уничтожать:

«Обычно сжигаем на стадионе, вывешивается, сжигается, чтобы оппонент видел, как-то так» [Муж. 24 лет]

«...отжать «розу», спалить ее во время матча, баннер отжать, ну другие атрибутики, чтобы потом публично сжечь» [Муж. 26 лет]

Причиной насильственного взаимодействия с представителями других фирм является приверженность клубным цветам. Такие встречи — так называемые «забивоны» проводятся для укрепления связей между членами фанатской фирмы. Более того, такие ситуации могут идентифицировать истинные качества человека:

«... для кого-то это проверить свои силы, там, своего коллектива, для кого-то это закалка людей...» [Муж. 24 года]

«...я сам выходил периодически так, и в этот момент, когда ты стоишь там, со своим человеком бок о бок, и там друг друга либо выручаете, либо оба там пи***лей получаете, ну у вас там как-то все равно друг к другу доверие намного, возрастает, как-то уважение друг к другу, ну ты знаешь, что этот человек там не побежит, в случае чего-то, а он с тобой будет до конца стоять, как бы и получать люлей будете вместе. То есть, это как-то ну сближает это, действительно...» [Муж. 24 года]

Вывод

Основной целью данной работы было раскрытие ключевых особенностей культуры насилия в контексте фанатского движения на примере футбольных фанатов «Зенита». Для этой работы было рассмотрено фанатское сообщество «Виразж», так как оно является одним из крупнейших фанатских образований в России. Фанатская «сцена» города в основном представлена фанатами «Зенита», поскольку «Зенит» — единственная профессиональная команда, выступающая в элитном российском футбольном дивизионе.

В результате этого исследования было получено 11 полуструктурированных интервью. Анализ данных осложнялся разнообразием вовлеченности отдельных индивидов в фан-

группу. Сообщество «Выраж» обладает свойством гетерогенности его участников. Однако, локальные фанатские фирмы, находящиеся на Выраже, достаточно гомогенизированы. Таким образом, концепт «сцены» позволил нам рассмотреть разнообразие включенности в группу.

Фанатская «сцена» Петербурга рассматривается как многосложный механизм с некоторыми особенностями. Понятие гегемонистской маскулинности было необходимо для того, чтобы рассматривать проявления насилия в различных социокультурных аспектах. Кроме того, в контексте этого исследования культура насилия была связана с воспроизведением смыслов. В результате были выявлены идеологические враги сообщества и насильственные конфликты на исследуемой «сцене».

Контингент фанатской группы Выраж довольно разнородный, об этом свидетельствуют социально-демографические данные респондентов. В большинстве случаев представители фанатских фирм являются инициаторами насильственных действий. Насилие может быть осуществлено против идеологических врагов. В фанатской плоскости основными идеологическими врагами сообщества являются лица, поддерживающие сексуальные меньшинства, представители афроамериканской, азиатской и кавказской национальностей, а также сотрудники правоохранительных органов.

В контексте фанатской сцены Санкт-Петербурга были выявлены некоторые воспроизводимые насильственные практики: изъятие и уничтожение фанатских атрибутов другой команды и насильственные встречи с другими фанатами. В целом, атрибуты фанатов характеризуются высокой символической ценностью. Практика «фанатских фирм» состоит в том, чтобы от-

бирать «чужие цвета» и публично уничтожать их. Еще одна воспроизводимая практика — это договорные или ситуативные насильственные встречи с представителями фан-фирм других команд. Эти встречи имеют глубокий социологический аспект, в соответствии с такими ситуациями участники усиливают ментальную связь друг с другом и выявляют свои истинные качества.

В то же время на фанатской платформе «Выраж» также могут возникать конфликты, которые носят фрагментарный характер.

Актуальность этой работы была вызвана негативной тенденцией притеснения футбольных фанатов в России. В связи с этим одним из главных идеологических врагов сообщества является правоохранительные структуры. Насилие со стороны фанатов может быть ответной реакцией на действия правоохранительных органов. Более того, фанаты используют насилие со стороны полиции, чтобы «узаконить» свои действия, представляя их как защитную реакцию.

Отвечая на исследовательский вопрос, феномен насилия со всеми его социокультурными аспектами транслируется только участникам локальных фан-фирм и построен только в подобных узких кругах. Таким образом, культура насилия существует и конструируется с использованием различных культурных аспектов. Моральный режим сцены служит механизмом через который фанаты склонны объяснять насильственное поведение.

Подводя итог, следует отметить, что это исследование может послужить отправной точкой для дальнейших исследований российских фанатов, в частности, исследований локальных фирм на фанатской «сцене» Санкт-Петербурга.

Литература:

1. Bar-Tal, D. (2003). Collective Memory of Physical Violence: Its Contribution to the Culture of Violence. In E. Cairns & M. D. Roe (Eds.), *The Role of Memory in Ethnic Conflict* (pp. 77–93). Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9781403919823_5
2. Blackman, S. (2005). Youth Subcultural Theory: A Critical Engagement with the Concept, its Origins and Politics, from the Chicago School to Postmodernism. *Journal of Youth Studies*, 8(1), 1–20. <https://doi.org/10.1080/13676260500063629>
3. Cleland, J., & Cashmore, E. (2014). Fans, Racism and British Football in the Twenty-First Century: The Existence of a ‘Colour-Blind’ Ideology. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(4), 638–654. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.777524>
4. Connell, R. W., & Messerschmidt, J. W. (2005). Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender & Society*, 19(6), 829–859. <https://doi.org/10.1177/0891243205278639>
5. Connell, R. W. (2005). Masculinities. *Polity*.
6. Demetriou, D. Z. (2001). Connell’s concept of hegemonic masculinity: A critique. *Theory and Society*, 30(3), 337–361. <https://doi.org/10.1023/A:1017596718715>
7. Donaldson, M. (1993). What Is Hegemonic Masculinity? *Theory and Society*, 22(5), 643–657. JSTOR.
8. Dunning, E. G., Maguire, J. A., Murphy, P. J., & Williams, J. M. (1982). The social roots of football hooligan violence. *Leisure Studies*, 1(2), 139–156. <https://doi.org/10.1080/02614368200390121>
9. Картцев, Д. «Фанат не преступник». Из-за полицейского произвола российские футбольные фанаты массово покидают стадионы прямо во время матчей // URL: <https://meduza.io/feature/2019/12/07/bez-boleschikov-futbola-net-rossiyskie-fanaty-massovo-pokidayut-stadiony-priamo-vo-vremya-matchey-iz-za-politseyskogo-proizvola> (дата обращения: 07.12.2019)
10. Kerr, J. H., & de Kock, H. (2002). Aggression, violence, and the death of a Dutch soccer hooligan: A reversal theory explanation. *Aggressive Behavior*, 28(1), 1–10. <https://doi.org/10.1002/ab.90001>
11. Kolegova, I. E., & Kondratenko, V. A. (2020). The Football Fan Movement: Structure and Collective Identities. *Inter*, 12(21), 118–135. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.7>
12. Lipton, R., & Gruenewald, P. (2002). The spatial dynamics of violence and alcohol outlets. *Journal of Studies on Alcohol*, 63(2), 187–195. <https://doi.org/10.15288/jsa.2002.63.187>

13. Messner, M. A. (1990). When bodies are weapons: Masculinity and violence in Sport. *International Review for the Sociology of Sport*, 25(3), 203–220. <https://doi.org/10.1177/101269029002500303>
14. Omelchenko, E., & Polyakov, S. (2017). The Concept of Cultural Scene as Theoretical Perspective and the Tool of Urban Communities Analysis. *Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*, 16(2), 111–132. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>
15. Parker, R. N., & Auerhahn, K. (1998). Alcohol, Drugs, and Violence. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 291–311. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.291>
16. Smith, P. (2014) World football From consumption to sponsorship: How fans are changing the commercial landscape of the beautiful game. Retrieved from https://niensports.com/wp-content/uploads/2014/09/Repucom_World-Football.pdf
17. Sutton, W. A., McDonald, M. A., Milne, G. R., & Cimperman, J. (1997). Creating and fostering fan identification in professional sports. *Sport marketing quarterly*, 6, 15–22.
18. Tomsen, S. (1997). A TOP NIGHT: Social Protest, Masculinity and the Culture of Drinking Violence. *British Journal of Criminology*, 37(1), 90–102. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014152>
19. UEFA.com. Social Responsibility. Retrieved from <https://www.uefa.com/insideuefa/social-responsibility/>
20. Van Hiel, A., Hautman, L., Cornelis, I., & De Clercq, B. (2007). Football hooliganism: Comparing self-awareness and social identity theory explanations. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 17(3), 169–186. <https://doi.org/10.1002/casp.902>
21. Wheaton, B. (2007). After Sport Culture: Rethinking Sport and Post-Subcultural Theory. *Journal of Sport and Social Issues*, 31(3), 283–307. <https://doi.org/10.1177/0193723507301049>
22. Zdravomyslova, E. A., & Temkina, A. A. (2018). What is «Masculinity»? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *The Monitoring of Public Opinion Economic&social Changes*, 6. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
23. Яковлев, А. Футбольные хулиганы и ультрас. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/people/308655-futbolnye-fanaty> (дата обращения: 25.04.2020)
24. Якуба А. В. Футбольные фанаты как субкультура в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2014. — № 4 (26).

Выявление проблем в эстетическом воспитании молодежи

Самойленко Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Кисиленко Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассмотрены понятия «эстетика», «культура» и «эстетическое воспитание». Представлены некоторые данные эмпирического исследования проблем эстетического воспитания молодежи. Проведен анализ проблем в эстетическом воспитании молодежи в городе Белгороде.

Ключевые слова: молодежь, эстетика, культура, эстетическое воспитание, методы эстетического воспитания молодежи.

Эстетическое воспитание обеспечивает комплексный подход к развитию личности. Оно затрагивает все сферы жизнедеятельности молодого человека. Молодые люди постоянно взаимодействуют с эстетическими явлениями в духовной жизни, повседневном труде, общении с искусством и природой, в быту и межличностном общении.

В процессе эстетического воспитания происходит приобщение индивидов к ценностям, перевод их во внутренние установки благодаря усвоению структур внешней социальной действительности. Воспитание через красоту формирует не только эстетико-ценностную ориентацию личности, но и развивает способность к творчеству, к созданию эстетических ценностей в трудовой деятельности, в быту и в поведении.

Эстетика — это наука о чувственном познании, постигающем и создающем прекрасное и выражающемся в образах искусства [3].

Культура — это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных обществом и характеризующих определенный уровень его развития [2].

Для изучения и анализа проблем эстетического воспитания молодежи необходимо иметь представление о эстетическом воспитании молодежи. Эстетическое воспитание молодежи — это целенаправленное, систематическое воздействие на личность, с целью ее эстетического развития, то есть формирования творчески активной личности, способной воспринимать и оценивать прекрасное в природе, труде, общественных отношениях с позиций эстетического идеала, а также испытывать потребность в эстетической деятельности [1].

Главная цель эстетического воспитания молодежи заключается в том, чтобы взрастить в человеке эстетическую культуру. Эстетическая культура — это способность и умение почувствовать свою связанность мира, содержательно пережить

и человечески ценностно выразить полноту и многообразие этих отношений [4, с. 32].

Для анализа проблем эстетического воспитания молодежи нами было проведено социологическое исследование среди молодежи города Белгорода, которое позволило определить, как молодые люди относятся к искусству, как часто они участвуют в культурных мероприятиях и посещают учреждения культуры в целом, а также как оценивают методы эстетического воспитания молодежи. Участниками анкетного опроса выступала молодежь города Белгорода в возрасте от 14 до 30 лет (N=390). Анкета состояла из 21 вопроса.

Для начала мы решили узнать, как часто молодые люди посещают учреждения культуры. Мы выделили 6 основных учреждений (выставочные залы и музеи, досуговые центры, театры, кинотеатры, концертные учреждения, библиотеки) и определили частоту посещения молодежью каждого из них. Самым популярным местом для молодежи являются кинотеатры, которые более 75% посещают ежемесячно или хотя бы раз в полгода. На втором месте находятся досуговые центры, 50% опрошенных посещают их с той же частотой. И на третьей позиции концертные организации, которые привлекают 45% респондентов. Это позволяет нам сделать вывод о том, что молодые люди посещают учреждения культуры и довольно часто, значит они так или иначе вовлечены в процесс эстетического воспитания. Стоит отметить, что самым непопулярным местом среди молодежи являются театры, так как 25% опрошенных вообще не посещают их, 23% делают это очень редко. Также не особой популярностью у молодежи пользуются выставочные залы, музеи и библиотеки. Далее нами были определены учреждения, которые молодежь хочет посещать чаще. Что примечательно, к ним относятся не те только объекты культурной инфраструктуры, пользующиеся популярностью у молодых людей (кинотеатры и концертные организации), но те, которые посещаются меньше всего (театры, выставочные залы и музеи). К сожалению, того же нельзя сказать о библиотеках, их большинство молодежи посещает реже всего и посещать чаще не хочет (46%).

Для дальнейшего исследования нам необходимо понимать, что выберет молодежь, если у нее будет свободное время. И судя по результатам опроса большинство (44%) предпочтут культурный досуг развлекательному, следовательно, эстетика молодежи, так или иначе, интересна, следовательно, проект, связанный с эстетическим воспитанием, может быть востребован в молодежной среде.

Наиболее предпочтительны в молодежной среде такие медиапродукты как фильмы (76%) и концерты (55%). Телеспектакли и репортажи о выставках смотрит четверть опрошенных. В целом, исходя из результатов исследования, можно говорить о том, что молодежь любит смотреть культурные программы и интересуется контентом эстетического содержания.

В танцевальных объединениях состоят 25% опрошенных, в музыкальных 18%, в художественных 14% и в театральных 11%. Хотя такие структуры призваны формировать и развивать творческие способности, удовлетворять потребности в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании.

Опрос показал, что 45% не знают о мероприятиях эстетической направленности, которые проводятся в городе Белгороде, 36% опрошенных информированы частично и только

19% в полной мере, что свидетельствует об определенных проблемах информационного и SMM сопровождения.

Молодежь узнает о мероприятиях в основном через социальные сети (64%), интернет (56%) и афиши (52%), следовательно, необходимо делать упор на данные каналы распространения информирования, но также более активно использовать ресурсы учебных заведений (направлять информационные письма, посещать и информировать молодых людей лично, рассказывая о предстоящих мероприятиях).

Большинство молодых людей редко посещают мероприятия, связанные с эстетикой, (46%) или же совсем не принимают в них участие (29%). Необходимо понимать по каким причинам молодежь участвует в эстетических мероприятиях редко, либо не участвует вовсе. 53% опрошенных отмечали нехватку времени, 18% неосведомленность об их проведении, 15% неинтересный формат. Из этого следует, что необходимо больше информировать молодежь о мероприятиях эстетической направленности, а также подстраивать формат данных мероприятий под запросы молодежной аудитории.

Большинство опрошенных считает, что им нужны занятия по эстетическому воспитанию (47%). Это говорит нам о том, что все-таки для молодежи эстетическое воспитание играет немаловажную роль, а также, что им нужно оказывать поддержку и целенаправленно создавать условия для развития эстетического восприятия, оценки и творческого воображения. 25% считают, что им не нужны занятия по эстетическому воспитанию, 28% затруднились ответить. Так как 25% ответили, что им не нужны занятия по эстетическому воспитанию, важно было понять, с чем это связано. 64% молодежи считают, что они при необходимости смогут сами повысить уровень эстетической культуры, 21% находят неинтересной эстетику и искусство, 11% уверены, что у них уже высокий уровень эстетической культуры. Главной причиной, по которой молодежи нужны занятия по эстетическому воспитанию является желание повысить свой уровень эстетической культуры (42%), приобрести новые эстетические знания, умения, навыки, развить творческие способности, получить или расширить имеющийся созидательный опыт. 29% опрошенных в целом интересна сфера искусства и каждый четвертый хочет творчески самореализовываться и самовыражаться.

Наибольший интерес у молодежи вызывают такие методы эстетического воспитания как: прослушивание музыки (50%), посещение музеев, картинных галерей, выставок (45%), а также загородные прогулки и занятия спортом — 42%, чтение художественной литературы — 36%, интерактивные методы (29%) и беседы, дискуссии (28%). Таким образом, при разработке проекта эстетического воспитания, необходимо использовать комплекс вышеперечисленных методов. Наименьший интерес вызывают образовательные форматы, в частности, семинары (38%).

В следующем вопросе респондентам необходимо было определить степень эффективности различных методов эстетического воспитания. Полученные результаты показывают, что наиболее эффективными молодые люди считают чтение художественной литературы (35%), интерактивные методы (34%), посещение музеев, картинных галерей, выставок (32%), а самыми неэффективными те форматы, которые не вызывают их интерес, то есть образовательные.

Далее мы предлагали респондентам парные суждения и просили выбрать то, которое им наиболее близко. Мнения опрошенных разделились почти пополам. 49% считают, что современная молодежь интересуется искусством и культурой, воспринимает ее как поле для самореализации и самовыражения, а также ищет в культуре развлекательную и релаксирующую сторону и 51% считает, что молодежь не интересуется искусством, свободное время она проводит не в учреждениях культуры.

Таким образом, проанализировав результаты исследования эстетического воспитания современной молодежи и изучив мнение молодежи, можно сделать ряд выводов:

Литература:

1. Андреева, Л. В. Эстетическое воспитание молодежи // Молодежь. Образование. Общество: материалы Международной НПК. — 2017. — URL <https://posidpo.ru/andreeva-l-v-esteticheskoe-voospitanie/> (дата обращения: 8.05.2020).
2. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> — Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer (дата обращения: 2.05.2020).
3. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/ — Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer (дата обращения: 3.05.2020).
4. Эстетическая культура: сб. ст. / под ред. И. А. Конинова. — М.: ИФРАН, 1996. — 200 с.

Сложности процесса формирования карьерных траекторий выпускников вузов

Сидельников Юрий Анатольевич, студент

Научный руководитель: Маркина Наталья Леонидовна, кандидат политических наук, доцент

Тулский государственный университет

Современные выпускники вузов являются достаточно неоднозначной социальной группой, имеющей ряд особенностей, многие из которых способны послужить препятствием при формировании карьерных стратегий. Среди подобных особенностей можно выделить несколько: во-первых, низкий уровень социальной ответственности многих молодых людей; во-вторых, недостаточную информированность студентов об особенностях предстоящей профессиональной деятельности; в-третьих, завышенные ожидания молодых людей по поводу условий труда и заработной платы на первом рабочем месте.

Безусловно, причины создания трудностей формирования карьерных стратегий исходят не только от самих студентов и выпускников, но и от их потенциальных работодателей. Большинство компаний игнорируют плюсы работы с молодыми специалистами, часто даже не задумываясь об их наличии. Между тем, можно выделить ряд значительных преимуществ у молодых людей, устраивающихся на свою первую или вторую работу:

1) Дешевизна.

Несмотря на то, что амбиции у многих молодых специалистов бывают достаточно высоки, большинство из них готовы начинать свою трудовую карьеру со сравнительно низкого уровня заработной платы. Таким образом, компании заметно снижают свои расходы, нанимая молодых работников.

1. Молодые люди не посещают вообще или посещают редко театры, выставочные залы, музеи. Это является проблемой, ведь данные учреждения играют огромную роль во всестороннем развитии личности, особенно в эстетическом плане, поэтому необходимо усовершенствовать способы привлечения молодежи в данные учреждения.

2. Уровень информированности о мероприятиях эстетической направленности в молодежной среде очень низкий, а сам формат работы не всегда учитывает интересы, склонности и запросы, что создает препятствия для развития творческого потенциала и художественно-познавательной активности молодых людей.

2) Энтузиазм.

Одно из наиболее ярких и характерных качеств молодых работников — их энергия и воодушевленное увлечение делом. Юношеский максимализм всё ещё присущ большинству выпускников учебных заведений, что даёт им весьма заметное преимущество в сравнении с опытными специалистами, которые, как правило, устают от трудовой деятельности.

3) Стремление доказать работоспособность.

Некоторые организации используют для новых работников метод испытательного срока, другие же нанимают на полную ставку непосредственно после собеседования. В любом случае, молодой специалист, как правило, изо всех сил старается доказать свою работоспособность, стремится показать, что он является достойным работником и не зря занимает своё место в коллективе. Данное условие, несомненно, можно считать весомым фактором мотивации.

4) Дисциплина и исполнительность.

Молодые сотрудники исполнительны и дисциплинированы, поскольку работа для них чрезвычайно важна. В силу вышеуказанных пунктов новобранцы в организации отличаются высоким уровнем мотивации, а значит, ими легко руководить.

5) Универсальность.

Большинство выпускников учебных заведений обладают достаточным уровнем обучаемости. В процессе поиска работы многие выражают готовность не только воспользоваться по-

лученными за период обучения в вузе знаниями, но и освоить что-то новое, повысить квалификацию.

б) Свежий взгляд.

Для опытных работников и специалистов характерен определённый набор стереотипов, устоявшихся в их сознании за время трудовой деятельности. Большинство людей, проработавших на организацию более трёх лет, не способно взглянуть на рабочую ситуацию под другим углом, найти нестандартное решение. Для молодых же сотрудников нестандартное мышление нередко является наиболее очевидным, что даёт им заметное преимущество.

Безусловно, нельзя не отметить, что выпускники ВУЗов обладают не только преимуществами, но и весьма очевидными недостатками, которые не могут игнорировать работодатели:

1) Низкая стрессоустойчивость.

На этапе обучения в вузе, молодые люди сталкиваются с различного рода задачами, многие из которых, учитывая разнообразные факторы (в том числе, не связанные с учебной жизнью) кажутся достаточно непростыми в выполнении. Но, если сравнивать с трудовой деятельностью в организации, на них ложится намного меньшая ответственность, поскольку на работе неправильное или несвоевременное решение определённой задачи может подвести не только одного сотрудника, но и весь отдел, а иногда и всю компанию.

2) Дополнительное обучение.

Несмотря на то, что выше способность и желание обучаться у молодых людей были указаны как положительные качества, курсы повышения квалификации могут быть рассмотрены работодателем как лишние затраты. Кроме того, интеграция молодого и неопытного сотрудника в коллектив и рабочий процесс вполне может занять относительно длительное время, которое, в свою очередь, так же является ценным ресурсом компании.

3) Нестабильность.

Очень часто первая работа после окончания ВУЗа рассматривается молодыми людьми как своеобразный эксперимент.

Молодёжь далеко не всегда знает, чего именно хочет от жизни и карьеры. Многие на собеседовании говорят о долгосрочных перспективах, но через считанные месяцы изъявляют желание покинуть организацию, ссылая на то, что им данная работа не подходит. Безусловно, подобные ситуации отталкивают работодателей от найма молодых специалистов.

Работодатели отдают предпочтение таким факторам как надёжность, опыт работы и изначально высокая степень квалификации.

Наличие данного противоречия хорошо известно большей части студентов, что влияет на уровень их мотивации, которая, в свою очередь оказывает влияние на их дальнейшую конкурентоспособность на рынке труда.

Конкурентоспособность, пожалуй, является одним из ключевых понятий при оценке уровня молодого специалиста. По сути, в нём можно рассматривать качества молодого человека как личности и как специалиста одновременно. Этот термин является целостным понятием, включающим совокупность различных квалификационных, мотивационных и личностных составляющих элементов.

Мотивационная составляющая считается системообразующей ко всем оставшимся составляющим конкурентоспособности, поскольку с одной стороны, она играет роль так называемого пускового механизма, который определяет какие возможности и качества нужно развивать, а с другой стороны, она связана с системой цели, ценностей, имеющих отношение, в том числе и к трудовой деятельности [1, с 3].

Подводя итог, хочется отметить, что мотивирование будущих специалистов не является обязанностью работодателей, и основная ответственность за своё будущее всё же лежит на плечах самих выпускников. Сложности, с которыми они сталкиваются нельзя назвать незначительными, но они, безусловно, не должны останавливать студентов в их грамотном формировании карьерных стратегий.

Литература:

1. Чуланова О. Л., Колтунович М. А., Яворская К. И. Эффективные технологии взаимодействия работодателей с выпускниками вузов с целью формирования компетенций конкурентоспособных специалистов на рынке труда. 2016. С. 3.

ПСИХОЛОГИЯ

Уровень тревожности у пожилых слабовидящих пациентов

Бикбов Мухаррам Мухтарамович, доктор медицинских наук, профессор, директор;
Зайнуллин Ринат Мухаметович, кандидат медицинских наук, зав. отделением
Уфимский научно-исследовательский институт глазных болезней Академии наук Республики Башкортостан

Зайнуллина Альфия Марсельевна, магистр;
Митина Галина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Цель: изучить уровень тревожности у больных с социально-значимой патологией органа зрения.

Все участники исследования были разделены на две группы: 1 группа — 33 человек, имеющих нарушения зрения (катаракта, глаукома, возрастная макулярная дегенерация, диабетическая ретинопатия), бинокулярная максимально скорректированная острота зрения по таблице Головина-Сивцева составила в среднем $0,08 \pm 0,01$. Группа 2—31 человек, без офтальмопатологии, бинокулярная МКОЗ составила в среднем $0,75 \pm 0,1$. В ходе исследования нами были оценены уровни личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханиной

Выявлены средний и высокий уровни личностной и ситуативной тревожности, найденные у большинства респондентов первой группы (60,6% и 60,5% соответственно). Сравнительный анализ показал, что среди лиц с нарушениями зрения людей со значительными нарушениями в уровне тревожности больше, чем в контрольной группе, без нарушений зрения. Такие люди склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизни в самых разных ситуациях и реагируют особенно выраженным состоянием тревоги.

Определены значительные различия в уровне восприятия мира между людьми с нарушениями зрения и людьми с высокими зрительными функциями.

Ключевые слова: психология, тревожность, слабовидящие.

Проблемы зрения затрагивают все сферы жизнедеятельности, в том числе эмоциональной, развитие которой у людей с дефектами зрительной функции отличается от развития людей с нормальным зрением по многим параметрам [1, 2].

Даже по самым скромным подсчетам, по крайней мере, 80% информации поступает только через органы зрения. Зрительные ощущения и восприятия дают человеку наибольшее количество тонко дифференцированных данных самого широкого диапазона. Достаточно сказать, что количество визуальных фиксаций за один день достигает только около 100 000 на человека, хотя, конечно, не все они становятся фактами сознания и являются информационными, что объясняется избирательностью восприятия [1,2,3].

Эмоциональные переживания — важнейший компонент адаптивного поведения человека. Наиболее выраженные эмоциональные реакции, к которым в первую очередь относится тревожность, как правило, возникают в критические моменты разбалансированности взаимодействия человека и среды, особенно при слабовидении. Поэтому измерение тревожности как свойства личности особенно важно и во многом обуславливает поведение субъекта. Определенный уровень тревожности — естественная и обязательная особен-

ность активной деятельной личности. У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности — это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания.

Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающих, отвечая на них определенной реакцией.

Личностная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасность для самооценки, самоуважения.

Другой вид тревожных реакций — ситуативная или реактивная тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Она возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разной по интенсивности и динамичности во времени [4].

Цель исследования: изучить уровень тревожности у больных с социально-значимой патологией органа зрения.

Материалы и методы: исследование проводилось на базе консультативной поликлиники ГБУ «Уфимский НИИ глазных болезней АН РБ», в котором приняли участие 64 человека. Средний возраст составил $78,3 \pm 4,7$ лет.

Все участники исследования были разделены на две группы:

- 1 группа — 33 человек, имеющих нарушения зрения (катаракта, глаукома, возрастная макулярная дегенерация, диабетическая ретинопатия), бинокулярная максимально коррегированная острота зрения (МКОЗ) по таблице Головина-Сивцева составила в среднем $0,08 \pm 0,01$,

- 2 группа — 31 человек, без офтальмопатологии, бинокулярная МКОЗ составила в среднем $0,75 \pm 0,1$.

В ходе исследования нами были оценены уровни личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханиной, выраженность которых интерпретировалась следующим образом: до 30 баллов — низкая; 31–44 балла — умеренная, 45 и более — высокая, т.е. наибольшему показателю соответствовал высокий уровень тревожности.

Результаты и обсуждение

Исследования в группе лиц с нарушением зрения показали: низкий уровень ситуативной тревожности наблюдался у 5 человек (15,1%), средний у 12 (36,3%), высокий у 8 (24,2%); высокий уровень личностной тревожности наблюдается у 7 (21,2%), у 13 человек (39,4%) средний и низкий уровень у — 5 человек (15,1%) (рис. 1).

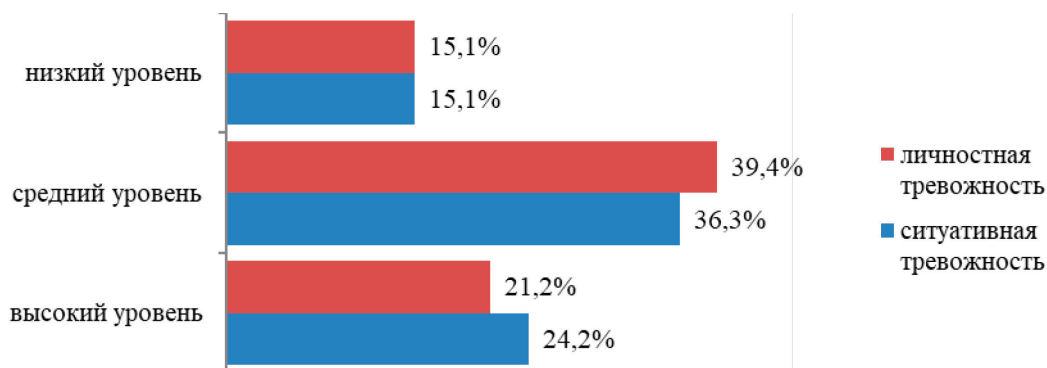

Рис. 1. Распределение уровней ситуативной и личностной тревожности у лиц с нарушением зрения

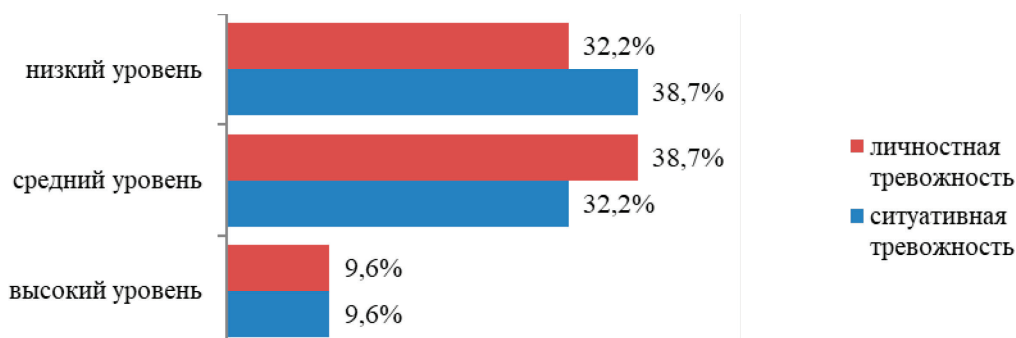

Рис. 2. Распределение уровней ситуативной и личностной тревожности у лиц без нарушения зрения

Исследования, проведенные в контрольной группе у лиц без нарушения зрения показали, что высокий уровень ситуативной тревожности наблюдался у 3 человек (9,6%), средний у 10 человек (32,2%), у 12 (38,7%) — низкий; низкий уровень личностной тревожности наблюдался у 10 человек (32,2%), средний у 12 (38,7%) и высокий у 3 человек (9,6%). Графически данные представлены в виде диаграммы (рис. 2).

Сравнительный анализ тревожности у первой и второй группы в процентном отношении отражен в диаграмме (рис. 3).

Как видно на рисунке, среди лиц с нарушениями зрения людей с сильными нарушениями в уровне тревожности больше, чем в контрольной группе, без нарушений зрения. Такие люди склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизни в самых разных ситуациях и реагируют очень выраженным состоянием тревоги.

Таким образом, полученные результаты дополняют наше представление о проблемах, которые негативно влияют на эмоциональную сферу пожилых людей с дефектами зрения. К ним относятся: неадекватное

восприятие себя как личности; переживание состояния эмоционального неблагополучия; плохая адаптация к быстро меняющимся социально-экономическим условиям; нарушение системы межличностных и личностно-групповых коммуникаций.

Все эти факторы на фоне снижения зрительных функций и низкой самооценки формируют у пожилых людей высокий уровень тревожности с признаками депрессии и повышенной

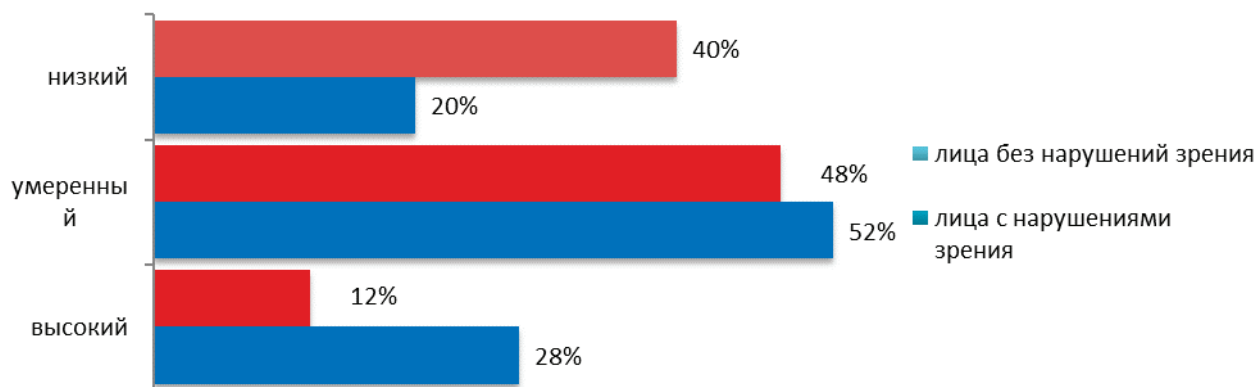

Рис. 3 Распределение уровней тревожности у пациентов 1 и 2 группы

враждебности, что в конечном итоге определяет их депрессивно-оборонительную позицию.

Заключение

Средний и высокий уровни личностной и ситуативной тревожности, найденные у большинства респондентов первой

группы (60,6% и 60,5% соответственно), свидетельствуют о том, что при воздействии стрессовых факторов у пожилых слабовидящих пациентов истощаются резервы адаптации. Это дает нам основание полагать, что существуют значительные различия в уровне восприятия мира между людьми с нарушениями зрения и людьми с высокими зрительными функциями.

Литература:

1. Бикбов М. М., Зайнуллин Р. М., Гильманшин Т. Р., Халимов Т. А. Сравнительный анализ отдаленных результатов хирургического лечения диабетического макулярного отека и эпиретинальной мембраны // Офтальмология. 2019. Т. 16. № S1. С. 33–39.
2. Бикбов М. М., Файзрахманов Р. Р., Ярмухаметова А. Л., Зайнуллин Р. М. Структурно-функциональный анализ центральной зоны сетчатки у пациентов с диабетическим макулярным отеком / Сахарный диабет. 2015. Т. 18. № 4. С. 99–104.
3. Ермолаева, М. В. Практическая психология старости / М. В. Ермолаева. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. — 320 с.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб: Питер, 2002. — 115 с.
5. Кантор В. З. Педагогическая реабилитация и стиль жизни слепых и слабовидящих / В. З. Кантор. — М.: Каро, 2004. — 240 с.
6. Митина Г. В., Шаяхметова Э. Ш., Макушкина О. М. Субъективная оценка психоэмоционального состояния пожилых людей / Электронный научно-образовательный вестник Здоровье и образование в XXI веке. 2018. Т. 20. № 3. С. 44–49.
7. Шаяхметова Э. Ш., Митина Г. В., Макушкина О. М. Особенности психических состояний у лиц пожилого возраста, живущих в семьях и домах престарелых. / Электронный научно-образовательный вестник Здоровье и образование в XXI веке. 2018. Т. 20. № 2. С. 47–52.
8. Bikbov M. M., Kazakbaeva G. M., Gilmanshin T. R., Zainullin R. M. et al. Axial length and its associations in a russian population: THE URAL EYE AND MEDICAL STUDY // PLoS ONE. 2019. Т. 14. № 2. с. e0211186.

К проблеме агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста

Билинская Ксения Николаевна, студент магистратуры
Кемеровский государственный университет

В статье раскрыта актуальность, названы некоторые методы и методики исследования агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста, обсуждены его результаты.

Ключевые слова: старший дошкольный возраст, агрессивность, агрессивное поведение.

Назначением дошкольного образования на современном этапе является формирование целостной всесторонне развитой и гармоничной личности. Планируется, что по окончании зачисления первоклассник должен не только иметь опре-

деленный багаж знаний и опыта. Малыш должен комфортно и уверенно чувствовать себя в социуме, знать и применять правила поведения, быть самостоятельным, ответственным, проявлять инициативу и таланты [6].

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования обеспечивает охрану и укрепление физического и психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия. А также формирование общей культуры личности детей, в том числе ценностей здорового образа жизни, развития их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка (в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования от 14 ноября 2013 года) [7].

Дошкольное образование предполагает формирование у детей поведения, адекватного принятым в обществе морально-этическим и правовым нормам. Отечественный ученый социолог Ю. А. Клейберг определяет понятие социальные нормы как «определенная система норм (ценностей), включающая требования к поведению и обязанностям членам данного общества» [3, с. 16].

Представляется очевидным, что агрессивное поведение детей старшего дошкольного возраста является острой социальной проблемой. Агрессивность затрудняет приспособление детей к условиям жизни в обществе и играет значительную роль в отклоняющемся поведении несовершеннолетних. При этом складывается дезадаптивное поведение детей и подростков, которое осложняет их социализацию в обществе в целом [1].

Для получения данных об уровне агрессивных проявлений у старших дошкольников и факторах, влияющих на него, нами проведено исследование на базе МАДОУ № 221 «Детский сад комбинированного вида» г. Кемерово в старшей группе. В исследовании приняли участие 14 детей (6 девочек и 8 мальчиков) в возрасте 5–6 лет, являющиеся воспитанниками старшей группы, а также 2 педагога.

Методики исследования: анкета для воспитателей «Критерии агрессивности у ребенка» (Лаврентьева Г.П., Титаренко Т.М.) [4], Карта наблюдений для детей дошкольного возраста (модификация методики Стотта) [2], графическая методика «Кактус» (Памфилова М.) [5].

1. Анкета для воспитателей «Критерии агрессивности у ребенка» включает в себя 20 показателей проявления агрессивности, за присутствием или отсутствием которых у ребенка должен следить воспитатель. Положительный ответ на каждое предложенное утверждение оценивается в 1 балл.

Обработка результатов:

Высокая агрессивность — 15–20 баллов.

Средняя агрессивность — 7–14 баллов.

Низкая агрессивность — 1–6 баллов.

После подсчета числа детей по каждому уровню агрессивности были получены следующие результаты:

2 ребенка имеют высокий уровень агрессивности;

3 ребенка имеют средний уровень агрессивности;

9 детей имеют низкий уровень агрессивности

2. Исследование агрессивных проявлений в поведении (модификация методики Д. Стотта)

Цель исследования: Выявление особенностей агрессии, проявляемой детьми старшего дошкольного возраста в поведении. Методика позволяет определить уровень агрессивности в поведении ребенка и сформулировать предположения о тенденции

к формированию патохарактерологических агрессивных реакций.

Процедура заполнения: карта наблюдения заполняется педагогом, воспитателем, психологом — человеком, хорошо знающим ребенка и имеющим возможность наблюдать его поведение в разных ситуациях. Заполняющему карту дается список симптомокомплексов и составляющих их симптомов, а также регистрационные бланки — по одному на каждого ребенка.

Обработка результатов: общая сумма баллов по частоте наблюдаемости определяет уровень агрессивности:

– I уровень, (от 0 до 65 баллов) — свидетельствует о том, что поведение ребенка позволяет сделать вывод об отсутствии тенденции закрепления ситуационно-личностных реакций агрессии как патологических, скорее всего ребенок в состоянии самостоятельно овладеть агрессивностью.

– II уровень, (от 66 до 130) — говорит об опасности закрепления агрессии как патохарактерологической черты; скорее всего, ребенку требуется помощь в овладении собственным деструктивным поведением;

– III уровень, (от 135 до 195 баллов) — характеризует поведение ребенка как патологическое, что предполагает оказание значительной психолого-педагогической помощи ему в овладении агрессивностью как расстройством поведения и эмоций;

– IV уровень, (от 196 до 240 баллов) — свидетельствует, скорее всего, о серьезных изменениях в личности ребенка, требующих медицинского вмешательства.

После подсчета числа детей по каждому уровню агрессивности были получены следующие результаты:

2 ребенка имеют II уровень агрессивности;

12 детей имеют I уровень агрессивности.

3. **Графическая методика «Кактус» (М. А. Памфилова)**

Цель: изучение состояния эмоциональной сферы ребенка (старше 3-х лет), выявление наличия агрессии, ее направленности и интенсивности.

Инструкция: «На листе белой бумаги нарисуй кактус — такой, каким ты его себе представляешь». Вопросы и дополнительные объяснения не допускаются.

Уровни и критерии агрессивности по методике «Кактус»

Высокий уровень

Критерии: длинные, торчащие в разные стороны иголки. Иголки прорисованы тщательно. Большое количество иголок.

Средний уровень

Критерии: умеренное количество иголок, иголки в рисунке присутствуют, но не прорисованы. Большое место на рисунке занимает ствол растения или другие элементы рисунка.

Низкий уровень

Критерии: отсутствие колючек у кактуса.

После обработки данных мы получили следующие результаты:

Низкий уровень агрессивности — 3 человека;

Уровень агрессивности ниже среднего — 5 человек;

Уровень агрессивности выше среднего — 1 человек;

Средний уровень агрессивности — 3 человека;

Высокий уровень агрессивности — 2 человека.

Обсуждение результатов

С целью определения уровня агрессивности дошкольников было проведено анкетирование педагогов детского сада: воспитатели оценили агрессивность дошкольников как высокую у 2 детей, как среднюю — у 3 детей. У остальных дошкольников — 9 человек (64% от общего числа испытуемых), — по мнению педагогов, уровень агрессивности низкий.

Согласно данным проведенного наблюдения и бесед с педагогами дошкольного учреждения отмечается, что склонные к агрессии дети часто ведут себя импульсивно, несдержанно, остро и негативно реагируют на трудности (плач, топание ногами, отказ от занятий), в большинстве случаев отбирают игрушки у сверстников, подшучивают над другими детьми. А также было выявлено, что контролировать свое поведение, в частности проявление агрессивности, дети, как правило, затрудняются.

Анализируя результаты исследования по методике Стотта, следует отметить, что два ребенка (14%) имеют по одному доминирующему симптомокомплексу, один из них — ТД (тревога по отношению к детям) и второй — ВД — враждебность к детям.

Полученные данные подтверждаются результатами проективного рисуночного теста «Кактус». Высокий уровень агрессии, характеризующийся наличием в рисунке большого количества иголок, иголки кактуса длинные, «острые» — данные рисунки присущи двум дошкольникам (14%). Особенно важно отметить рисунок одного ребёнка. На рисунке мальчика нарисован не один, а три кактуса, все с длинными колючками. Рисунок выполнен с многократной обводкой. В процессе рисования присутствовали комментарии ребенка («огромные иголки, сразу палец проткнешь»). Средний уровень агрессии был отмечен у 4-х человек (29%). На рисунках этих детей кактусы с иголками, но они тонкие, волнообразные, многие не соединены со стволом. Кактусов без иголок не было.

Таким образом, исходя из результатов исследования, отметим, что уровень агрессивного поведения у детей исследуемой группы в основном характеризуется как низкий и средний.

По итогам диагностики: девять воспитанников (64%) имеют низкий уровень агрессивности, трое воспитанников (22%) имеют средний уровень. У двоих воспитанников (14%), отмечается высокий уровень агрессивности.

Сведем данные нашего исследования в таблице 1.

Таблица 1. Уровень агрессивности воспитанников старшей группы

Уровень агрессивности	по методике Лаврентьевой, Титаренко	по методике Д. Стотта	по методике «Кактус» (Панфилова)
Высокий	2 человек (14%)	0 человека (0%)	2 человека (14%)
Средний	3 человека (22%)	2 человека (14%)	4 человека (29%)
Низкий	9 человек (64%)	12 человек (86%)	8 человек (57%)

На сегодняшний день можно говорить о том, что при общей гуманизации общества, мы все чаще наблюдаем различные проявления агрессивного поведения среди детей. Напрасно полагать, что ребенок сможет самостоятельно побороть агрессивные импульсы, «дорастить» до оптимального уровня самоконтроля. Ведь в дальнейшем, в подростковом возрасте агрессивность может стать характерологической чертой личности. Поэтому особое значение приобретает профилактика агрессивного по-

ведения старших дошкольников всевозможными средствами, проверенными научным знанием.

Исходя из полученных данных видно, что проблема агрессивного поведения среди подрастающего поколения достаточно актуальна и начинается уже в дошкольном возрасте, что требует дополнительных исследований причин, приводящих к агрессии, а также разработки методологии для профилактики агрессивного поведения старших дошкольников.

Литература:

- Кадыраджиева, А. К. Способы коррекции причин проявления агрессивного поведения у подростков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. — 2012. — № 4 (21). — С. 61–63.
- Карта наблюдений Д. Стотта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/karta_nabludenij_stotta.pdf, свободный — (17.06.2020).
- Клейберг Ю. А. Психология и педагогика девиантного поведения: Учебно-методический комплекс. — М.: Изд-во МГОУ, 2012. — 97 с.
- Лаврентьева Г. П., Титаренко Т. М. Практическая психология для воспитателя (Выпуск 2). — Киев, 1992.
- Памфилова М. А. Графическая методика «Кактус» // Обруч. — 2000. № 5. С. 12–13.
- Портал информационной поддержки специалистов дошкольных организаций Актион Образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.resobr.ru/article/61499-qqe-18-m10-celi-fgos-doshkolnogo-obrazovaniya/dlya_dostupa_k_infurm_resurсам_требуется_авторизация. — Загл. с экрана. — (17.06.2020).

7. Федеральный Государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г., № 1155 / Министерство образования и науки Российской Федерации. — Москва: 2013 г.

Гендерные особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте

Перевойкина Дарья Сергеевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье анализируются гендерные особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте. Представлено сравнительное исследование интеллекта мальчиков и девочек подросткового и юношеского возраста.

Ключевые слова: интеллект, особенности интеллекта, мальчики и девочки, лица подросткового и юношеского возраста.

Проблема исследования и развития интеллекта является одной из дискуссионных как в отечественной, так и зарубежной психологии. Исследователи широко расходятся в дефиниции интеллекта, и еще нет ни одного стандартного определения, с которым бы все согласились. Интеллект в широком смысле — это совокупность всех познавательных функций индивида: от ощущения и восприятия до мышления и воображения [4].

Л. С. Выготский проводит принципиальное противопоставление между натуральными психическими функциями и высшими психическими функциями, которые социально детерминированы и составляют сущность человеческого сознания. К высшим психическим функциям Выготский Л. С., прежде всего, относит понятийное мышление, формирование которого начинается и завершается в подростковом возрасте, полностью перестраивая всю структуру интеллекта. С его точки зрения, обучение подростков ведёт и определяет интеллектуальное развитие. Это решение прямо противоположно позиции Ж. Пиаже [1].

Особый интерес в плане анализа динамики интеллектуального развития представляет собой подростковый возраст. В этот возрастной период складывается особая ситуация развития, происходит половое созревание, которое в некоторой степени может тормозить интеллектуальное развитие, и одновременно формируется теоретическое (формальное, понятийное) мышление, обеспечивающее качественное повышение интеллектуальных ресурсов подростка. Таким образом, возникает основное противоречие подросткового возраста: с одной стороны, это сензитивный период для развития интеллекта, но, с другой стороны, именно на этом этапе онтогенеза отмечается снижение темпа интеллектуального развития [1].

Перестройка интеллектуальной сферы является основой формирования структуры самосознания и саморегуляции, поэтому особое внимание необходимо уделять особенностям интеллекта в подростковом возрасте. Вот почему выбор именно такой темы дипломной работы, которую можно определить как половые особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте, особенно актуален.

Объект исследования — интеллект.

Предмет исследования — половые особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте.

Цель исследования — изучить половые особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте.

В ходе работы ставятся следующие задачи:

1. проанализировать психологическую литературу по теме половых особенностей интеллекта в подростковом и юношеском возрасте;
2. сравнить особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте;
3. выявить половые особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте.

Гипотезы:

- предположим, что имеются различия в уровнях интеллектуального развития, вербального, пространственного и математического интеллекта в подростковом и юношеском возрасте.
- предположим, что имеются различия в уровнях интеллектуального развития, вербального, математического, пространственного интеллекта у мальчиков и девочек.

Методологическая основа исследования: триадная теория интеллекта Р. Стернберга (1997), двухфакторная теория интеллекта Ч. Спирмена (1927).

Методы исследования:

1. теоретический анализ литературы;
2. эмпирические методы:
 - 2.1. тест структуры интеллекта Амтхауэра (сокр. IST)
 - 2.2. тест прогрессивные матрицы Равена
3. методы математической статистики: многофакторный и двухфакторный дисперсионный анализ, U-критерий Манна-Уитни.

Новизна исследования состоит в том, что оно затрагивает и исследует тему, которая в научной психологической литературе разработана слабо, а именно это вопрос о половых особенностях интеллекта в подростковом и юношеском возрасте, также данных об исследованиях в этой области крайне скудны.

В психологических исследованиях проблема развития интеллекта, несмотря на большое количество теоретических концепций, моделей и диагностических методик, является одновременно и разработанной, и во многом дискуссионной областью психологического знания. До настоящего времени не сложилось однозначного определения интеллекта, хотя это понятие

активно используется в различных областях. Как правило, категория «интеллект» (лат. intellectus) трактуется как ум, рассудок, разум; способности человека к мышлению, рациональному познанию, абстрактно-аналитической деятельности и генерации новой информации. В широком смысле интеллект представляет собой совокупность всех познавательных особенностей человека, начиная от ощущения и восприятия и кончая мышлением и интуицией [2].

Исследование В. В. Назаровой посвящено изучению закономерностей развития интеллекта учащихся от младшего школьного к старшему подростковому (юношескому) возрасту показало, что оно идет неравномерно, процессы дифференциации, преобладающие в развитии интеллекта младших подростков, сменяются процессами интеграции, являющиеся закономерными в старшем подростковом возрасте. В целом же младшие подростки справляются с решением интеллектуальных задач лучше, чем младшие школьники, а старшие подростки — лучше, чем младшие. При этом от возраста к возрасту наблюдается существенный рост полнезависимости, изменение соотношения вербальных и невербальных компонентов интеллекта: от младшего школьного возраста к старшему подростковому вербальные структуры начинают преобладать над невербальными [3].

Исследование проходило в несколько этапов. Сначала происходило создание выборки для предстоящего исследования: отбор из числа учащихся МКОУ Большееникинской СОШ № 560 испытуемых подросткового и юношеского возраста.

Затем проведено исследование с помощью тестов «прогрессивные матрицы Равена» и «Тест Р. Амтхауэра» 60 испытуемых мальчиков и девочек подросткового и юношеского возраста с целью измерения половых особенностей интеллекта. Подсчёт и обработка полученных данных в Microsoft Office Excel.

Применение на результатах исследования методов математической статистики, а именно многофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа, U-критерий Манна-Уитни с использованием SPSS (статистика).

В итоге была получена таблица 6 «Матрица перевернутых компонентов». Далее происходила интерпретация выделенных 3-х факторов.

При интерпретации 1-го фактора была составлена таблица 7 «Зависимость уровня логичности мышления от возраста» и ри-

сунк 1, который призван наглядно показать взаимосвязи выделенных в 1-м факторе показателей.

При интерпретации 2-го фактора была составлена таблица 8 «Влияние пола на интеллект», в котором отражено влияние показателей данного фактора друг с другом и рисунок 2, который призван наглядно показать их взаимосвязь.

При интерпретации 3-го фактора была составлена таблица 9 «Влияние пола и возраста на интеллект». В ней отражено, какие показатели связаны между собой и насколько сильно, и рисунок 3, который призван наглядно показать взаимосвязи выделенных в 3-м факторе показателей.

Затем полученные данные объединены и из них составлены выводы.

Проведя исследование, мы выявили следующие половые особенности интеллекта в подростковом и юношеском возрасте:

Показатели вербального интеллекта с возрастом улучшаются, причём у девушек сильнее, чем у юношей. Это такие показатели как здравый смысл, акцент на конкретно-практическое, чувство реальности, сложившаяся самостоятельность мышления, это чувство языка, индуктивное речевое мышление, точное выражение словесных значений, способность чувствовать, способность комбинировать, подвижность и непостоянство мышления, понимание отношений, обстоятельность мышления, удовлетворенность приблизительными решениями, способность к абстракции, образование понятий, умственная образованность, умение грамотно выражать и оформлять содержание своих мыслей.

Показатели математического интеллекта с возрастом улучшаются, причём у девушек сильнее, чем у юношей. Это такие показатели как способность быстро решать формализуемые проблемы, практическое мышление, теоретическое, индуктивное мышление, вычислительные способности, стремление к упорядоченности соразмерности отношений, определенному темпу и ритму.

Динамики по пространственному интеллекту не наблюдается, наоборот, отмечается некоторое снижение.

Уровень логичности мышления с возрастом повышается, однако пол на этот показатель не влияет. Из этого можно сделать вывод о том, что возраст оказывает значительное влияние на интеллект и успешность решения невербальных тестов интеллекта, а пол — нет. Но при этом совместное влияние факторов также значимо.

Литература:

1. Бударина Е. Г. Динамика интеллектуального развития в подростковом возрасте в условиях разных моделей обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2005. 32 с.
2. Калинкина Е. М. Динамика когнитивной сложности познавательной сферы у подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008. 19 с.
3. Назарова В. В. Динамика когнитивной дифференцированности и возрастные интеллектуальные особенности школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2001. 19 с.
4. Чаликова О. С. Взаимосвязь интеллектуального развития подростков со школьной успеваемостью // Вестник Уральского государственного университета. — 2001. — № 3. — С. 33–36.

Снижение проявления одиночества у людей в процессе психологического консультирования

Петухова Юлия Николаевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В настоящее время в сфере психологического консультирования наблюдается частый запрос по переживанию чувства одиночества. Данная проблема наиболее выражена у мужчин и женщин среднего возраста, которые чувствуют себя изолировано от социума, имеют сложности с выстраиванием гармоничных межличностных отношений. В науке не существует единственного понятия одиночества, корень его происхождения и проявления.

Одиночество как социально-психологический феномен был выделен Вербицкой, Е. Н. Заворотных, Л.И., культурно-исторические формы одиночества рассмотрены С. О. Ветровым, О. В. Данчевой, особенности одиночества на разных возрастных этапах В. И. Лебедевым, а гендерный аспект одиночества изучали О. Я. Грановская, Л. Ю. Левченко. [8, С78]

Существует несколько основных теоретических подходов по вопросам одиночества: психологические, феноменологические, экзистенциально-гуманистические, социологические, интеракционистические, коллективные, интимные, теоретико-системные.

Зигмунд Фрейд утверждал, что одиночество прежде всего связано со страхом смерти, состоянием изоляции, отчуждения. Общение это единственная возможность избежать чувства одиночества, которая взаимно подтверждает наше существование. Данная концепция относится к психодинамической модели, которая включает в себя психоанализ Фрейда. [7, С280]

Феноменологическое одиночество — это когда социум толкает индивида действовать с установленными идеалами, образами. При этом у человека возникает противоречие между «истинным Я» и «Я в отношении других», что напрямую зависит от установки человека. Если есть уверенность в том, что «истинное Я» отвергнуто другими людьми, человек закрывается в себе и это делает его одиноким.

При моральном одиночестве возникает постоянная тревожность и страх от того, что индивид не хочет отождествляться с другими людьми, их ценностями и идеалами, в этом случае он бежит в индивидуализм, коллективизм. [10, с.37]

В гуманистическом направлении психолог помогает встретиться с чувством одиночества один на один, почерпнуть ценности этих моментов. [9, С56]

Карл Мустакас считает, что одиночество — проявление творческой силы, где человек встречается с истинным Я и это многое дает его личности, а именно познание себя, других, возможность увидеть ситуацию по новому, осознать ценности, найти смысл своего существования, это помогает вырваться из привычных стандартов поведения.

В социологической теории по идее Баумана: «Одиночество есть в каждом человеке и лежит оно вовне, то есть в обществе. При тесных межличностных контактах отношения формализуются и ослабевает их роль». [5, с.97]

И. М. Слободчиков считает, что переживание одиночества является характеристикой личности это базовое переживание, которое влияет на личностное развитие, соединяющее такие качества как: самосознание, рефлексия, укрепляет характер развития личности и личностной зрелости. [4, с.23]

Структура психологического консультирования по проблеме одиночества включает в себя принципы, техники когнитивной ориентированности.

Консультирование может сочетаться с психодрамой, где психолог-консультант выслушивает проблему и запрос клиента, проводит коррекцию иррациональных убеждений, помогает клиенту изменить отношение к миру, к себе, понять мотивы поведения и переживаний. [9, с.39] Воображаемый диалог позволяет увидеть ситуацию с другой стороны и самим избавиться от длительного, многолетнего переживания и чувства обиды.

С. Г. Корчагина выделяет 3 вида одиночества: диффузное, отчуждающее и диссоциированное. Люди, которые испытывают диффузное одиночество отличаются подозрительностью в межличностных отношениях, возбудимостью, тревожностью и эмотивностью характера, ко всему этому остро реагируют на стрессы, выбирают стратегию поиска сочувствия и поддержки. [2, с.228]; [3, с.158]

Отчуждающему одиночеству присуще возбудимость, тревожность, низкая эмпатия, противоборство в конфликтах, выраженная неспособность к сотрудничеству, зависимость в межличностных отношениях.

Диссоциированное одиночество выражается в тревожности, возбудимости и демонстративности характера, высокой или низкой эмпатии, эгоистичности и подчиняемости в межличностных отношениях.

По данным исследования из 15 мужчин в возрасте от 20 до 35 лет (средний возраст 27) 80% наблюдается диффузное одиночество, из опрошенных 10 женщин в возрасте от 20 до 33 лет (средний возраст 26) 74% наблюдается диссоциированное одиночество.

По данным исследования можем сделать вывод, что мужчины более недоверчивы в отношениях с людьми, испытывают подавленное состояние, остро переносят стрессы, ждут поддержки со стороны. Женщины испытывают тревожность, ко всему этому демонстративно показывают свой характер, проявляют эгоистичность и нежелание делить другого (близкого) человека с кем-либо.

Дальнейшая консультативная работа с людьми направлена на изменение образа «Я», преодоление негативного отношения к себе. Для этого также могут использоваться когнитивные техники в сочетании с психодрамой. Целенаправленная психологическая помощь людям, переживающим субъективное чувство одиночества, что предполагает развитие рефлексии, и формирование устойчивой положительной самооценки, использование в работе программы социально-психологического

тренинга, в ходе которого можно решать вопросы развития личности, психологической помощи и поддержки. [1, С12]

Таким образом, исходя из рассмотренных выше теорий и подходов к психологическому консультированию по во-

просам одиночества, можно сделать вывод о том, что единой верной концепции в определении этого понятия не имеется. Только целостный подход и системный характер решения проблемы одиночества позволяет наиболее верно помочь человеку.

Литература:

1. Белорусов С. А. Темы одиночества, старения и отношения к смерти в психологии и духовности (обзор литературы). // Психология зрелости и старения, № 2 (10), лето, 2000. С. 12–19.
2. Корчагина С. Г. Психология одиночества. — М., 2008.
3. Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. М., 2008
4. Крюкова Т. Л. Когнитивная психология совладания с одиночеством // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2013. — Т. 19. — № 2. — С. 93–97.
5. Слободчиков И. М. Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических ВУЗов / И. М. Слободчиков // Психологическая наука и образование, 2005. — № 4. — С. 15–34.
6. Вейс Р. С. Вопросы изучения одиночества // «Лабиринты одиночества» / М.: Прогресс, 1989. С. 114–126.
7. Вейс Р. С. Теоретические подходы к одиночеству / Р. С. Вейс // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М., 1989.
8. Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. — М.: Республика, 2006. — 384 с.
9. Кон И. С. Многоликое одиночество // Знание — сила. 1986. № 12.
10. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы. М., 2008/
11. Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.

Историческая память как регулятор социального поведения

Суздальцев Никита Валерьевич, студент магистратуры;

Пантелеев Александр Фёдорович, доцент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Социальное поведение человека регулируется за счет внутри- и внесистемного взаимодействия индивидуальных и социальных факторов существования. Феноменологические представления социального поведения во многом связаны как со структурированной реальностью, имеющей системный характер, так и с так называемой текучей реальностью. Изменение окружающей реальности ставит перед человеком задачу поиска своего места в новой реальности, и, по выражению З. Баумана, перемещения в готовые ниши нового порядка [1, с. 13]. Решение этой, в общем — то традиционной задачи, зависит от успешности использования новой ситуации для обеспечения необходимого уровня комфорта в новых условиях. Актуализация паттернов социального поведения, минимально необходимая для решения встающих задач неопределенна по причине неопределенности самих паттернов. Готовые сценарии поведения, ранее предоставлявшие человеку возможность вполне успешной и бесконфликтной адаптации в «новой социальной нише», в какой — момент времени оказались несостоятельными и ведущими скорее к дезадаптации, чем к адаптации. Типичным примером устойчивого дезадаптивного поведения определенной части граждан является их отношение к так называемым «финансовым пирамидам».

Дефицит адаптирующей информации восполняется, согласно представлениям когнитивной социальной психологии, в первую очередь на социально — перцептивном уровне. Когнитивная психология придерживается представления, об индивидууме как автономном, отдельном, с набором врожденных характеристик. Социальный мир рассматривается как информация, которую нужно обработать. Одна из главных посылок когнитивной психологии состоит в том, что индивидуум «пропускает сквозь себя» массу информации о мире, обрабатывает ее с помощью когнитивных процессов и определенным образом категоризирует мир. Мир содержит так много информации, что индивидуум не способен создать значение явлений и событий из хаоса, если только он не использует категории. Категории — это ментальные структуры, которые управляют действиями и формируются в непосредственном опыте человека. Ментальные структуры возникают на основе перцепции и затем используются при категоризации информации о мире.

Характерное подтверждение сказанному дано Н. А. Бердяевым: «В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести» [2, с. 14]. Аналогичные выводы в связи со спецификой феодализма в России были сделаны Р. Пайпсом, который утверждает, что понятие договора, столь значимое в от-

ношениях в феодальный период в западной Европе, в России в силу вотчинного характера землевладения не были актуальными.

Подобные нюансы исторической памяти были не столь актуальны в период «железного занавеса», однако по мере того как Россия становилась все более открытой, различие в психологии и способах адаптации становилось все более очевидным и мешающим социальному развитию.

В «теориях согласованности», включая «теорию когнитивного диссонанса», сформулированную Луи Фестингером, постулируется предположение, что люди стремятся к согласованности своего мышления. Им установлено, что если испытывается диссонанс — несогласованность между двумя или более мнениями, то возникает дискомфорт и психологическое напряжение. С целью уменьшения напряжения человек изменяет свои убеждения, чтобы они снова стали согласованными. Одна из трудностей «теорий согласованности» состоит в том, что изменение убеждений не всегда приводит к снижению напряжения.

Попытка решить проблему «согласованности» была сделана дискурсивной психологией, представители которой утверждают, что способы понимания и категоризации мира не универсальны, а условны, зависят от истории и социальных факторов. Помимо этого, в рамках данного направления психологии делается акцент на то, что в речи люди часто противоречат себе, а попытки достичь согласованности встречаются не во всех случаях [3]. «Текущность» категорий тем самым поддерживается нередким отсутствием мотивации к решению задачи на «согласование». Типичным примером подобной ситуации служит решение задачи электорального выбора: имея конкретное и нормативно обусловленное и подтвержденное социологическими измерениями представление об «идеальном» кандидате или депутате, значительная часть избирателей, тем не менее, отдает свои голоса известным демагогам.

Необходимость изучения этого феномена связана с пониманием того, как ведет себя человек не только и не столько под влиянием сложившегося у него в данный момент представления, но и под влиянием прошлого. Объяснительной категорией, позволяющей раскрыть роль прошлого в социальном и политическом поведении, является категория менталитета. Менталитет включен в политическую картину мира личности не столько как её содержательная, сколько как инструментальная характеристика, совокупность алгоритмов, по которым человек решает политические задачи. Реальность политического менталитета подтверждается моментом идентификации конкретной личности с декларируемыми властью (и в интересах власти) ценностями.

В политическом менталитете можно выделить содержательную, информационную сторону (в нее включены взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные комплексы и структуры; для их обозначения используются идеологические «ярлыки» и инструментальную, категориальную сторону (стиль мышления, характер политических рассуждений, способ восприятия системы, своего рода «психологический инструментарий»). Эту сторону менталитета следует особо подчеркнуть, так как при конкретном психолого-поли-

тическом анализе «текущность» категорий анализа политической ситуации специфична и проявляется весьма часто. Достаточно вспомнить хрестоматийные случаи резкого изменения оценки избирателями того или иного кандидата в результате так называемого «черного пиара». Именно этот политтехнологический прием ориентирован на «текущность», условность и ситуативность применения категорий анализа. Решение задачи состоит не столько в том, чтобы информировать избирателя, сколько в том, чтобы стимулировать иной подход к решению задачи политического выбора, то есть изменить мышление избирателя. Тем не менее, речь, по — видимому, должна идти не о вариативности инструментальных приемов анализа, а о содержательной их стороне. Например, круг анализируемых объектов может изменяться в зависимости от условий решения задачи, хотя операциональная (инструментальная) сторона анализа остается неизменной. В этом смысле первая из сторон политического менталитета динамична и может быть изменена за счет коммуникации, вторая более устойчива именно в силу ее инструментальности. Проблема политического выбора в России заключается именно в силу консервативности мышления большинства избирателей, устойчивости именно инструментальной стороны менталитета. Особенно выраженный характер приобретает консерватизм, интегрированный с определенными возрастными особенностями, в данном случае мышления: избиратели старшего возраста нередко голосуют за того или иного кандидата не вследствие его позитивных характеристик, а из — за его принадлежности к конкретной партии.

Структурным элементом политического менталитета является историческая память, которая и служит основой для возникновения и личности определенного типа, и общества. Нарратив, по мнению Р. Барта, является универсальной формой языкового существования: «рассказывание существует повсюду, во все времена, в любом обществе; рассказывать начали вместе с началом самой человеческой истории; нет, никогда и нигде не было народа, который не умел бы рассказывать; все классы, любые социальные группы создают свои собственные повествования, и нередко случается так, что люди различной, если не сказать противоположной, культуры совместно внимают одним и тем же рассказам».. [4, с. 387]

Если исходить из нарративного характера истории, то историческая память — то, что люди высоко ценят в истории своей страны и своего народа, чем они гордятся и что ненавидят. В структуре памяти в целом историческая память занимает место на пересечении эпизодической и семантической памяти. Э. Тульвинг характеризовал эпизодическую память как эволюционно позднюю, легко уязвимую, хранящую эпизоды прошлого данного человека. Семантическая память хранит обобщенные сведения о мире. Эти два вида памяти взаимодействуют между собой, однако имеют свои специфические особенности, которые представляют интерес в рассматриваемом нами аспекте. Семантическая память не зависит от контекста, хранит личностно нейтральную информацию, социализированное содержание, в то время как эпизодическая — зависит от контекста, имеет личностно ориентированное, индивидуализированное содержание. Историческая память, если согласиться с занимаемым ей местом в структуре памяти, явля-

ется синтезированным видом памяти и хранит сведения об истории, так или иначе переработанные, насыщенные личностным содержанием. Примером могут послужить сведения о далеком прошлом не только из опыта человека как индивида, но знание социально — исторического контекста жизни на момент запоминания тех или иных событий из прошлого самого индивида.

Использованный Дюркгеймом концепт «коллективного сознания» как источника и регулятора общественной жизни и общественного развития позволяет понять, что в исторической памяти сконцентрирована своеобразная умственная жизнь социума, более богатая и сложная, чем умственная жизнь конкретного индивида. Коллективные представления по мысли Дюркгейма имеют приоритет над индивидуальными.

Историческая память проявляет себя в случае неясного припоминания конкретных событий прошлой жизни, которое корректируется за счет нарративной стороны. Человек тем самым припоминает не только эпизодическую сторону, но и семан-

тическую. Примером является память об Иване Грозном, особенно в сравнении русского и татарского этносов.

Применение концепта исторической памяти может быть продуктивным для объяснения неожиданных для политологов и политических психологов результатов социологических опросов. Например, вызывает удивление тот факт, что опрашиваемые отдают предпочтение тем или иным политическим партиям без знания их программ, то есть «голосуют сердцем». Политолог Д. Орешкин связывает несовпадение приоритетов россиян с крайне низким уровнем политической культуры. «Как правило, люди голосуют за ту или иную партию, ничего не зная о её программе и не слыша предвыборных обещаний... Просто одни поддерживают президента, а другие нет». («Газета» № 60 от 04.04.2007 г.). Парадоксальность поведения становится понятной, если учесть, что люди нередко голосуют не за свое будущее, а за свое прошлое. В ряду объяснительных принципов электорального поведения низкий уровень политической культуры при этом явно отходит на второй план.

Литература:

1. Бауман З. Текучая современность. — М.: Изд-во Питер. — 2008 г.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. — М.: ИМА-пресс. — 1990 г.
3. Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс — анализ. Теория и метод. — Харьков., Изд — во Гуманитарный центр. — 2004 г.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов //Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX вв.: Трактаты. Статьи. Эссе. — М., Изд-во Моск ун-та. — 1987.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 25 (315) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 01.07.2020. Дата выхода в свет: 08.07.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.